

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093* от 19 мая 2005 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2015

Ежеквартальное издание

№ 3

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2015
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2015

INTELLIGENTSIYA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License **ИИ № ФС 77-21093** on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 19/02/2010)*

2015

Quarterly

№ 3

**Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation**

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription index
in the "Press of RF" catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2015
© Ivanovo State University, 2015

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный политехнический университет; **А. А. Данилов**, Институт Всеобщей истории РАН; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **Г. Н. Кочешков**, Ярославский государственный педагогический университет; **Д. А. Макеев**, Владимирский государственный университет; **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН (Москва); **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **С. Н. Полторац**, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций; **Д. И. Польшвинный**, Ивановский государственный университет; **В. А. Порозов**, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; **Е. М. Раскатова**, Ивановский государственный химико-технологический университет; **А. В. Репников**, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва); **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **А. А. Соловьёв**, Костромской государственный технологический университет; **В. Л. Соскин**, Новосибирский государственный университет.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Polytechnical University; **A. A. Danilov**, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **G. N. Kocheshkov**, Yaroslavl State Pedagogical Institute; **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrashyova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **D. A. Makeev**, Vladimir State University; **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **S. N. Poltorak**, St. Petersburg State University of Telecommunications; **D. I. Polyvyanny**, Ivanovo State University; **V. A. Porozov**, Perm State Humanitarian Pedagogical University; **E. M. Raskatova**, Ivanovo State University of Chemistry and Technology; **A. V. Repnikov**, Russian State Archive of Social and Political History; **V. G. Ryzenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **A. A. Solovyev**, Kostroma State Technological Institute; **V. L. Soskin**, Novosibirsk State University.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Золотарев О. В.* Украинский кризис и русская
интеллигенция 9
- Неустроева А. А.* Украина на пути в Европу. Мнение
украинской интеллигенции: pro et contra 22

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Глазунов С. Р.* Профессиональная интеллигенция
и фабричная инспекция России в конце XIX века
(На материалах Владимирской губернии) 38
- Порозов В. А.* Интеллигенция Прикамья: истоки и пути
формирования 57
- Макеев Д. А.* Национальная интеллигенция в общественно-
политическом движении Египта (1914—1919) 66

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Рязанов П. А., Софронова Л. В.* Византийский ученый
Димитрий Халкокондил в культурном пространстве
ренессансной Флоренции 83
- Кривопалова Н. Ю.* Встречи с Эльвирой Борисовной
Ершовой (К юбилею доктора исторических наук,
профессора Э. Б. Ершовой) 96

ДИСКУССИЯ

- Смирнов Д. Г.* Интеллигенция как внутренняя форма
ноосферной (глобальной) истории 101
- Рожкова А. С., Воронов Ю. М.* Любители и профессионалы:
новый дилетантизм в обществе знаний 113

ДЕБЮТ

- Григорьева Е. А.* Советы ученого об управлении
государством в трактате Эразма Роттердамского
«Воспитание христианского государя» 131
- Ракова М. С.* Интеллигенция в информационном
пространстве глобального мира 143
- Аннотации* 149
- Информация для авторов* 157

CONTENTS

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Zolotarev O. V.* Ukrainian crisis and Russian intelligentsia 9
- Neustroyeva A. A.* Ukraine on the way to Europe.
Opinion of the Ukrainian intelligentsia: pro et contra 22

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Glazunov S. R.* Professional intelligentsia and factory inspection
of Russia at the end of the 19th century
(On materials of the Vladimir province) 38
- Porozov V. A.* Intelligentsia of the Kama region: sources
and ways of formation 57
- Makeev D. A.* National intelligentsia in the social and political
movement of Egypt (1914—1919) 66

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Ryazanov P. A., Sofronova L. V.* Byzantine scholar Dimitry
Halkokondil in cultural space of the Renaissance Florence 83
- Krivopalova N. Y.* Meetings with Elvira Borisovna Yershova
(To the anniversary of the doctor of historical sciences,
professor E. B. Yershova) 96

DISCUSSION

<i>Smirnov D. G.</i> Intelligentsia as an internal form of noospheric (global) history	101
<i>Rozhkova A. S., Voronov Y. M.</i> Amateurs and professionals: a new dilettantism in the society of knowledge	113

DEBUT

<i>Grigorieva E. A.</i> Erasmus of Rotterdam's treatise «Education of the Christian sovereign» as a piece of the scholar's advice on the state government	131
<i>Rakova M. S.</i> Intelligentsia in information space of the global world	143
<i>Annotations</i>	153
<i>Information for authors</i>	157

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 60.543.132.1

О. В. Золотарев

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Кризисные эпохи российской истории всегда привлекают внимание общества к позиции интеллигенции, ибо русская интеллигенция в такие периоды становится своеобразной вынужденной, но необходимой посредницей между государством и народом. Таким образом, интеллигенция играет роль, подобную той, которую выполняют на Западе «демократические» учреждения и институты. Именно поэтому отношение к интеллигенции в России всегда было особенным. В России интеллигенцию (в отличие от Запада, где интеллектуалы являлись лишь обычными работниками, производящими нематериальный товар) отличала особая миссия — выразителя чаяний народа, духовных и идейных ценностей.

В конечном счете, именно на культурной и интеллектуальной элите лежит ответственность за то, что происходит с Россией. Ведь именно она «формирует и формулирует стратегии, тренды и сверхсмыслы существования нации, страны и государства... Именно интеллигенция (в средневековом обществе — церковь, в древнем — жреческая каста) ставит сверхзадачу для нации.

© Золотарев О. В., 2015

Золотарев Олег Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и экономической теории Коми государственного педагогического института. oleg-zolotarev@mail.ru

Именно интеллигенция порождает сферу идеального и создает ту самую “гуманитарную ауру нации” или “мягкую власть” (soft power), благодаря которой страна и народ утверждаются в международной политике и мировой истории»¹.

Между тем в настоящий момент российское общество переживает весьма сложный период собственной самоидентификации, когда и должны быть востребованы именно эти качества интеллигенции². Здесь необходимо вспомнить, что своеобразным спусковым крючком сегодняшнего кризиса стали события на Украине. Они не только породили нынешнюю ситуацию и привели к мобилизации сил Российского государства и общества, но и породили раскол в среде российской интеллигенции.

Это очень ясно проявилось уже в марте 2014 года, когда на официальном сайте Министерства культуры РФ было опубликовано письмо деятелей культуры «в поддержку позиции Президиума по Украине и Крыму». В нем говорилось: «В дни, когда решается судьба Крыма и наших соотечественников, деятели культуры России не могут быть равнодушными наблюдателями с холодным сердцем. Наша общая история и общие корни, наша культура и ее духовные истоки, наши фундаментальные ценности и язык объединили нас навсегда. Мы хотим, чтобы общность наших народов и наших культур имела прочное будущее. Вот почему мы твердо заявляем о поддержке позиции Президента Российской Федерации по Украине и Крыму»³.

Однако Конгресс интеллигенции, который проводился под эгидой ПЕН-Центра, принял совсем иное по смыслу заявление — заявление «Конгресса интеллигенции против войны, самоизоляции России и реставрации тоталитаризма». В нем граждан РФ призывали поддержать антивоенные акции и инициативы, сплотиться в широкое антивоенное движение. Данный документ подписало более 1800 человек, в том числе правозащитники Л. Алексеева и Л. Пономарев, писатель Л. Улицкая, музыкант А. Макаревич, писатели В. Войнович и В. Шендерович, актриса Л. Ахеджакова, историк А. Зубов и др. Что же касается появившегося ранее письма творческих работников России в поддержку позиции В. В. Путина по Крыму, то, по мнению представителей Конгресса, подписавшие его «уже давно никакой репутации не имеют, за редчайшими исключениями»⁴.

Дальше — больше. Певец и один из лидеров Конгресса интеллигенции — А. Макаревич выступает с концертом в Донецкой области, занятой украинскими карательными войсками, называя народные республики на востоке Украины «бредовыми». В ответ на неприятие своих действий он обрушивается на критиков с отнюдь не интеллигентными словами: «Господа, холуи, приспособленцы и просто идиоты! Не смейте меня учить любить родину! Научить любить нельзя. Заставить любить нельзя. Неужели это непонятно? Ту Россию, которую я любил и буду любить, меня учить любить не надо. А то чудовище, которое вы пытаетесь родить, калеча и уродуя мою страну, вы меня полюбить не заставите. И гореть вам в аду, клоуны»⁵.

В радиозэфире «Эха Москвы», рупора либеральной интеллигенции, постоянно называли и продолжают называть граждан Донецкой и Луганской областей «сепаратистами». Литературовед И. Прохорова обвиняет не Киев, а Россию в гибели мирных граждан в Одессе, на Донбассе. В. Шендерович, подражая А. Макаревичу, называет жителей Юго-Востока «охлосом» и «братками». В конце апреля 2014 года в Киеве прошел «конгресс интеллигенции» под названием «Украина — Россия: диалог». В нем приняли участие Д. Быков, В. Шендерович, М. Шац, Т. Лазарева. Но ни о каком диалоге речь здесь не шла, представители «российской интеллигенции», которые, казалось, должны были выступить за прекращение насилия в отношении русскоязычных граждан, не только этого не сделали, но более того, они открыто осудили свою страну за помощь населению Донецка и Луганска⁶.

При этом представители Конгресса интеллигенции ссылались на гуманизм. Но, отметим, этот гуманизм весьма избирателен. Ведь гуманность никогда не бывает всеобщей. В данном случае она направлена отнюдь не к мирным жителям Донецка и Луганска, которых расстреливали из артиллерийских орудий, а на украинских карателей. Да и право на самоопределение распространяется только на украинцев, но отнюдь не на русских жителей юго-востока Украины (они — сепаратисты). Получается, что наша либеральная интеллигенция предпочитает такой гуманизм и такое право на самоопределение, которые связывают Россию по рукам и ногам⁷.

Получается, что те, кто именуется «интеллигентами», просто не желают вспомнить, что это «предполагает еще и высокую

степень ответственности за свои слова и поступки. Более того, в “интеллигентной среде” нормальным тоном является дурно судить о своем народе, противопоставлять себя ему». Такая позиция заставила некоторых исследователей вспомнить о том, что «по своей сути российская интеллигенция антигосударственна. Особенно это касается творческой интеллигенции». Действительно, сложно представить себе украинского интеллигента, «раującego за референдум на юго-востоке Украины и клеймящего позором хунту». А «российская интеллигенция пропитана русофобским антинародным духом». В этой связи политик В. Алкнис напомнил события начала 1990-х годов, распад Советского Союза, когда интеллигенция приветствовала развал страны и никто «из них не выступил в защиту русских, оставшихся обездоленными вне своей Родины. Они подвергались угнетению, их убивали, русский народ за новой границей подвергнулся геноциду. Ни один из известных российских интеллигентов не выступил против... Это печально. Русская интеллигенция больна ненавистью к своей Родине»⁸.

Но почему так происходит? Дело здесь не только в том, что именно российской интеллигенции присущ синдром национального предательства. Сходную ситуацию мы наблюдаем и во многих странах третьего мира и даже в Европе. Вспомним, индийцы, которые служили английским колонизаторам, также презирали свой родной народ. Посылая своих детей в Англию, материальное благополучие они обеспечивали себе на родине. Так что поведение нашей либеральной интеллигенции совершенно типичное. Однако в России положение осложняется «ориентацией значительной части элиты» (а не только интеллигенции) на западные центры силы. Причем «не только как на источник цивилизационных стандартов, но и в качестве субъекта власти, который в глобальном масштабе определяет, что есть благо, а что есть зло». Только исходя из этого посыла можно объяснить действия «людей, которые, по странному стечению обстоятельств, всегда выступают против русских». Действительно, когда определенная группа всегда либо только поддерживает, либо только клеймит, причем «вне зависимости от того, что происходит», это может означать лишь «несамостоятельность и некритичность мышления»⁹.

Однако не всё так просто. Нередко причина такого выбора, по мнению М. Делягина, с которым сложно не согласиться — мерзость нынешней российской клептократии. Либеральная интеллигенция не может примириться с «предательством и разграблением своей Родины», что совершается «поколениями всё более отвратительных чинуш и их пособников вот уже более четверти века». Это отвращение, которое носит уже генетический характер, в «критических ситуациях выстреливает предательством интеллигенции, будь то поддержка чеченских бандитов или украинских нацистов». И тогда любая, сколь угодно наглая ложь с охотой принимается за истину, если она направлена против России, ибо «абсолютное зло — это страна, в которой я живу». Но здесь, замечает М. Делягин, надо уточнить, что после украинских событий речь идет уже «не о качестве, но о самом существовании российского государства». Поэтому-то «блистательное и затянувшееся предательство российской бюрократией российских национальных интересов — не повод и не оправдание для уничтожения самой государственности». Однако «вновь взбесившаяся от осознания своей исторической возможности прослойка, вгоняемая собственной истерикой в положение люмпен-интеллигенции, вновь спутав свою страну с теми, кто ее грабит» готова угробить Россию¹⁰.

Такая позиция либералов создает абсолютно непродуктивное противопоставление власти и оппозиции. В итоге оппозиция, порой правильно критикующая власть, «воспринимается большинством населения как абсолютно антинациональное начало». Между тем, конструктивная критика власти весьма необходима. Особенно сегодня, во время серьезного внутреннего кризиса режима. Ведь в настоящий момент мы наблюдаем противоречивую ситуацию: с одной стороны, власть стремится к обретению внешнеполитической самостоятельности. Но, в то же время, она не обладает самостоятельностью в финансовом и экономическом смысле, ибо продолжает идти прежним экономическим курсом. Отсутствие конструктивной критики экономического курса, не позволяющего поддержать растущие геополитические амбиции, дает возможность коррумпированной правящей бюрократии жить спокойно. Всегда можно сказать: «Посмотрите, кто может прийти вместо нас — откровенные предатели». Эта «ложная альтернатива

и дает российским властям карт-бланш на банальную неэффективность, внутрисполитическую “червоточинку” и сохранение сложившейся сырьевой модели неокOLONиального типа»¹¹.

Впрочем, русофобы среди либеральной интеллигенции — это только одна из категорий. Есть и другая — это те, кто просто «заиклился» на Путине, причем настолько, что закрывают глаза на всё остальное. «Они безвозвратно заиклились на Путине. Они его боятся и ненавидят, они приписывают ему сверхъестественные масштабы, демонизируют его. Они не способны услышать в аргументах оппонентов ничего, кроме того, что те “за Путина”». Поэтому для них те, кто «за Путина» — «олицетворение ничтожества и глупости». При этом переход от «Мне не нравится Путин» к «Мне не нравится Путин и потому Россию надо уничтожить» произошел у либеральной интеллигенции удивительно быстро. А если учесть, что «за Путина» всё-таки большинство народа, то возникает «тема ущербности народа-“крымнашиста”», голосующего за Путина, ущербности русского цивилизационного пути, ошибочности и неприемлемости самой мысли о наличии такого «пути». Для либеральной интеллигенции — это уже «своего рода необходимое условие рукопожатности, опознавательный сигнал системы “свой — чужой”». Здесь, кстати, стоит отметить, что либералы в последнее время отличаются удивительным единомыслием. И бешеную истерику вызывают любые «шаг влево — шаг вправо» со стороны даже, казалось бы, признанных своих. «Есть такое понятие — “срыв шаблона”. Здесь что-то прямо противоположное — “прирастание шаблона”, который теперь не сорвать никакими силами»¹².

Именно по этому принципу трансформировалось у либеральной оппозиции и отношение к Западу. Сегодня это уже отнюдь не цивилизационный выбор. Это просто выбор, когда своя страна воспринимается как враг, а Запад — как сила, которая этого врага победит. А ведь еще «никогда никто в российской истории не видел в Западе “своих”». «Своей» была всё же Россия, в которой, возможно, была неправильная власть, и хотелось бы использовать силу Запада для свержения этой власти и замены ее на другую, правильную. Но речь никогда еще не шла о том, чтобы «сдать свою страну интервентам и оккупантам»¹³.

И здесь проблема, возможно, не всего либерального крыла, но основной его составляющей — интеллигенции, «состоит в том, что интеллигент снова решил выбрать из двух зол меньшее». Так было на президентских выборах в девяносто шестом, когда невменяемый президент вкупе с коллективным Распутиным и сопровождающим его хаосом казался меньшим злом, чем гипотетический коммунистический реванш. Так происходит и сегодня, когда «кровавый режим», по мнению либеральной интеллигенции, это куда большее зло, нежели украинский фашизм. Однако сейчас такой подход, наверное, выглядит уже неприемлемым¹⁴.

Конгресс интеллигенции очень ясно выявил еще один страх отечественных либеральных интеллектуалов. Немалое число из тех, кто выступал на этом форуме, как-то очень быстро переносили свое внимание с украинского настоящего на советское прошлое. «Крымская аннексия, патриотический угар — всё это произрастает из тоталитарного прошлого, питается им, возвращается к нему...» Выходит, что «с чем бы ни вышел сражаться русский Донкихот, сражается он всё с тем же — с советским тоталитаризмом». Получается, что «либеральная общественность до сих пор настолько напугана советским прошлым — давно свершившимся, но не отпускающим ужасом, что и нынешнюю социально-политическую реальность, живую, сложно-сочиненную, изменчивую, оценивает исключительно в преломлении к советскому веку». Получается, что «именно страх “не вернуться бы в СССР”, слепой и непреодолимый, во многом определяет ту однобокость, с которой либеральная интеллигенция реагирует на события в Украине»¹⁵.

Самое любопытное состоит в том, что либеральная интеллигенция, столкнувшись с явным неприятием обществом своей позиции по Украине, завела старую песню о том, что с народом им «не повезло», он «уже не поддается воспитанию со стороны интеллигенции», ибо на 87 % состоит из халявщиков, которые быстро приспосабливаются к среде и готовы «даже расстреливать детей». Для либералов — это «люди стада, некие примитивные создания, оболваненные отечественными СМИ и готовые голосовать за всё, что угодно власти». Такая позиция, напомним, типична для компрадорской интеллигенции и компрадорской буржуазии. Это явление, как уже говорилось, можно наблюдать не только

в России, но и в других периферийных странах. Таким образом, российские либералы разделяют общеинтеллигентскую беспочвенность, хотя в среде русской интеллигенции всё же никогда не было презрительного отношения к народу¹⁶.

И еще, когда наблюдаешь за метаниями Конгресса интеллигенции, постоянно ловишь себя на одной мысли — да ведь это люди прошлого. Среди российских либералов преобладают в основном «шестидесятники», которые уже явно растратили свой прежде высокий авторитет среди народа. События на Болотной площади, а затем реакция на украинский майдан начисто развеяли либеральные иллюзии, порожденные перестройкой у значительного числа людей, которые в 1990-е годы голосовали за «демократов». Российское либеральное движение потеряло свое огромное доверие, уничтожив не только уважение к либеральным ценностям в России, но и представления о чести и здравом смысле. Теперь либералы сетуют, что их не понимают и не воспринимают, с горечью называя себя «аудиторией 55 плюс». Действительно, сколько бы ни говорилось, что за ними молодежь, но самой молодежи среди них нет¹⁷.

Несмотря на стенания о «непонимании», для этой части русской интеллигенции по-прежнему характерно презрительное отношение не только к непонимающему ее народу, но и к не принимающей ее позиции другой части интеллигенции, придерживающейся патриотических взглядов. Так, политолог и публицист Б. Вишневский считает, что происходящее сейчас в России по отношению к Украине «нельзя назвать иначе, как коллективным умопомешательством, очень напоминающим аналогичное массовое помешательство в Германии времен Гитлера». Что же касается подписавших письмо в поддержку позиции России по отношению к Крыму, то, по мнению Б. Вишневского, они «уже... давно не интеллигенция»¹⁸.

Таким образом, явно налицо раскол российской интеллигенции, который кризис на Украине явно высветил. И этот раскол не случаен. Он — результат борьбы в нашем обществе между двумя группами. Одна из них надеется провести в России модернизацию, вернуть страну в число лидеров. Она, таким образом, пытается защитить национальные интересы. Однако среди властных элит явно доминирует другая группировка, ориентированная

на Запад, находящая единственно возможным для страны путь в заимствовании чужих моделей развития. Пока преобладает прозападная группа, настойчиво реализующая свой экономический курс, ведущий к периферийному развитию страны, в лучшем случае создавая из нее «сырьевую империю». И такая позиция превращает Россию в зависимое от чужих интересов государство, экономическая несамостоятельность лишает страну возможности на сколь-нибудь независимый внешнеполитический курс. Именно это весьма четко показали, как для народа России, так и для властных элит события, связанные с украинским кризисом. Они способствовали усилению государственной позиции как во властных эшелонах, так и среди российской интеллигенции¹⁹.

Вместе с тем, весьма интересно, под влиянием каких факторов столь кардинально изменилась позиция многих российских интеллектуалов, которые весной 2014 года открыто поддержали действия режима, к которому они еще недавно столь критически относились. Вспомним, в конце 2011 — начале 2012 года русская интеллигенция активно протестовала против нечестных выборов, поддерживала «борца с коррупцией» А. Навального, фактически приветствовала протестное белоленточное движение в России, выражая поддержку митингам на Болотной. И вот теперь, когда начались сходные протесты на киевском майдане, подавляющее большинство русской интеллигенции встретило их поначалу настороженно, а затем, по мере нарастания событий, настороженность сменилась крайней раздраженностью...

Возможно, одной из причин стала простая ревность: братская, как думалось, страна вдруг отвернулась от своих близких родственников, с которыми многое пережила, а теперь неожиданно уходит от них «к малознакомым соседям». «Действительно, в каждой русской душе возник протест по принципу: мы тебя кормили, на ноги поставили, самостоятельность предоставили, а ты нам плюешь в душу и уходишь к другому». Русская интеллигенция не понимала, как так, «почему даже за большие российские деньги, предоставленные Украине без всяких условий, она не только не развернулась в сторону России, но и вывела на улицу толпы людей, которые требовали отпустить ее в Европу и разрыва связей братьями-славянами?». А не понимала, потому что проглядела, как на Украине появилась своя, весьма отличная

от нашей общей, казалось, новая история, по которой «этим самым украм не пристало жить в союзе с варварами русскими, а давно пора потребовать признать их европейцами... Не посвященная в извилины национального самосознания украинцев, русская интеллигенция буквально обалдела, когда увидела скачущие на площадях Украины толпы студентов, скандирующих: “Кто не скачет — тот москаль!”»²⁰.

Затем на Украине разворачивается непонятная, с точки зрения русского интеллигента, антирусская пропаганда, расписывается, «насколько лапотной и азиатской является Россия, и насколько прекрасна жизнь в настоящей прародине укров — Европе». Это не может не породить в сердце русской интеллигенции вполне понятное возмущение: «Мы азиаты, а вы европейцы?». Далее на Украине стали уничтожать памятники, в особенности досталось памятникам В. И. Ленину. Конечно, русская интеллигенция в своем большинстве уже вряд ли сочувствует идеям коммунизма, но ту ярость, что обрушили украинские радикалы на памятники «вождю мирового пролетариата», вполне справедливо приняли на свой счет в России: «Каким-то десятым чувством они догадались, что, забыв о том, кто создал на карте мира государство Украина, новоявленные укры уродуют не каменное изваяние, а ненавистного русского варвара, загородившего дорогу в светлое европейское будущее». Наконец, весьма весомым доводом в неприятии украинского переворота стали его движущие силы, которые проповедовали открыто националистические лозунги. «Открытое братство украинской интеллигенции с бандеровцами, людьми фашистского толка, призывающими очистить украинскую землю от всех инородцев, потомков тех, кто очищал ее в прямом смысле слова, вырезая и выжигая русских поляков и евреев, русская интеллигенция принять не могла»²¹.

Насторожило и постоянно возраставшее на майдане насилие, закончившееся вооруженным нападением на полицейских. Ведь били и жгли тех, кто был призван защищать порядок в стране. Русский интеллигент уже четко уяснил себе, что как только начинается беспорядок, то страдает от него в первую очередь именно интеллигенция.

Украинские события выступили своеобразным катализатором процессов, происходящих в российском обществе, и в среде

русской интеллигенции в частности. Они ускорили размежевание интеллектуальной элиты. Конечно, судить о том, каков русский интеллигент, и поныне непросто, ибо он остался интеллигентом-максималистом, который оказывается не в состоянии ни понять, ни принять выстраданный многими поколениями афоризм: «Благими намерениями путь в ад вымощен». Именно поэтому русская интеллигенция — по-прежнему те самые дрожжи, на которых в России поднимается в обществе и добро и зло. Значительной части русской интеллигенции вновь, в который уже раз, не хватает ответственности. Приходится согласиться с одним из публицистов по поводу слов Галича: «Бойтесь того, кто скажет: “Я знаю, как надо!”» — «он пел и о русском интеллигенте». Хотя в целом, наверное, отечественная интеллигенция всё же «здоровая и продолжает играть очень важную роль в нашей жизни. Главное, чтобы не заигрывалась»²².

Сегодня именно украинский вопрос, до предела обостренный активностью глобальных игроков, Запад использует для нападков на Россию. Вопрос непростой, имеющий долгую историю. Для отечественной интеллигенции украинские события могли стать примером борьбы народа против коррумпированной власти. Однако когда Украина стала обвинять Россию во всех своих проблемах, результат получился обратный: значительная часть русской интеллигенции, неожиданно даже для самой себя, объединилась вокруг российского лидера, которого до этого постоянно критиковала. Она осознала, что главной бедой Украины было и остается отсутствие национальной элиты: людей, знающих, что полезно, нужно, а что, напротив, бесполезно своему народу.

Вместе с тем, значительной части интеллигенции тревожно за страну, ибо либеральная интеллектуальная элита, преобладающая во власти, как ей представляется, ведет Россию к краху. Действительно, мы уже давно «не видим нормальной конструктивной критики правительства и власти». Только оскорбления в сторону народа и невыполнимые требования к власти. И всё это — ради капитуляции власти и общества перед очередным «освободительным полем». Впрочем, влияние либеральной оппозиции и современной российской элиты на общество слишком мало, поэтому всё, на что они способны — напомнить кошмар 90-х годов. Но его общество вновь переживать уже не хочет²³.

В настоящий момент наблюдается крушение либерального движения, которое было руководимо интеллигентским сознанием. Это лишний раз свидетельствует о бесплодии и несостоятельности мировоззрения, господствовавшего в интеллигентской среде 1980-х годов. Тогда русская интеллигенция, огорошенная ложной свободой перестройки, фактически утратила национальные традиции.

Сейчас русской интеллигенции очень важно приобрести собственные национальные ориентиры, «русской интеллигенции пришло время вспомнить, что она — русская»²⁴. Ведь интеллигенция сохраняет творческую политическую мысль, способность силой своего авторитета воздействовать на общество.

Украинский кризис не просто обострил противоречия в среде русской интеллигенции, он сделал неизбежным ее размежевание. Основная проблема интеллигенции в том, чтобы выявить ту основу, которая способна развить национальное чувство, пробудить национальное сознание. Именно такая задача стоит сейчас перед русской интеллигенцией.

Примечания

- ¹ *Окара А.* Интеллигенция в поисках Страны. Страна в поисках Интеллигенции. URL: <http://www.apn.ru/publications/article19610.htm> (дата обращения: 07.10.2014).
- ² О современной ситуации в среде российской интеллигенции подробнее см.: *Сибиряков И. В.* Российская интеллигенция в начале XXI в.: осторожный оптимизм // *Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика.* Иваново, 2014; *Сибиряков И. В.* Современная российская интеллигенция: преждевременный разговор // *Интеллигенция и мир.* 2013. № 2; *Купцова И. В.* К вопросу о соотношении понятий «интеллигенция» и «креативный класс» // *Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика; Соколова Ф. Х.* «Креативный класс» в российской научной и общественной мысли // *Интеллигенция современного мира в ее многообразии.* Иваново, 2013; *Золотарев О. В.* Явление креативного класса в России // *Интеллигенция и мир.* 2014. № 3; и др.
- ³ См.: «Культурные деятели» РФ горячо поддержали войну с Украиной: «И Путин великий нам путь озарил». URL: <http://v-n-zb.livejournal.com/6822885.html> (дата обращения: 06.10.2014).

- ⁴ Российская интеллигенция против самоизоляции России. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/ukraine-russia-congress-crimea-russia/1871220.html> (дата обращения: 01.10.2014); Интеллигенция России требует от Путина прекратить агрессию. URL: <http://telegraf.com.ua/rossiya-i-sng/1466551-intelligentsiya-rossii-trebuuet-ot-putina-prekratit-agressiyu.html> (дата обращения: 06.09.2014).
- ⁵ Поющие перед карателями : Андрей Макаревич выступит в городах, занятых украинскими войсками. URL: <http://smol.kp.ru/daily/26267/3146047/> (дата обращения: 06.10.2014).
- ⁶ Русская интеллигенция больна ненавистью к своей Родине! URL: http://ruskline.ru/news_rl/2014/05/14/russkaya_intelligenciya_bolna_nenavistyu_k_svoej_rodine/ (дата обращения: 14.05.2014).
- ⁷ *Верхоянцев А.* Окруженцы возвращаются по хатам. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/96780/?rss=1> (дата обращения: 14.05.2014); *Щипков А.* Интеллигент не может быть либералом // Литературная газета. 2014. № 50. С. 3.
- ⁸ Русская интеллигенция больна ненавистью к своей Родине!
- ⁹ *Ваньков В.* Марш за мир без России. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/98775/?rss=1> (дата обращения: 06.10.2014); *Иванов А.* Либеральные страдания. URL: <http://svpressa.ru/society/article/98634/?rss=1> (дата обращения: 06.10.2014).
- ¹⁰ *Делягин М.* Путь к предательству. URL: <http://svpressa.ru/society/article/98163/?rss=1> (дата обращения: 06.10.2014).
- ¹¹ *Ваньков В.* Указ. соч.
- ¹² *Юрьев Д.* Их называют либералами. URL: <http://svpressa.ru/society/article/98544/?rss=1> (дата обращения: 06.10.2014).
- ¹³ Там же. Хотя заметим, правильнее было говорить о том, что люди поддержали не Путина, а действия Путина по освобождению Крыма (см.: *Щипков А.* Указ. соч. С. 3).
- ¹⁴ *Гуцко Д.* Над схваткой или в окопе. URL: <http://svpressa.ru/society/article/96530/?rss=1> (дата обращения: 06.10.2014).
- ¹⁵ *Гуцко Д.* Совок глаза застит. URL: <http://svpressa.ru/society/article/91753/?rss=1> (дата обращения: 30.12.2014).
- ¹⁶ *Сухомлинов В.* Смерть героям // Литературная газета. 2014. № 48. С. 2; *Иванов А.* Указ. соч.
- ¹⁷ *Сухомлинов В.* Указ. соч.
- ¹⁸ См.: Российская интеллигенция против самоизоляции России.
- ¹⁹ *Иванов А.* Указ. соч.
- ²⁰ *Буторина И.* Почему русская интеллигенция не приняла Майдан. URL: <http://maxpark.com/user/2173133722/content/2610963> (дата обращения: 14.03.2014).

²¹ Там же.

²² Русская интеллигенция : о неприятном. URL: <http://www.aif.ru/euromaidan/opinion/1119537> (дата обращения: 06.10.2014).

²³ Бес пораженьчества : ответ тем, кто желает России капитуляции : письмо в редакцию. URL: <http://www.rg.ru/2014/03/12/pismo.html> (дата обращения: 03.12.2014).

²⁴ Русский национализм, его друзья и враги. М., 2001. С. 166.

ББК 60.543.132.1

А. А. Неустроева

**УКРАИНА НА ПУТИ В ЕВРОПУ.
МНЕНИЕ УКРАИНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ:
PRO ET CONTRA**

В 1991 году после распада Советского Союза Украина стала независимой страной. После этого события украинское общество почувствовало свободу, появилось предчувствие, что страна вступает в новую эпоху развития. Однако эйфория сменилась смятением — как же жить дальше? Какой путь развития выбрать? За это сложное дело принялись как представители политической власти, так и интеллигенция. Поскольку именно интеллигенция «формирует и формулирует стратегии, тренды и сверхсмыслы существования нации, страны и государства»¹, то, на наш взгляд, интереснее и актуальнее проанализировать именно ее вклад в разработку этой проблемы.

Интеллигенция видела своей задачей «сделать Украину частью западной (западнхристианской, евро-атлантической) цивилизации, утвердить систему специфически западноевропейских ценностей, интегрировать Украину в западноевропейские структуры (НАТО, ЕС и другие)»², надеясь, что при присоединении

© Неустроева А. А., 2015

Неустроева Анастасия Александровна — аспирантка кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. n-zubareva@mail.ru

к НАТО, при членстве в ЕС Украина повысит свой авторитет и, тем самым, добьется поставленных целей и задач.

Однако не все представители интеллигенции считали такой способ наилучшим. Некоторые видели дальнейшее развитие Украины в выработке своего собственного пути. В этом и заключается первая проблема — отсутствие единства в среде интеллигенции по вопросу будущего Украины. Отсутствие единства интеллигенции кроется и в другой, не менее важной проблеме — проблеме условного деления страны на Восток и Запад, причем речь идет больше не о территориальном делении, а о ментальном и культурном. Именно в совокупности это затрудняет определение выбора пути дальнейшего развития.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть проблему Востока и Запада Украины с точки зрения взглядов украинской интеллигенции, а также изложить взгляды интеллигенции на дальнейшее развитие Украины, а именно мнения сторонников и противников евроинтеграции.

Проблема Востока и Запада на Украине существует не одно десятилетие, и даже не одно столетие. «У земель, на которых располагается современная Украина, была очень разная и запутанная судьба»³. Данный вопрос достаточно подробно исследуется российским историком Б. Флорей. Сфера его научной деятельности охватывает проблематику славянского вопроса. Однако у него есть интересные материалы по формированию политической элиты в Польше и России, о зарождении восточнославянских народностей, об этническом самосознании восточных славян. Для нас наибольший интерес представляет одна из работ, раскрывающая проблему этнического самосознания жителей современной Украины, в которой объясняется их происхождение, этнические и культурные отличия. Б. Флоря, в свою очередь, опирается на исследования М. Грушевского и П. Толочко.

Этих ученых также интересовал вопрос этнического самосознания украинцев. Например, почему произошло условное деление на восточную и западную части, насколько различны по своему развитию, культуре и языку западные, центральные и восточные украинские земли, насколько сильный отпечаток наложило на украинцев польское и литовское влияние. Отметим, что западные земли долгое время находились в составе

австро-венгерских земель, что, несомненно, повлияло на культуру и развитие этих территорий. Однако, как считает Б. Флоря, изучая процессы развития этнического самосознания, «недостаточно существования определенных особенностей материальной или духовной культуры той или иной общности людей, заимствованных у этнического субстрата, важно, чтобы эти отличия осознавались населением и осмыслялись им как этнообразующие признаки, отличающие данный этнос от других, соседних»⁴. В нашем случае это отличие осознают и сами украинцы. Причем понимание своей несхожести у так называемых интеллектуалов началось достаточно рано. В качестве примера можно привести львовскую интеллигенцию, которая еще в XIX веке отделяла себя от остальной части населения. Однако наибольший пик пришелся на XX век, когда и были заложены основы западной и восточной идеологии, сформировавшей впоследствии условное разделение на Восток и Запад.

До XX века, по сути, не существовало такой острой проблемы, как Восток и Запад. Конечно, конфликты, националистически настроенные группировки — всё это было, но в массе своей населением не поддерживалось. Наиболее остро конфликт проявился в XX веке. Именно в этот момент большевиками началась осуществляться политика украинизации, поэтому именно большевики во многом «поспособствовали формированию восточной версии украинской идентичности»⁵. На Западе же формировалась своя идеология, которая взяла за основу идеи Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии.

Постепенно советской власти удалось погасить нарастающее противостояние, и в годы ее правления было относительно спокойно. Но после распада Советского Союза конфликт проявился с новой силой. В журналах, газетах появляются статьи, выпускаются книги, в которых шла полемика о положении Украины между Востоком и Западом, о влиянии этих направлений на ее развитие и, наконец, о месте Украины в Европе. Формулу, которая стала складываться в среде большей части интеллигенции, можно обозначить тонко продуманным высказыванием украинского политика О. Галенко: «Как бы отделить Восток от Запада, чтобы самим оказаться на Западе»⁶.

Влияние на Украину шло и продолжает идти с двух сторон — запада и востока. Тем самым «раздел на Восток и Запад отражается на исторической и культурной реальности»⁷. Подтверждением тому являются памятники литературы, архитектуры и т. п. Историки И. Шевченко, И. Лысяк-Рудницкий, В. Лыпинский в своих трудах подчеркивали, что долгое время Запад оказывал сильное влияние на прибрежные регионы современной Украины. В этой связи можно утверждать, что «западное влияние угрожало украинской идентичности, с другой стороны — позволяло эффективнее бороться за ее сохранение»⁸.

О ранней природе влияния Запада на развитие Украины писал украинский историк Я. Грицак. «Без этого влияния Украина вообще бы не возникла, — утверждал он в одном из своих интервью. — Украина наиболее среди всех стран восточно-христианского цивилизационного мира переняла западную политическую и интеллектуальную культуру»⁹. Я. Грицак рассуждает о том, что европейская культура пронизывает все слои общества, а не является элементом лишь привилегированной части населения. Тем не менее, «несмотря на проникновение Запада в украинские земли — а длилось оно в течение нескольких веков — украинцы стали “Востоком” в западноевропейских глазах довольно рано»¹⁰.

Влияние двух различных по своим моделям развития направлений привело к тому, что Украина неформально распалась на части. Однако не все ученые согласны с тем, что существует такое условное деление Украины. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть существующие позиции и мнения.

Первой концепции о разделении Украины придерживаются не только сами украинские интеллектуалы, но и западные авторы. По их мнению, различие между восточной и западной частями Украины еще больше усилилось после распада Советского Союза. Представители западных регионов считают себя «настоящими украинцами» в нынешнем украинском государстве»¹¹, отделяя себя от жителей восточной Украины, которые, в свою очередь, относят себя к украинцам, а на «западенцев» смотрят «как на неправильных украинцев, как на чужих, как на людей, доводящих украинскую идентичность до абсурда»¹².

Различия существуют, прежде всего, в языковом и культурном отношении. Например, жители этих регионов по-разному

трактуют понятие «украинец». «Для жителей Харькова и Донбаса украинцы — это граждане Украины без различия этнической принадлежности. Для жителя Львова они, прежде всего, этнос, принадлежность к которому неотъемлемо связана с украинским языком»¹³. Яркий пример различия жителей Украины приводит в своей работе историк Д. Яневский: «Галичина — Донецк. И там и там — украинцы. Но они не понимают, никогда не поймут и не примут друг друга»¹⁴.

Поэтому на Украине стала как никогда популярной формула «Украина разделена, и — словно Янус — имеет два лица, одно обращено к Востоку, второе — к Западу»¹⁵. Не секрет, что Западная Украина ориентирована на европейские ценности, реформы, национальные идеи. Восточная Украина больше близка по своему мировоззрению к России.

Достаточно подробно занимался изучением данного вопроса публицист и журналист М. Рябчук. В ходе своего исследования он пришел к выводу, что «западные украинцы не вольны отречься от Украины Восточной, ибо это было бы отречением от большей части своей истории и культуры, то есть от своего прошлого; однако и восточные украинцы, несмотря на все искусственно насаждавшиеся предубеждения, не в силах отречься от Украины Западной, ибо интуитивно угадывают в ней образ-символ своего будущего — будущего европейского полноправного государственного, а не губернско-провинциального»¹⁶.

Более того, он считал, что «метафора “двух Украин” демонстрирует два географических и идеологических полюса, символами которых можно считать Львов и Донецк»¹⁷. Один полюс с центром во Львове — это европейская Украина, которая стремится в ЕС и НАТО. Причем «Галицкий стандарт основан, прежде всего, на европоцентризме. Получив многовековой польско-австрийский заряд, Галиция давным-давно утратила связь с русской православной цивилизацией, превратившись в форпост западного проникновения в русско-православный мир»¹⁸. Другой полюс с центром в Донецке — это пережиток советской Украины. Он тяготеет к тесному взаимодействию с Россией. По мнению М. Рябчука, данная метафора «хорошо иллюстрирует сущность выбора, который уже много лет делает — и не может сделать — Украина, по-прежнему стоящая на цивилизационном,

культурном и геополитическом распутье»¹⁹. Однако М. Рябчук оговаривается, что это всего лишь метафора и нельзя провести четкой линии между данными полюсами.

Представители второй концепции — Т. Возняк и Я. Дашкевич — выступали против жесткого деления на Восток и Запад. Так, по мнению Т. Возняка, Украину нельзя рассматривать лишь в параллели Восток — Запад, нужно учитывать еще параллель Север — Юг. «Украина относится и к католическо-протестантскому Западу, и к византийско-православному Востоку, и к мусульманскому Югу, в результате чего представляет своеобразную модель современной Европы»²⁰. Т. Возняк, представляющий, в большей степени, галицкую интеллектуальную элиту, придерживается мнения, что деление Украины на территории мешает сформировать здоровую нацию. В данном случае под нацией он понимает «политическое образование, это согласие всех людей на какой-нибудь территории разделить одну судьбу»²¹. Задача этой нации — сделать свою страну развитой. Но пока население будет разобщено, ни о каком объединении для счастливого будущего не может быть и речи.

Несколько схожей позиции придерживается и еще один украинский историк — Я. Дашкевич. В своих выступлениях и трудах он высказывался против строгого деления Украины между Востоком и Западом, считая, что нельзя говорить о четкой междоцивилизационной границе в Украине, поскольку «границы не только делили, но и соединяли нации»²².

О существовании двух идентичностей, но не о делении на Восток и Запад говорила и доктор исторических наук О. Пахлевская: «Украинская идентичность разделена, но она разделена только между двумя полюсами — европейским и советско-евразийским. Это не раздел между украинским и русским языками — это раздел между демократическим и тоталитарным мышлением»²³.

Представитель третьей концепции — Б. Лепкой придерживается мнения, что Украина — это не разделенная на восток и запад страна, а «синтез элементов двух цивилизаций: римской и византийской»²⁴. Об этом писал и Д. Яневский. В своих трудах он подчеркивает отличность восточных и западных, северных и южных украинцев, но, тем не менее, придерживается мнения,

что единственный способ «построить государство... избежать унификации. Нужно создать такую страну, где каждый сможет развивать свою идентичность»²⁵.

Однако все эти выступления вызвали еще большую дискуссию среди ученых, историков, политологов, журналистов. Наибольшее внимание привлекала сама формулировка проблемы «Украина между Востоком и Западом». Как считает историк П. Толочко, употребление такой формулировки — это уже «подверженность “евроцентризму” со свойственным ему стремлением к разделу на “цивилизационный Запад” и “варварский Восток”»²⁶.

Влияние Востока и Запада не могло не сказаться на мировоззрении интеллигенции.

Как мы уже отмечали, немалая часть интеллигенции видела будущее Украины в Европе. Некоторые интеллектуалы даже говорили: «Мы являемся Западом с самого рождения»²⁷. Эта часть интеллигенции всячески пыталась показать и обосновать, что место Украины в Европе.

Особенно настойчиво это делали представители львовской интеллигенции. Как писала канадская исследовательница Э. Нарвселиус (Гаврелюк), в Галиции начались «дебаты вокруг Центральной Европы задолго до того, как эти дебаты стали актуальными в независимой Украине»²⁸. Такие обсуждения велись в основном на базе журнала «Ї», который даже посвятил несколько номеров данной дискуссии. Но отметим, что обсуждение больше касалось концепта Центральной Европы, нежели места Украины в ней. Выводы, к которым пришли интеллектуалы, таковы: Европа «имманентна в массовом сознании западных украинцев»²⁹. Рассуждая о Центральной Европе на страницах журнала «Ї», германский исследователь Отто фон Габсбург писал, что на его взгляд, «все украинцы принадлежат к Центральной Европе, которая по идеологической конструкции отличается от доминирующей восточноевропейской русской»³⁰.

Львовская интеллигенция подхватила эту идею, кроме того и сама периодически проводила дебаты, сфокусированные на европейской ориентации Галиции и Западной Украины в целом: «Исторически, географически и ментально Западная Украина связана с Центральной Европой, поэтому перспектива европейской интеграции воспринимается как жизненная необходимость»³¹. Некоторые

интеллектуалы по этому поводу предлагали сделать Западную Украину буферной зоной с Европой для дальнейшего усиления евроинтеграционного процесса. Периодически стали проводиться круглые столы и другие обсуждения. Началось, так называемое, движение «“возвращение в Европу”, с которым связывались большие надежды»³².

Академик В. Скуративский писал: «Кажется, что на протяжении всего столетия никогда так часто в Украине не использовался топоним “Европа” и прилагательное “европейский”. Они буквально заполнили украинские журналы, радиопрограммы, телевидение, слух и речь наших современников. Сегодня они являются собой своего рода лексические сигналы патриотической ортодоксальности»³³.

Особенно активно интеллигенция включилась в процесс борьбы за евроинтеграцию в период правления В. Ющенко, а связано это было, прежде всего, с его прозападной ориентацией.

Начало такому взаимодействию Президента и интеллигенции было положено на Всеукраинском форуме интеллигенции, который состоялся 27—28 марта 2008 года. На форуме обсуждались вопросы языковой ситуации на Украине, рассматривалась концепция гуманитарного развития страны, обсуждались дальнейшие шаги властей и интеллигенции на пути развития. Президент, выступая на форуме, не раз отмечал, что Украина должна стать европейской страной, а помочь ей в этом должны европейские государства. Многие украинские интеллектуалы гордятся так называемым европейским измерением украинской идентичности. Именно украинскую идентичность они «трактуют как входной билет в поезда евроинтеграции»³⁴ и считают, что евроинтеграция поможет им вернуть национальную культуру, сформировать здоровую нацию и в дальнейшем развиваться как европейское государство.

Кроме выступлений на конференциях, круглых столах, статей в журналах и газетах, дискуссий, украинская интеллигенция активно публиковала открытые письма. Одним из наиболее значимых было письмо-обращение к Администрации США, написанное некоторыми представителями украинской интеллигенции. Они выступили с просьбой поддержать их усилия в процессе евроинтеграции Украины и оказать помощь. Они считают,

что «Украина может и должна сделать свой вклад в безопасность, стабильность и процветание европейского региона, и является ключевой для последующего расширения пространства свободы и демократии на Востоке Европы»³⁵.

В своем письме авторы неоднократно подчеркивали готовность действовать на благо евроинтеграции. Они осознают, что данный процесс небыстрый, что Украина имеет много препятствий на своем пути, однако считают необходимым «развивать наше сотрудничество, активно выполнять годовую Национальную программу, получать профессиональную помощь, принимать участие в формировании общей стратегии безопасности и делать свой практический вклад в безопасность союза демократий»³⁶.

Не так давно состоялась встреча группы интеллигентов «Первое декабря» с председателем Представительства Евросоюза в Украине Я. Томбинским и другими руководителями дипломатических миссий государств — членов ЕС. На встрече обсуждались перспективы развития отношений между Украиной и Евросоюзом. Представители данной группы считают, что «украинские и европейские интеллектуалы должны заботиться о взаимном открытии Европы и Украины»³⁷.

Историк и политолог А. Кордун полагает, что «единственным естественным направлением развития моей страны есть только этот — западное направление»³⁸.

При этом Т. Возняк, оценивая ситуацию на Украине, предлагает свой путь вступления Украины на путь евроинтеграции. Он считает, что это не должна быть «формированная гонка, а продуманный план действий, который бы учитывал все стороны украинской жизни»³⁹. Но прежде чем Украина начнет реализовывать этот план, она должна привести в порядок свою политическую и экономическую ситуацию, т. е. первоначально необходимо решение внутренних проблем. А после решения и улаживания конфликтов необходимо внедрять «европейские нормы, но мы должны вводить их постепенно и выборочно. Их внедрение должно иметь целью не обслуживание требований ЕС, а развитие самой Украины. То есть мы должны принимать их для себя, а не потому, что этого требует ЕС»⁴⁰. Только грамотно следуя этим правилам, Украина сможет приблизиться к своей цели — интеграции в ЕС.

Еще одной защитницей пути европейского развития является О. Пахлевская, которая выпустила ряд книг, посвященных обсуждению будущего Украины, ее места в Европе. Она считает, что европейский проект, возникший в начале 2000 годов, мог бы реализоваться после Оранжевой революции. «Оранжевая революция — это грандиозный взрыв общественной и культурной энергии. Но взрыв моментальный, который далее требовал системной работы по укоренению задекларированных принципов»⁴¹. Однако украинское общество не использовало свой шанс в реализации европейского проекта. О. Пахлевская объясняет это тем, что «идея европейского пути Украины до сих пор не насыщена конкретным культурным содержанием»⁴². Под культурным содержанием подразумевается свобода человека, верховенство права, ответственность гражданина. В своих выступлениях она не отрицает европейского пути развития Украины, но как бы предостерегает, а что ждет Украину там, в Европе: «Украина вновь — который уже раз! — рискует стать колонией... только на этот раз Запада»⁴³. Достаточно меткое высказывание, если Украина станет Европой, то она сразу станет зависимой, а это не даст возможности развиваться собственным путем.

Историк В. Скуративский, пожалуй, несколько скептически относился к утверждениям о том, что Украина является частью Европы. «Сегодня Украина еще не является Европой, а лишь стремлением... возвышенным намерением, но не фактом... Мы должны еще прийти в Европу: так же как когда-то древний народ смог вернуться на свою землю, так и Украина должна искать собственные пути, чтобы найти свой контекст в мире»⁴⁴. Своими словами он пытается донести до общественности мысль о том, что Украина должна пройти, хотя и ориентированный на Европу, но свой собственный путь развития. Причем под Европой в данном контексте понималось, скорее всего, не географическое положение Украины, а использование европейских знаний, опыта, достижений, модели построения и управления обществом.

Показательно, что В. Скуративский и О. Пахлевская придерживаются мнения, что европейские стремления Украины «обречены на неудачу, если они не будут сопровождаться преобразованиями не только идентичности, но и культурными»⁴⁵.

Рассуждая о сложностях на пути к евроинтеграции, они пришли к выводу, что нельзя слепо смотреть на Запад и при этом

испытывать неприязнь к Востоку, т. е. России. Они пытаются склонить общество к более продуманному пути развития, а именно к постепенности общественных и политических преобразований, которые в дальнейшем будут способствовать евроинтеграции. Например, О. Гриценко пишет: «Если понятие интеграции Украины и Европы несет конструктивное, а не мифологическое содержание, то она должна быть тождественна созданию в нашей стране зрелого гражданского общества и развитой рыночной экономики. Не вижу надобности в другой “европеизации”»⁴⁶.

Похожую мысль высказывал другой украинский историк и политолог — К. Бондаренко. Считая, что Украина должна самостоятельно выбрать свой путь развития, он отмечал, что «экономические интересы Украины — в Евразии, а политические — в Европе. Мы просто должны более критично подходить к идеям как евро-атлантической интеграции, евроинтеграции, так и евразийства. То есть, мы должны их воспринять, трансформировать и каким-то образом подать свое видение»⁴⁷.

Размышления украинского историка Я. Грицака касались политического проекта Украины: либо Украина русифицируется, либо стоит вопрос о том, как именно идти в сторону евроинтеграции. 2004 год был самым показательным. Майдан продемонстрировал, чего ждет Украина: «Что происходило в 2004 году, на самом деле было тестом для Украины: принадлежит она к западной сфере практически или только риторически»⁴⁸. С другой стороны, майдан разделил людей на приверженцев евроинтеграции и приверженцев собственного развития на пути сотрудничества с Россией. Если второй вариант понятен, то не совсем ясно, что подразумевается под европейским проектом. Я. Грицак отмечает, что европейский проект означает «две вещи: рынок и демократию»⁴⁹. Демократия предполагает более высокий уровень жизни, а также способствует развитию рынка. Также «в украинском случае вестернизация означала принятие и подражания определенных образцов польской культуры»⁵⁰. Однако Украина не смогла воспользоваться своим шансом после майдана.

Я. Грицак считает, что Украина имеет небольшой выбор: «модернизироваться или стать третьестепенной страной»⁵¹. Под третьестепенной страной понимается Украина, поддерживающая отношения с Россией. Однако Я. Грицак полагает,

что украинская элита должна перестать делить себя на приверженцев Востока и сторонников Запада.

Но есть представители интеллигенции, которые скептически относятся к таким заявлениям. Например, М. Рябчук считает, что «если и возможны какие-либо существенные перемены, то лишь те, которые инициированы изнутри, благодаря общим усилиям и в существующих границах»⁵².

Против евроинтеграции периодически возникали различного рода протесты, манифестации. Например, 1 декабря 2005 года на майдане в Киеве по инициативе известного политика Натальи Витренко прошла мирная акция «Нет НАТО в Украине!». Тысячи украинцев собрались на главной площади страны для того, чтобы выразить свой протест втягиванию Украины в военизированный блок НАТО⁵³. Выступая перед собравшимися, она отметила, что лишь малая часть населения одобряет вступление в НАТО, а они не могут говорить от лица всего народа. Кроме того, Н. Витренко подчеркнула, что вхождение в НАТО — это условие для вхождения в ЕС. «Нам ставят условия: Украина не попадет в ЕС до тех пор, пока не вольется в НАТО. <...> Мировая общественность должна знать, что украинцы не видят себя частью Североатлантического альянса»⁵⁴.

За деятельностью украинской интеллигенции внимательно наблюдает московский эксперт А. Окара. Изучая поведение, настроение этого класса людей, он пришел к выводу, что они находятся «в прямой зависимости от евросимпатий и фактически оказываются заложницей евроцентризма»⁵⁵. Ситуация получается интересная: если украинец выступает за развитие украинской культуры, за возрождение украинского языка, то он должен быть сторонником вестернизации или евроинтеграции. Но как принятие европейских ценностей и модели развития поможет возродить собственную культуру и язык? Скорее всего, вестернизация будет означать одно — усвоение полностью западных традиций и культуры, отказ от исторического опыта и народной памяти. Вероятно, украинские интеллигенты ответили бы на это предположение таким образом. Приведем в качестве примера слова историка Я. Грицака: «Без западного влияния Украина вообще бы не возникла. <...> Украина наиболее среди всех

стран восточнохристианского цивилизационного мира переняла западную политическую и интеллектуальную культуру»⁵⁶.

Подводя итоги, отметим, что Украина действительно на протяжении своего исторического развития испытывала влияние со стороны соседних государств, что отразилось на ее культуре и мировоззрении населения. Также отметим, что это влияние оказывало и до сих пор оказывает воздействие на выбор дальнейшего развития страны.

Оценивая шаги украинской интеллигенции, заметим, что вместо того, чтобы выводить страну из кризиса, искать новые пути развития, она пытается «сменить цивилизационную идентичность Украины — с восточнохристианской на западнохристианскую»⁵⁷. Украинской интеллигенции необходимо «раздвинуть тематические горизонты, углубить интерпретацию и позиционирование достижений украинской культуры, приложить усилия для ее раскрутки и продвижения как внутри Украины, так и вовне»⁵⁸. Помня советское прошлое и испытывая к нему глубокую ненависть, большая часть украинской интеллигенции пытается переписать историю Украины, более того, они пытаются доказать себе и всем остальным, что украинцы — европейцы, что их место в Европе. Поэтому интеллигенция всячески поддерживает власть в процессе евроинтеграции. Но нельзя сказать, что все представители интеллигенции так настроены. Среди них есть отдельные личности, которые сомневаются в правильности слепого копирования всего западного, а есть и те, кто против евроинтеграции, считая, что Украина должна выработать свой путь развития. Такая неоднородность украинской интеллигенции, на наш взгляд, связана с тем, что она сейчас находится в поисках самой себя и не может определиться со своим статусом и своими принципами. Однако если украинская интеллигенция сможет объединиться во благо своей страны, то она достигнет значительных успехов.

Примечания

¹ *Окара А.* Украинская интеллигенция: поиски истребленного сословия : (ответ И. М. Дзюбе). URL: <http://www.gvardiya.org.ua/neopatriotiz.html/0/52.html> (дата обращения: 15.06.2014).

² Там же.

- ³ *Миллер А.* Две Украины. URL: <http://www.profile.ru/archive/item/79578> (дата обращения: 02.03.2015).
- ⁴ *Флоря Б.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху средневековья — раннего нового времени. URL: <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/floria-2.htm> (дата обращения: 25.02.2015).
- ⁵ *Миллер А.* Указ. соч.
- ⁶ *Галенко О.* Українці між карасями і піраньями // Критика. 1998. № 11. С. 18.
- ⁷ *Грицак Я.* Східна Європа як інтелектуальна конструкція // Там же. С. 25.
- ⁸ *Гнатюк О.* Прощание с империей. Между Востоком и Западом. // Перекрестки. 2005. № 1/2. С. 41.
- ⁹ *Грицак Я.* История — повод для пессимизма. Ярослав Грицак: «Украина словно улитка: медленная, но уверенная» / беседу вела Т. Нагорная. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/istoriya_povod_dlya_pessimizma_yaroslav_gritsak_ukraina_slovo_ulitka_medlitelnya_no_uverennaya.html (дата обращения: 15.06.2014).
- ¹⁰ *Шевченко І.* Україна між сходом и заходом. URL: <http://litopys.org.ua/ishevch/ishev03.htm> (дата обращения: 15.06.2014).
- ¹¹ Станет ли расколота на Запад и Восток Украина федерацией? URL: <http://www.newsru.com/background/22nov2004/confederation.html> (дата обращения: 15.06.2014).
- ¹² *Миллер А.* Указ. соч.
- ¹³ Станет ли расколота на Запад и Восток Украина федерацией?
- ¹⁴ *Яневский Д.* Наше будущее утонуло в нашем прошлом. URL: <http://expert.org.ua/statias/?st=2&id=74357> (дата обращения: 25.02.2015).
- ¹⁵ *Гнатюк О.* Указ. соч. С. 48.
- ¹⁶ *Рябчук М.* Две Украины // Независимая газета. 1992. 1 марта.
- ¹⁷ *Riabczuk M.* Dwa światy Wielki Brat // Tygodnik Powszechny. 2001. № 35. С. 10.
- ¹⁸ *Кочмарский О.* Европейская миссия «украинского Пьемонта» // Еженедельник 2000. 2008. № 14. URL: <http://2000.net.ua/2000/svoboda-slova/rakurs/38161> (дата обращения: 25.02.2015).
- ¹⁹ *Riabczuk M.* Op. cit. С. 10.
- ²⁰ *Wozniak T.* O probleme samoidentyfikacji Ukrainy i Europy // Krasnogruda. 2000. № 10. S. 74.
- ²¹ *Возняк Т.* Вы хотите счастья своим детям? Это единственное, что нас может объединить. URL: <http://www.ji-magazine.lviv.ua/position/2004/vozniak-ng.htm> (дата обращения: 14.01.2015).

- ²² *Дашкевич Я.* Україна на межі між Сходом і Заходом // Записки Наукового Товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1991. Т. ССХХІІ : Праці історико-філософської секції. С. 36.
- ²³ *Пахлевская О.* Нас ожидает «евроинтеграция» украинских чингизханов в альпийские курорты и швейцарские банки. URL: http://gazeta.zn.ua/CULTURE/oksana_pahlevskaya_nas_ozhidaet_evrointegratsiya_ukrainski_h_chingizhanov_v_alpiyskie_kurorty_i_shvey.html (дата обращения: 25.02.2015).
- ²⁴ *Лепкі Б.* Україна на межі між Сходом і Заходом // Новий час. 1939. № 63. С. 27.
- ²⁵ *Яневский Д.* Указ. соч.
- ²⁶ См.: *Гнатюк О.* Указ. соч. С. 41.
- ²⁷ *Лучук І.* Ніби поезієзнавчі шкідці. Львів, 1996. С. 12.
- ²⁸ *Narvselius E.* Narrative Identity and Empowering Accounts of the Ukrainian Intelligentsia in Post-1991. L'viv, 2009. P. 256.
- ²⁹ См.: Ibid. P. 255.
- ³⁰ См.: Ibid. P. 257.
- ³¹ См.: Ibid. P. 258.
- ³² *Гнатюк О.* Указ. соч. С. 46.
- ³³ *Скуратівський В.* Україна — via Європа // Сучасність. 1992. № 5. С. 144.
- ³⁴ *Hnatiuk O.* Pożegnanie z imperium. Ukraińskie dyskusje o tożsamości. Lublin, 2003.
- ³⁵ Украинская интеллигенция готова привести Украину в НАТО. URL: <http://expert.org.ua/statias/?st=2&id=74357> (дата обращения: 18.01.2015).
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Инициативная группа «Первого декабря» выступает за оживление усилий граждан в поддержку евроинтеграции. URL: <http://vchasnik.ua/ukraina/160394inicijativnaya-gruppa-pervogo-dekabrya-vystupaet-za-ozhivlenie-usilij-grazhdan-v> (дата обращения: 05.03.2015).
- ³⁸ См.: *Кацун Ю.* Що хорошого? Що поганого? URL: <http://www.day.kiev.ua/uk/article/poshta-dnya/shcho-horoshogo-shcho-poganogo-60> (дата обращения: 25.02.2015).
- ³⁹ *Возняк Т.* Регресивна політологія. Епоха Ющенко. Довга прелюдія. URL: <http://www.ji.lviv.ua/ji-library/Vozniak/polit-juschenko1/ukr-es.htm> (дата обращения: 03.03.2015).
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ *Пахлевская О.* Нас ожидает «евроинтеграция»...
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Пахльовська О.* Гей, Республіка банана // Ave, Європа! Київ, 2008. С. 114.

- ⁴⁴ *Скуратівський В.* Указ. соч. С. 146.
- ⁴⁵ См.: *Гнатюк О.* Указ. соч. С. 56.
- ⁴⁶ *Гриценко О.* Світ, Європа і ми // *Круглий стіл Україна та Європа: Єдність у розмаїтті.* Львів, 1998. С. 28.
- ⁴⁷ *Бондаренко К.* Сначала «ввязались в драку», а потом уже стали думать, как и чем это должно завершиться. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/dialog/page1-1.html> (дата обращения: 18.01.2015).
- ⁴⁸ *Грицак Я.* История — повод для пессимизма.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Грицак Я.* Украина между Востоком и Западом: старая история на новый лад. URL: <https://byzantina.wordpress.com/2011/09/25/grycak/> (дата обращения: 15.06.2014).
- ⁵¹ *Грицак Я.* История — повод для пессимизма.
- ⁵² *Рябчук М.* За огорожею саду Меттерніха. URL: <http://www.ji.lviv.ua/n13texts/riabchuk.htm> (дата обращения: 03.03.2015).
- ⁵³ Акция «Нет НАТО в Украине!». URL: <http://vitrenko.org.ua/akciya-net-nato-v-ukraine/> (дата обращения: 03.03.2015).
- ⁵⁴ См.: Там же.
- ⁵⁵ *Окара А.* Указ. соч.
- ⁵⁶ *Грицак Я.* История — повод для пессимизма.
- ⁵⁷ *Окара А.* Указ. соч.
- ⁵⁸ Там же.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)53-283.2

С. Р. Глазунов

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ФАБРИЧНАЯ ИНСПЕКЦИЯ РОССИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА (На материалах Владимирской губернии)

Переход России от традиционного аграрного пути развития к новому индустриальному обществу, ознаменовавшийся в эпоху Великих реформ 1860—70-х гг. и бурно развернувшийся в пореформенный период, сопровождался формированием профессиональных групп трудовой интеллигенции, которые, вырастая количественно, постепенно превращались в массовые кадры. Профессиональная деятельность ученых, врачей, экономистов, инженеров, педагогов, людей искусства «имела большое значение, становилась необходимой частью развивающейся материальной и духовной культуры страны, делая ее доступной для всё более широких общественных слоев»¹.

В связи с ускорением развития промышленного производства, усложнением управления и усилением государственно-монополистических тенденций одной из значительных профессиональных групп интеллигенции того времени становится фабричная инспекция. Институт инспекции появился в России в 1882 г. как орган государственного контроля по охране труда малолетних рабочих в четырех наиболее развитых промышленных губерниях. К началу XX в. фабричная инспекция становится

© Глазунов С. Р., 2015

Глазунов Сергей Радиславович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. sergynglaz@mail.ru

важнейшим звеном механизма реализации реформы фабрично-трудового законодательства, функции которого распространились на обширную территорию европейской части страны. Усложняющиеся задачи, стоявшие перед новым государственным учреждением по установлению правовых отношений между рабочими и предпринимателями, требовали образованного и квалифицированного персонала.

Интеллигенция в исследовательской литературе в целом рассматривалась как прогрессивный и наиболее активный социальный слой общества. С ней, прежде всего, ассоциировалось демократическое мировоззрение, ей в основном отводилась главная организующая роль в революционной борьбе². Фабричные инспектора характеризовались авторами неоднозначно. Исследователи отмечали, что «в фабричную инспекцию шел вначале цвет русской либеральной интеллигенции», считая, что «либерально настроенная “народолюбивая” демократическая интеллигенция пошла туда, внося всё свое горячее желание служить на пользу “народа” и вообще наиболее угнетенным слоям»³. Советские историки в целом с недоверием относились даже к первому составу фабричных инспекторов, замечая, что при всем своем «народолюбию» и бескорыстии, инспектора становились лишь молчаливыми свидетелями безграничной эксплуатации труда капиталом⁴.

Вместе с тем в современной исследовательской литературе отмечается положительная роль и вполне осязаемая причастность профессиональной интеллигенции к появлению фабричного законодательства. Немецкий историк Й. фон Путткамер⁵ непосредственное происхождение фабричного законодательства в России связывал, наряду с другими факторами, с влиянием на правительственную политику профессиональной интеллигенции (врачей, инженеров, экономистов, педагогов), из представителей которой формировались кадры фабричной инспекции. А. Ю. Володин⁶ в монографии, посвященной фабричной инспекции, дал характеристику наиболее ярких ее представителей. В региональных изданиях⁷ появляются очерки, посвященные отдельным фабричным инспекторам, блестяще проявившим себя на этом поприще.

Сегодня представляет интерес рассмотрение деятельности фабричной инспекции как особой группы профессиональной интеллигенции, ее роли в модернизации российского общества.

В статье также дан просопографический анализ фабричных инспекторов, который проводится на широком круге материалов официального делопроизводства, статистики и мемуаров. Используются как печатные отчеты фабричных инспекторов, так и архивные документы фондов различных органов фабричной инспекции, хранящихся в местных и центральных государственных архивах. Изучение в основном проводится на материалах Владимирской губернии, которая одна из первых (наряду с Московской и Петербургской) стала своеобразным опытным полем для создания института фабричной инспекции. Исполнительные органы учреждались на уровне губерний, и практические действия владимирского отряда фабричных инспекторов вполне могут служить показателем условий деятельности инспекции вообще.

По закону 1 июня 1882 г., с 1 июля этого года были учреждены должности одного главного и четырех окружных фабричных инспекторов в наиболее развитых промышленных губерниях России (Московской, Варшавской, Петербургской и Владимирской)⁸, но фактически инспектора были назначены только в Москву и во Владимир. Источником, подробно освещающим фактическую сторону событий, связанных с назначением первого состава фабричных инспекторов в России, служит первая глава «Воспоминаний» И. И. Янжула⁹.

Иван Иванович Янжул — известный экономист, профессор кафедры финансового права Московского университета, автор многочисленных научных и публицистических трудов, в том числе по истории английского рабочего законодательства¹⁰. Он был утвержден в должности фабричного инспектора Московского округа 30 августа 1882 г. по инициативе министра финансов Н. Х. Бунге, который хорошо знал род его занятий и изданные труды¹¹.

Свое желание пойти в инспекцию И. И. Янжул объяснил так: «В полной силе и цвете лет, проникнутый лучшими стремлениями своей юности, я мечтал своим трудом принести Родине посильную лепту в разрешении многотрудного и важного рабочего вопроса, который должен отразиться на всем ее будущем...»¹² Ярчайший представитель русской либеральной интеллигенции, он стоял в основании формирования состава фабричных инспекторов как одной из ее профессиональных групп, многое сделал для ее утверждения в обществе.

Главным фабричным инспектором в июле 1882 г. был назначен Евгений Николаевич Андреев. Технолог по профессии, деятельный член «Русского технического общества», он активно участвовал в создании сети профессионально-технических учебных заведений, где рабочие получали начальное образование и специальную подготовку¹³. Техническая специальность и опыт работы на поприще образования, очевидно, сыграли главную роль при приглашении его на эту должность, требовавшую навыков такого рода деятельности. Важными качествами для инспекторской работы обладал и врач по профессии П. А. Песков, которого с Андреевым познакомил Янжул¹⁴, в результате чего он был приглашен на должность инспектора Владимирского округа. Этот триумvirат положил начало фабричной инспекции в России как особой группы профессиональной интеллигенции.

Назначение П. А. Пескова 7 ноября 1882 г.¹⁵ положило начало истории владимирского отряда фабричных инспекторов. В конце 1870-х годов Петр Александрович Песков, будучи специалистом по изучению санитарного состояния промышленных заведений по обработке волокнистых веществ, принимал участие в работе комиссии по обследованию фабрик и заводов г. Москвы под председательством М. А. Саблина, учрежденной генерал-губернатором В. А. Долгоруковым, результатом чего стали две его работы¹⁶.

Именно врачи-гигиенисты первыми показали обществу ужасные условия работы на производстве¹⁷. Ф. Ф. Эрисман руководил фундаментальным обследованием фабрик и заводов Московской губернии по поручению Московского земства. Врач Е. М. Дементьев (в 1894—1911 гг. — на службе фабричной инспекции в качестве ревизора), обработав собранный материал (опубликованный в 17 томах), написал широко известную в свое время книгу «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет» (М., 1893).

Летом 1883 г. Е. Н. Андреева на посту главного фабричного инспектора сменил Яков Тимофеевич Михайловский — по образованию педагог, публицист, председатель Санкт-Петербургского комитета грамотности, человек умный и деятельный, прослуживший в этой должности вплоть до ее ликвидации в 1894 г.¹⁸

Закон 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» возлагал на инспекторов массу обязанностей. Они должны были контролировать соблюдение закона об использовании незрелой рабочей силы в промышленном производстве, следить за предоставлением фабрикантами возможности получения начального образования малолетними рабочими, составлять протоколы о нарушениях приведенного выше закона и препровождать их в судебные органы, представлять обвинение в суде против нарушителей положений закона.

Первым на повестке дня перед главным инспектором стоял вопрос о подборе людей в кадровый состав фабричной инспекции. Я. Т. Михайловский предъявлял к инспекторам высокие требования не только профессионального, но и чисто человеческого характера, что отличало их от других групп интеллигенции массовых профессий. Они должны были обладать высокими нравственными качествами, иметь высшее образование, совмещать в себе житейскую мудрость и основательное знание фабрично-заводского быта¹⁹.

С целью создания эффективного контроля над исполнением фабричного законодательства в инспекцию привлекались главным образом обладатели таких специальностей, на которые указывал сам дух закона 1 июня 1882 г. и вытекавшие из него постановления. По замыслу законодателя кандидат на должность фабричного инспектора должен был иметь специальные знания в санитарной, технической и педагогической сферах, а этим требованиям больше других подходили врачи, техники и педагоги. Обладатели именно этих профессий особенно в начале инспекторской практики, благодаря своим специальностям, без всякой дополнительной подготовки, кроме знания изданного законодательства, смогли бы обеспечить его исполнение, давая фабрикантам нужные инструкции и советы²⁰.

Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов установил по этому поводу негласное правило, по которому «в каждом фабричном округе должны быть представители, по крайней мере, двух означенных специальностей: если, например, в округе инспектором состоит врач, то помощником его должен быть технолог или педагог, и наоборот»²¹.

Эти соображения и легли в основу кадровой политики Министерства финансов, в ведении которого находилась фабричная инспекция. В 1886 г., когда штат фабричной инспекции насчитывал 30 человек, он состоял из 14 инженеров-техников, 10 врачей, 4 педагогов и 2 юристов²².

Закон 1882 г. вступал в силу почти через год, с 1 мая 1883 г., но из-за канцелярской волокиты и медлительности бюрократической колесницы, задерживавшей утверждение жизненно важных для исполнения этого закона «Инструкций инспекторам» и «Правил для фабрикантов», а также под давлением московских фабрикантов этот срок был отодвинут еще на год, до 1 мая 1884 г. Таким образом, на начальном этапе деятельность фабричной инспекции носила ознакомительно-подготовительный характер.

С 31 января 1883 г. П. А. Песков начал осмотр промышленных заведений Владимирской губернии по программе, изложенной в инструкции Главного инспектора от 17 сентября 1882 г., содержавшей обязанности окружных фабричных инспекторов до вступления в действие закона 1 июня 1882 г.²³ Они должны были объехать подведомственные им фабрики и заводы с целью сбора всесторонней статистической информации о фабричной жизни, в первую очередь в отношении условий применения незрелой рабочей силы, и по результатам этой деятельности представить подробный отчет.

Выполнить эту, на первый взгляд, несложную задачу оказалось совсем не просто. За пять с половиной месяцев Песков осмотрел во Владимирской губернии только 71 промышленное заведение, что явилось следствием ряда обстоятельств, затруднявших дело. Инспектор отмечал, что прямого противодействия со стороны владельцев и фабричной администрации он не встречал, но поражало на большинстве посещаемых им фабрик глухое безразличие к новому фабричному закону. Вызывала недоумение и сама личность инспектора, которого часто принимали за земского статистика, губернского механика или судебного следователя²⁴. И. И. Янжула один раз всё время осмотра принимали, как оказалось уже в конце посещения, за окружного надзирателя по надзору за питомцами Воспитательного дома²⁵.

Все сведения о малолетних рабочих инспектор получал методом визуального наблюдения и личного опроса, не доверяя

справкам и паспортам, хранившимся в фабричных конторах, где отметки о возрасте и количестве малолетних умышленно фальсифицировались. Для проверки, например, грамотности детей он обычно просил их что-то написать и прочитать. Полученные таким способом данные отличались большей точностью и достоверностью.

На всех осмотренных П. А. Песковым фабриках и заводах работало 4 788 малолетних в возрасте до 15 лет включительно, что составляло 10,38 % к общему числу занятых там рабочих. Любопытно, что 12,24 % всех малолетних рабочих были моложе 12 лет²⁶. Таким образом, незрелый труд был широко распространен на предприятиях Владимирской губернии: каждый десятый промышленный рабочий являлся малолетним, каждый девятый малолетний рабочий был недопустимо раннего возраста.

П. А. Песковым была также составлена подробная статистика, свидетельствующая о наличии грамотности среди малолетних рабочих, с распределением их по различным видам производства. Из 4965 малолетних рабочих умели читать и писать 1243 мальчика (25 %) и 265 девочек (5 %), свидетельство об окончании начальной школы смогли представить только 167 детей (3 %)²⁷.

В начале 1885 г. во Владимир к фабричному инспектору Пескову был прикомандирован в качестве помощника инженер-технолог Арефьев²⁸, что позволило более четко скоординировать надзор в округе. Только лишь 26 февраля 1885 г., когда были подготовлены столь желанные и нужные инструкции, инспектора могли приступить к своей деятельности, т. е. составлению протоколов и привлечению промышленников к суду по новому законодательству. Протокол о выявленных на фабрике нарушениях составлялся в присутствии полиции и понятых и далее передавался мировому судье для определения наказания.

Поначалу инспектора наказывали виновников лишь при повторном правонарушении, но и в этих случаях карательные меры применялись крайне редко. 82 повторных посещения показали, что на 35 фабриках нарушения закона 1 июня 1882 г. были устранены, на 46 предприятиях все малолетние рабочие были уволены. Только в г. Шуя на ткацкой фабрике владельца Калужского 7 ноября 1885 г. П. А. Песков составил протокол о нарушении

ряда статей закона о малолетних. Мировой судья оштрафовал управляющего на 50 руб. Инспектор не согласился с таким мягким, на его взгляд, наказанием и обжаловал приговор судьи. Дело было перенесено в мировой суд, который 29 января 1886 г. увеличил размер штрафа до 100 руб.²⁹

Всего в 58 губерниях европейской России за 1885 г. фабричными инспекторами было составлено 23 протокола, зафиксировавших нарушения закона. В 19 случаях на виновных был наложен штраф в размере от 10 до 100 руб., в трех случаях ответственные были арестованы на две недели и на один месяц, и только однажды мировой суд вынес оправдательный приговор³⁰.

С самого начала служебная деятельность требовала от фабричных инспекторов большой энергии и исключительного здоровья. Профессионально владея навыками научной обработки первоначальных данных, П. А. Песков во время своих многочисленных поездок (как и Янжул по своему округу) собрал и сгруппировал богатый статистический материал, отражавший малоизвестную широкой публике панораму фабричной жизни Владимирской губернии. Изо дня в день инспектора продолжали нелегкую, казалось бы, незаметную, но очень нужную и важную в условиях ускоренного развития промышленности работу по надзору за соблюдением фабрично-трудового законодательства в России. Содержание и результаты проделанной ими работы, отраженные в первых печатных отчетах фабричных инспекторов, позволяют увидеть в них особую профессиональную группу российской интеллигенции.

Рождение такой социально значимой группы интеллигенции, как фабричная инспекция, было отмечено современниками, которые восторженно отзывались о людях, вставших в ряды инспектората. Выразительную характеристику фабричным инспекторам в 1886 г. дал известный публицист и общественный деятель, прокурор Окружного суда Московского округа П. Н. Обнинский в статье «Новый закон об организации фабричного быта в Москве», опубликованной в нескольких номерах «Юридического вестника». Он отмечал, что профессора, техники-специалисты, врачи, люди с высшим образованием с первых шагов были «способны вынести на своих плечах всё бремя введения нового закона, сохранить верность ему во что бы то ни стало и оградить его от всяких происков». Автор отдавал должное их «особой

энергии, особой бдительности и неуклонной, ни перед чем не отступающей стойкости», которых требовал от них постоянный контроль над действительным исполнением³¹.

Прокурору вторил известный экономист, чиновник Министерства финансов В. П. Безобразов, опубликовавший свои наблюдения относительно новых фабричных узаконений. Он считал, что «личный состав фабричной инспекции вообще превосходит и в нравственном, и в умственном отношении» по сравнению со многими другими органами местной администрации. Новая должность фабричного инспектора требовала, по его мнению, соединения в одной персоне «знаний технических, юридических, экономических (в том числе чисто практических и хозяйственных) и административных»³².

Первоначально кадровый состав фабричных инспекторов создавался из представителей в основном трех специальностей — врачей, учителей и инженеров-техников, что отличало их как особую категорию профессиональной интеллигенции. Специальных учебных заведений, готовивших молодых людей для фабрично-инспекторской деятельности в России, как, впрочем, и за рубежом, не было. Английский опыт свидетельствовал о разнообразном составе фабричных инспекторов по своей профессиональной принадлежности, который комплектовался из бывших учителей, врачей, адвокатов и даже моряков. Российское центральное финансовое ведомство при подборе новых людей руководствовалось, прежде всего, существом первых фабричных законов. Законодательные акты 1 июня 1882 г. и 12 июня 1884 г. призваны были охранять здоровье малолетних рабочих и способствовать получению ими образования. Поэтому на должности фабричных инспекторов приглашались либо врачи, сведущие в медицине и санитарии, либо инженеры-технологи, знакомые с промышленным производством, либо педагоги, способные организовать обучение детей, работающих на фабриках и заводах.

Закон 3 июня 1886 г. «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции»³³, расширив круг обязанностей фабричных инспекторов, открыл новый этап в становлении этой группы профессиональной интеллигенции. Общий штат фабричной инспекции увеличился на десять

помощников инспекторов, трех из которых распределили во Владимирскую губернию.

Так, в ноябре 1886 г. у фабричного инспектора П. А. Пескова, кроме А. А. Микулина, который сменил заболевшего Арефьева³⁴, появилось три новых помощника: местный врач И. В. Бартнев, бывший помощник окружного инспектора Казанской губернии инженер-технолог И. Т. Дубов и коллежский советник М. А. Виноградов³⁵. В сентябре 1891 г. место Дубова в связи с переводом его в Варшаву занял бывший губернский земский техник В. Ф. Свирский³⁶.

Александр Александрович Микулин родился 24 августа 1862 г.³⁷ в небогатой дворянской семье. После окончания гимназии он поступил в Императорское Московское техническое училище, одно из лучших высших учебных заведений второй половины XIX в., где стал учеником профессора Н. Е. Жуковского — выдающегося русского ученого, создателя аэродинамики как науки, «отца» русской авиации. Часто бывая в доме своего учителя, он познакомился с его младшей сестрой Верой, которая в то время была еще гимназисткой. Свадьба состоялась в сельце Орехове Владимирского уезда Владимирской губернии — родовом имении матери Н. Е. Жуковского Анны Николаевны, вдовы штабс-капитана Егора Жуковского³⁸. Позже, на протяжении многих лет, семья Микулиных проводила здесь летние месяцы отдыха, а после смерти матери унаследовала это родовое гнездо³⁹. Во Владимире у Микулиных родились две дочери — Вера и Екатерина, сын — Александр⁴⁰. Впоследствии, уже в советской России, сын фабричного инспектора Микулина — Александр Александрович Микулин-младший стал выдающимся конструктором авиадвигателей. В конце 1930-х гг. под его руководством были созданы двигатели АМ-35А для истребителя МиГ и АМ-38 для штурмовика Ил-2, а в послевоенные годы на его моторах летал широко известный авиалайнер Ту-104⁴¹.

Помощник фабричного инспектора А. А. Микулин в 1891 г. при проверке 121 промышленного заведения выявил 111 нарушений закона, 55 из которых были отмечены в 25 протоколах⁴². 65 % фабрик контролируемой им территории оказались неблагополучными. В. Ф. Свирский в 1892 г. по фактам нарушения фабричного законодательства оформил 15 протоко-

лов⁴³. Большинство случаев нарушений было связано с неправильным ведением штрафных книг, отсутствием расчетных книжек и расценок для фабричных лавок, утвержденных инспекцией. Всего с 1887 по 1893 г. только фабричным присутствием (не считая судебных органов) по 183 протоколам, составленным фабричными инспекторами, фабрикантам было выписано штрафов на сумму в 16 950 руб.⁴⁴ Эта деятельность, характеризовавшая инспекторов как борцов с произволом предпринимателей в интересах рабочих, обеспечивала установление правовых отношений на фабриках и заводах.

В период службы во Владимире А. А. Микулин в 1891 г. подготовил и издал техническое руководство по ограждению опасных механизмов на промышленных предприятиях губернии⁴⁵. В 1893 г. вышли его «Очерки из истории применения закона 3 июня 1886 г. на фабриках и заводах Владимирской губернии», явившиеся живым свидетельством первых шагов инспекции по установлению новых форм трудовых отношений между рабочими и предпринимателями. Наблюдения и статистические данные по Владимирской губернии, приведенные в «Очерках», были использованы В. И. Лениным в статье по поводу штрафов, написанной в 1895 г.⁴⁶

Плодотворная тридцатилетняя деятельность на ниве инспекции характеризует А. А. Микулина как высокого профессионала и истинного интеллигента. Как фабричного инспектора его отличали честность, беспристрастность, высокая нравственная ответственность за выполнение порученного ему дела, искреннее стремление улучшить положение рабочих, не ущемляя при этом интересы промышленности. Красноречивым подтверждением безупречного исполнения своего гражданского долга служит запись, сделанная в формулярном списке Микулина, датированном 8 декабря 1911 г.: «Наказаниям или взысканиям, соединенными с ограничениями в преимуществах по службе, не подвергался»⁴⁷.

Действенный и полный надзор за заведениями фабричной промышленности и отношениями между рабочими и предпринимателями был затруднен малочисленным штатом фабричных инспекторов, на увеличение которого нужны были дополнительные деньги. В поисках обеспечения средств для усиления и расширения надзора по представлению министра финансов 14 марта

1894 г. был издан закон «О преобразовании фабричной инспекции и должностей губернских механиков»⁴⁸, упразднивший должности губернских механиков с передачей их функции контроля за техническим состоянием паровых котлов фабричным инспекторам. Устанавливался особый налог с паровых котлов, размер которого в 1894 г. должен был составить по приблизительным подсчетам 560 тыс. руб. — сумма, вполне достаточная для содержания увеличенного до 143 человек штата фабричной инспекции⁴⁹. В 18 губерниях была введена новая должность старшего фабричного инспектора, окружные фабричные инспектора переименовались в старших, помощники стали инспекторами. Реорганизация института вызвала изменение фабричной инспекции как особой категории профессиональной интеллигенции.

Следствием усиления технического содержания в деятельности фабричных инспекторов в конкурсе на замещение вакантных должностей предпочтение теперь отдавалось выпускникам высших технических учебных заведений. Поэтому, как отмечал в своем исследовании В. П. Литвинов-Фалинский, который сам имел опыт службы в инспекции, должности фабричных инспекторов почти на 90 % стали замещаться выпускниками технических вузов⁵⁰.

Имеющиеся данные о занятиях инженеров, окончивших Петербургский технологический институт, свидетельствуют, что с середины 80-х гг. до 1918 г. 240 петербургских технологов работали фабричными инспекторами, из них 56 имели стаж более 20 лет⁵¹. Из 803 специалистов, подготовленных Московским техническим училищем, по которым были собраны данные, относящиеся к началу 1890-х гг., в фабричной инспекции служили 82 человека⁵².

Фабричная инспекция в России находилась в исключительном положении. Ни в одной стране мира на нее не было возложено такое количество разнообразных по своему характеру обязанностей. Сложные и подчас экстремальные условия работы инспекторов предполагали наличие у них «нравственного авторитета», на что указывал в своем «Обращении» к инспекторам С. Ю. Витте, призывая их в целях всемерного содействия развитию промышленности отстаивать «интересы как фабрикантов, так и рабочих»⁵³.

Однако если министр финансов предлагал нравственный авторитет инспекторов использовать главным образом в интересах промышленности, то сами инспектора опирались на него в основном при рассмотрении споров и недоразумений между рабочими и предпринимателями. А. А. Микулин отмечал, что удовлетворение жалоб рабочих часто происходило только благодаря личному влиянию инспектора на заведующего, что приводило к миролюбивому окончанию возникшего между сторонами конфликта⁵⁴. В то же время он подчеркивал, что разумный совет и толковые указания фабричного инспектора делали значительно больше, нежели применение кары за нарушение закона фабрикантами⁵⁵.

А. К. Клепиков благодаря личному опыту на ниве фабричной инспекции пришел к заключению, что «всё... фабричное законодательство, явившееся продуктом забот о поддержании порядка, и вся совокупность социально-политических условий русской жизни таковы, что центр тяжести в деятельности фабричного инспектора, как защитника интересов рабочих, за бессилием в этом отношении закона, переносится на его личность, на его добрую волю и умение, на его “нравственный авторитет”»⁵⁶.

Высокая нравственность, громадная степень ответственности — личные качества, сопряженные с выполнением служебных функций, характеризовали фабричных инспекторов как особый социальный слой профессиональной интеллигенции.

В связи с распространением и усилением фабричного надзора владимирский инспекторат, наполовину обновившийся и пополнившийся на 3 штатные единицы, в 1894 г. состоял из 1 старшего и 6 участковых фабричных инспекторов⁵⁷. Бывший окружной инспектор П. А. Песков и один из помощников инспектора И. В. Бартенев были переведены соответственно в Тверскую и Тульскую губернии. К фабричным инспекторам В. Ф. Свирскому и А. А. Микулину присоединились пять новых сотрудников: инженер-технолог А. С. Астафьев, до этого работавший на Охтинском пороховом заводе начальником пироксилиновой мастерской по производству азотной кислоты⁵⁸, его сослуживец инженер-технолог Р. Р. Шпицберг⁵⁹, инженер-технолог А. Н. Розанов, перемещенный с должности помощника фабричного инспектора из Волынской губернии⁶⁰, инженер-технолог Н. Н. Юргенсон⁶¹ и единственный среди вновь прибывших

по профессии врач И. И. Гончаров, выпускник медицинского факультета Московского университета, имевший продолжительную врачебную практику при Лихвинской Мариинской женской прогимназии в Калужской губернии и награжденный за усердную службу на ниве медицины орденом Святого Станислава 3-й степени⁶². Делопроизводителем при старшем фабричном инспекторе был назначен канцелярский чиновник Сумского таможенного поста Кемского уезда Архангельской губернии коллежский регистратор А. К. Радер⁶³.

С 1894 по 1897 г. действие закона 1886 г. было распространено на все губернии европейской России — от Урала до Лодзи, и штат увеличился до 171 человека⁶⁴. С изданием закона 7 июня 1899 г., учредившего Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие и создавшего 6 фабричных округов во главе с окружными инспекторами, произошло последнее масштабное увеличение числа фабричных инспекторов до 257 человек⁶⁵.

В рамках общего реформирования во второй половине 90-х гг. количество участков и инспекторов во Владимирской губернии из года в год постоянно увеличивалось, достигнув к началу века 11. Окончательно утвердившись в численном составе, сохранившемся до 1918 г., владимирский отряд фабричных инспекторов включал 1 старшего, 11 участковых фабричных инспекторов и 1 кандидата⁶⁶. После отъезда И. И. Гончарова в мае 1900 г. в Москву — место своего нового назначения, владимирский инспекторат комплектовался исключительно из инженеров.

С 1894 г. должность старшего фабричного инспектора Владимирской губернии исполнял Александр Сергеевич Астафьев. Хорошо знавший теорию и практику промышленного производства, воочию наблюдавший фабричную жизнь, имевший опыт прямого общения с заводскими рабочими, перейдя в инспекцию, он не раз демонстрировал умелые действия по предотвращению крупных беспорядков на предприятиях Владимирской губернии.

Следует отметить, что важной характеристикой фабричных инспекторов, игравшей определенную роль в их профессиональной судьбе как особой группы интеллигентов, являлась их активная социальная позиция в предупреждении стачек. Так, летом 1895 г. Астафьев погасил конфликт между рабочими и администрацией ткацкой фабрики А. Каретниковой, вспыхнувший

из-за временной остановки производства, за что он был отмечен благодарностью С. Ю. Витте. Через год, когда возникла угроза серьезных волнений среди рабочих на заводах братьев Барсковых, находясь в то время в служебной командировке, он срочно вернулся во Владимир и помог предупредить нежелательные последствия этих событий⁶⁷.

В 1896 г. Астафьев был привлечен министром финансов к участию в качестве эксперта по оценке конкурсных изделий из текстиля на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде. В феврале 1896 г. в память почившего императора Александра III он был награжден серебряной медалью на Александровской ленте, в апреле 1897 г. за отличную и усердную службу и особые заслуги — пожалован орденом святой Анны 2-й степени. В октябре 1897 г. его назначили ревизором при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов⁶⁸, в 1899 г. — перевели на должность окружного фабричного инспектора Московского округа.

В 1897 г. на посту старшего фабричного инспектора Владимирской губернии А. С. Астафьева сменил В. Ф. Свирский. Виктор Францевич Свирский пришел в фабричную инспекцию из владимирского земства, прослужив в должности земского техника около пяти лет, с 1886 по 1891 г. За это время он осуществил два крупных научно-практических проекта: разработал долговременную на ближайшие 12 лет комплексную программу мероприятий по содержанию и эксплуатации шоссейных дорог Владимирской губернии, переданных земству Министерством путей сообщения в 1886 г.; составил подробное описание фабрик и заводов, положив начало местной фабрично-заводской статистике⁶⁹.

С сентября 1891 г., перейдя на государственную службу в качестве помощника фабричного инспектора, а с 1894 г. — участкового фабричного инспектора Владимирской губернии, Свирский около 6 лет проработал в Муроме. В 1896 г. как присяжный заседатель участвовал в сессии Муромского отделения Владимирского окружного суда, в этом же году записан во Владимирскую дворянскую родословную книгу. Посвятив себя трудной и в то же время благородной задаче, находясь во главе владимирской фабричной инспекции, В. Ф. Свирский проявился как настоящий профессионал и интеллигент, зарекомендовал себя

добросовестным и ответственным сотрудником, толерантным по отношению к рабочим и предпринимателям.

Владимирская фабричная инспекция была своеобразной кузницей кадров для других губерний. В 1894 г. при старшем фабричном инспекторе была введена должность кандидата. Прослужив обычно около года и получив навык инспекторской работы, кандидаты переводились на должности фабричных инспекторов, как правило, в менее развитые промышленные районы. Наиболее деятельные из участковых фабричных инспекторов Владимирской губернии нередко призывались возглавить инспекторат отдельной губернии или целого округа. Более того, весь состав владимирского отряда фабричных инспекторов первого (1882—1886 г.) и второго (1894 г.) призывов был востребован полностью: П. А. Песков стал старшим инспектором Тверской губернии, Н. Н. Юргенсон — Саратовской, затем Лифляндской, И. В. Бартенев — Тульской, Р. Р. Шпицберг — Орловской, А. А. Микулин — окружным инспектором Киевского округа, А. С. Астафьев — Московского, И. И. Горчаров — помощником окружного инспектора⁷⁰.

К концу XIX в. одна из профессиональных групп интеллигенции, выполняющей различные исторически обусловленные общественные функции, требующие интеллектуальной работы, приобретая устойчивую социальную роль в условиях реализации фабричного законодательства, идентифицировалась как фабричная инспекция. Она складывалась из различных профессиональных групп учителей, врачей, экономистов, юристов, инженеров и техников, обладавших высшим образованием и разносторонними знаниями.

Отличительные особенности фабричных инспекторов проявились также в их многофункциональной и социально значимой деятельности, высоконравственных качествах и поступках, мировоззрении, сориентированном на следование идеям просвещения и прогресса. Осознавая особую важность своей сложной, трудной и ответственной миссии, отличаясь искренней преданностью делу, неподкупной честностью и неослабевающей энергией при выполнении обязанностей, они в своей практической деятельности представляли педагогами, дипломатами, судьями, административными работниками в одном лице. Инспектора сыграли особую роль своеобразного естественного посредника между рабочими и хозяе-

вами в духе соглашения их интересов, служили своего рода нравственной элитой во взаимоотношениях власти с промышленниками.

Фабричная инспекция несла ответственность за реализацию фабрично-трудового законодательства, являлась важным фактором процесса модернизации России. Своим активным участием в создании правовых отношений на промышленных предприятиях, борьбе за улучшение условий жизни трудящихся масс, она занимала особое место в передовых рядах профессиональной интеллигенции.

Примечания

- ¹ *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 34.
- ² *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 118.
- ³ *Каплун С. И.* Охрана труда и ее органы. М., 1922. С. 57.
- ⁴ *Вовчик А. Ф.* Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. Львов, 1964. С. 218; *Лаверычев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917). М., 1972. С. 62.
- ⁵ *Puttkamer Jo. von.* Fabrikgesetzgebung in Russland vor 1905 // Regierung und Untemehmerschaft beim Ausgleich ihrer Interessen in einer vorkonstitutionellen Ordnung. Koln, 1996. S. 440.
- ⁶ *Володин А. Ю.* История фабричной инспекции в России, 1882—1914 гг. М., 2009. С. 125—134.
- ⁷ См., напр.: *Глазунов С. Р.* Фабричный инспектор А. А. Микулин в социально-экономической и культурной жизни российской провинции, 1885—1917 гг. // Материалы XVII Межрегиональной краеведческой конференции, 4 мая 2012 г. Владимир, 2013. С. 103—114.
- ⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собр. III (далее — ПСЗ-III). Т. 2. СПб., 1886. № 931.
- ⁹ *Янжул И. И.* Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907. С. 21—63.
- ¹⁰ См.: Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энцикл. : в 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 1273—1274.
- ¹¹ *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии : отчет за 1882—1883 годы фабричного инспектора по надзору за малолетними. СПб., 1884. С. I; *Янжул И. И.* Из воспоминаний и переписки... С. 207, 28.
- ¹² *Янжул И. И.* Из воспоминаний и переписки... С. 208.
- ¹³ Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). Т. 1. С. 90.
- ¹⁴ *Янжул И. И.* Из воспоминаний и переписки... С. 25.

- ¹⁵ *Песков П. А.* Фабричный быт Владимирской губернии : отчет за 1882—1883 годы фабричного инспектора по надзору за малолетними. СПб., 1884. С. 1.
- ¹⁶ *Песков П. А.* Описание Дурыкинской волости Московского уезда в санитарном отношении. М., 1879 ; *Песков П. А.* Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ. М., 1882. Вып. 1.
- ¹⁷ *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России... С. 144.
- ¹⁸ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1896. Т. XIX (38). С. 493—494.
- ¹⁹ [*Михайловский Я. Т.*] О деятельности фабричной инспекции : отчет за 1885 год главного фабричного инспектора. СПб., 1886. С. 1.
- ²⁰ Там же. С. 3—5.
- ²¹ Там же. С. 5.
- ²² Там же.
- ²³ *Песков П. А.* Фабричный быт Владимирской губернии. С. I—II.
- ²⁴ Там же. С. VI.
- ²⁵ *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии. С. XVIII.
- ²⁶ *Песков П. А.* Фабричный быт Владимирской губернии. С. 17, 19.
- ²⁷ Там же. С. 26.
- ²⁸ *Песков П. А.* Владимирский фабричный округ : отчет за 1885 г. фабричного инспектора Владимирского округа д-ра Пескова. СПб., 1886. С. 1.
- ²⁹ Там же. С. 59.
- ³⁰ [*Михайловский Я. Т.*] Указ. соч. С. 74.
- ³¹ *Обнинский П. Н.* Новый закон об организации фабричного надзора в Москве // Юридический вестник. 1887. Т. 24. Кн. 1. Январь. С. 118.
- ³² *Безобразов В. П.* Наблюдения и соображения относительно действий наших фабричных узаконений и фабричной инспекции. СПб., 1888. С. 23—24.
- ³³ ПСЗ-III. Т. 6. СПб., 1888. № 3769.
- ³⁴ [*Михайловский Я. Т.*] Указ. соч. С. 23.
- ³⁵ Государственный архив Владимирской области (далее — ГАВО). Ф. 14. Оп. 3. Д. 6045. Л. 5.
- ³⁶ Там же. Ф. 265. Оп. 6. Д. 49.
- ³⁷ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 23. Оп. 23. Д. 761. Л. 143—144.
- ³⁸ ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 721. Л. 59.
- ³⁹ РГИА. Ф. 23. Оп. 23. Д. 761. Л. 238.
- ⁴⁰ ГАВО. Ф. 590. Оп. 2. Д. 81. Л. 151 об. — 152 ; Д. 134. Л. 323 об. — 324.
- ⁴¹ Большой энциклопедический словарь : в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 807.
- ⁴² ГАВО. Ф. 265. Оп. 6. Д. 22. Л. 10, 11.
- ⁴³ Там же. Д. 49. Л. 16.

- ⁴⁴ *Микулин А. А.* Очерки из истории применения закона 3 июня 1886 года о найме рабочих на фабриках и заводах Владимирской губернии. Владимир, 1893. С. 48.
- ⁴⁵ Приборы, приспособления и правила для ограждения опасных частей машин на фабриках: бумаго- и шерсто-прядельных, красильно-отбельных, аппретурных, ткацких и писчебумажных. Владимир, 1891.
- ⁴⁶ *Ленин В. И.* Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах // Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 2. С. 19—60.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 23. Д. 761. Л. 143—144.
- ⁴⁸ ПСЗ-III. Т. 14. СПб., 1898. № 10420.
- ⁴⁹ *Микулин А. А.* Фабричная инспекция в России, 1882—1906. Киев, 1906. С. 97.
- ⁵⁰ *Литвинов-Фалинский В. П.* Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1904. С. 293, 336, 339.
- ⁵¹ *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция... С. 40.
- ⁵² *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России... С. 118.
- ⁵³ Сборник узаконений, положений и распоряжения по делам фабричной инспекции. СПб., 1898—1899. Вып. 1/2. С. 26—28.
- ⁵⁴ *Микулин А. А.* Указ. соч. С. 195.
- ⁵⁵ Там же. С. 198.
- ⁵⁶ *Клепиков А. К.* (Гвоздев С.) Записки фабричного инспектора : (из наблюдений и практики в период 1894—1908 гг.). М., 1911. С. 20.
- ⁵⁷ Памятная книжка Владимирской губернии. Владимир, 1895. С. 753.
- ⁵⁸ ГАВО. Ф. 266. Оп. 2. Д. 4. Л. 4.
- ⁵⁹ Там же. Д. 20. Л. 1.
- ⁶⁰ Там же. Д. 13. Л. 1.
- ⁶¹ Там же. Д. 22. Л. 1.
- ⁶² Там же. Оп. 1. Д. 37. Л. 1, 2.
- ⁶³ Там же. Оп. 2. Д. 12. Л. 5.
- ⁶⁴ ПСЗ-III. Т. 17. СПб., 1900. № 14232.
- ⁶⁵ Там же. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17122.
- ⁶⁶ Свод отчетов фабричных инспекторов за [1901—1914 гг.]. СПб., 1903—1915.
- ⁶⁷ ГАВО. Ф. 266. Оп. 2. Д. 4. Л. 4, 6, 9, 15, 21—23, 29.
- ⁶⁸ Там же. Л. 24, 34, 38.
- ⁶⁹ *Свирский В. Ф.* Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии. Владимир, 1890.
- ⁷⁰ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 35. Л. 65 ; Оп. 2. Д. 4. Л. 38 ; Д. 12. Л. 60 ; Д. 13. Л. 39 ; Д. 20. Л. 20 ; Д. 22. Л. 37.

В. А. Порозов

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ПРИКАМЬЯ: ИСТОКИ И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Проблема появления интеллигенции как таковой поставлена отечественной наукой относительно недавно и находится в центре внимания разворачивающихся дискуссий. Гораздо более длительную и глубокую историографическую традицию имеет прошлое российской интеллигенции. Однако историческая реконструкция процесса становления и развития этого важнейшего в жизнедеятельности общества социального слоя не позволяет с достаточной полнотой судить о формировании интеллигенции в регионах, в российской провинции.

В качестве одного из «серединных», находящихся между Западом и Востоком регионов России, можно рассматривать Прикамье. Вряд ли возможно точно и окончательно определить устраивающие всех территориальные рамки региона. Однако допустимо отнести к Большому Прикамью пять современных субъектов РФ: Кировскую область, Пермский край с существовавшим в 1925—2005 гг. Коми-Пермяцким автономным округом, Республику Башкортостан, Республику Татарстан, Удмуртскую Республику. Географически к бассейну Камы относятся также территории, находящиеся в Свердловской и Челябинской областях (верховья рек Чусовая, Сылва, Уфа, Юрюзань, Ай, Бисерть), небольшие территории в республиках Марий-Эл и Коми (верховья Немды, Уржумки и Летки). Меньшее значение в историко-культурном контексте имеет пока принадлежность к бассейну Камы верхнего течения рек Дёмы и Пижмы (в Оренбургской и Нижегородской областях). В дореволюционном прошлом территория Прикамья относилась преимущественно к Пермской, Вятской, Уфимской и Казанской губерниям. То есть исторически

© Порозов В. А., 2015

Порозов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. porozov_va@perm.ru

к региону, очерченному пятью названными субъектами РФ, тяготеют территории, относимые ныне к Свердловской, Челябинской областям, республикам Чувашии и Марий-Эл.

Процесс формирования интеллигенции на обозначенной территории не может не иметь мощных социально-исторических и даже природных корней. Первым в регионе, как исследователь, попытался обратить на это внимание пермский краевед Л. В. Баньковский¹. При всей эклектичности его «пермистики», в ней присутствует фактор неразрывной связи природных и социальных явлений. Какую бы важную роль в творчестве ни играл наш интеллект, как бы ни пытались в последнее время организаторы и лидеры художественно-культурного процесса вынести на первый план игровые, зрелищные, формалистические и национальные моменты творчества, в конечном счете, только истоки малой родины, связь с ее природным ландшафтом, с населяющим ее народом были и остаются основой эстетической истины в последней инстанции — художественной правды. С этой точки зрения интересно осмысление и таких природных явлений, как пермская геологическая система.

Из неразрывной связи с природой выростали творения «прединтеллигенции» Прикамья, создавшей такие художественные шедевры, как металлическая пластинка пермского звериного стиля и роспись по дереву второй половины XIX — начала XX в., а также памятники народного искусства от первых попыток художественного осмысления окружающего мира в Каповой пещере (Шульган-Таш) и сказаний об Урал-батыре и Перебогатыре — до резьбы, вышивки, керамики и других явлений декоративно-прикладного искусства, сохраняющих тенденции развития в быту до наших дней.

Откуда же «есть-пошла» цивилизационная история? Из района Месопотамии и Ближнего Востока: отсюда интеллигенты-профессионалы в качестве военачальников, купцов, советников, религиозных проповедников и других «специалистов творческого труда» распространились по всей планете.

Не следует преуменьшать при этом и потенциал коренных народов в разных регионах мира. В силу объективных законов общественного развития у каждого из них складывалась «прединтеллигенция» в лице вождей, знахарей и колдунов, сказителей

и первых художников. Формирование национальной интеллигенции в современном смысле этого слова представляло собой, как правило, синтез двух начал — «пришлого» и коренного. Когда «цивилизированный» мир сталкивался с высокоразвитыми самостоятельными цивилизациями (ацтекская, инкская), последние безжалостно уничтожались, а создавшая их интеллигенция коренного происхождения истреблялась.

Прикамье и Урал в силу своего географического положения и запаздывающего варианта общественного прогресса счастливо избежали столь трагичной участи. Интеллигенция региона складывалась по магистральному, универсальному для цивилизованного человечества пути.

Как минимум, со времен аркаимцев (ариев?), т. е. со второго тысячелетия до н. э., наш край был хорошо известен интеллектуальной элите важнейших цивилизационных центров. Удобное сообщение в летние месяцы по Каме, Иртышу, Яику и их притокам, караванные пути по просторам Великой степи делали регион не столь уж недоступным для древних иранцев (персов), арабов, правящих кругов Хазарского каганата. О северных реках Приуралья и соединяющих их волоках не могли не иметь представления викинги. В период существования Киевской Руси судьбоносными для Урала цивилизационными центрами стали Волжско-Камская Булгария и Земля Новгородская. Очевидно, что в процессе формирования интеллигенции, как, впрочем, и всего населения региона, следует учитывать воздействие соседствующих цивилизаций и цивилизационных очагов. В первую очередь необходимо отметить арийско-иранское, скифо-сарматское, болгаро-татарское и, разумеется, новгородское и московское влияния.

Малоизученным периодом уральской истории является время так называемого монголо-татарского ига. Что представляла собой монголо-татарская интеллигенция? «Венгерский монах Юлиан рассказывает о татарском после, знавшем венгерский, русский, куманский (тюркский), тевтонский (немецкий), сарацинский (арабский) и, естественно, татарский (монгольский) языки. Татарский предводитель, взятый в плен чехами при Ольмюце, оказался английским тамплиером по имени Питер»², — подобные факты, приведенные Л. Н. Гумилевым, заставляют о многом задуматься. Интеллигенция Золотой Орды — «крещеные

татары» — опричнина — Борис Годунов: в этих явлениях также есть определенная связь (Строгановы входили в опричнину!).

Разумеется, славянский, российский, православный факторы сыграли в процессе формирования современной прикамской интеллигенции первостепенную роль. К сожалению, Урал в истории России XI—XVII вв. чаще всего предстает лишь как объект русской колонизации. Однако продвижение первых русских на восток мало напоминало обстоятельства картины С. В. Иванова «Смерть переселенца»: дорог не существовало, и вряд ли можно было взять с собой не только лошадь и корову, но даже женщину. Предание о том, что матерью Стефана Пермского была коми-зырянка, весьма показательна. Коми-зырянами являлись и первые обученные Стефаном православные священники.

А окружение присланных московским царем пермских князей? В. А. Оборин указывал на сохранившиеся нерусские прозвища: «Коча (от коми «коч» — заяц), Мичкин (мича — красивый), Бурмот (бур — добрый, морт — человек), Зыран, Исур»³. Скорее всего, Урал следует включить в ареал формирования русской нации, а русская интеллигенция в период ее зарождения тожеждественна понятию «интеллигенция православная (православного вероисповедания)».

В становлении региональной интеллигенции приняли участие представители всех приволжских и уральских народов: и коренных финно-угров — коми-пермяков, манси, удмуртов, марийцев, и «пришлых», появившихся в крае начиная с IX—X вв. — славян, болгар, башкир, евреев, многих других сформировавшихся и формирующихся национальностей. Не исключено, что именно синтез всех их и дал на сегодняшний день явление пермяков и вятичей, считающих себя русскими, а также, смеем заметить, татар. Становление такого самосознания происходило на основе православия и традиционного ислама, которые сыграли в развитии политической системы и региональной культуры особую, выдающуюся роль.

Процесс формирования «малых» российских народов и их интеллигенции предоставим оставшимся им верными интеллектуалам. Отметим лишь, надеясь на их объективность, что уверены в выявлении похожей картины по каждой из зафиксированных на нашей родной земле национальностей. Ибо общность

древней истории и современной культуры вновь и вновь со всей очевидностью доказывает, что национализм цивилизованного человека недостойн, а взаимопонимание и взаимопомощь представителей всех языков и традиционных религий россиян делали и делают нашу страну непобедимой.

В этом плане нельзя не выделить в качестве первых профессиональных, признанных обществом и известных нам интеллигентов в Приуралье — Стефана Пермского, а в Прикамье его преемников — Герасима, Питирима, Иону, Трифона Вятского; «именитых людей» Строгановых, деятелей их администрации; создателей подписных шедевров строгановской иконописной школы и неизвестных зодчих деревянных и каменных храмов края, в частности создателей архитектурного ансамбля города Соликамска, мастериц золотого шитья. Синтез природного и социального, межэтнического и межцивилизационного (включая западноевропейское влияние!), религиозного и светского профессионально-художественного начал воплощает самое уникальное явление искусства региона — пермская деревянная скульптура.

С XVIII в. в Прикамье наступает новый этап цивилизационной истории. На Урал «десантируются» представители западноевропейской индустриальной, преимущественно протестантской, интеллигенции и обученные ими кадры олонекского и подмосковного регионов. Индустриальной — в смысле промышленной, капиталистического типа, ибо «европейцы» как таковые находились уже в дружине Ермака и, возможно, в среде новгородских ушкуйников. Есть сведения, что святой Прокопий Устюжский по происхождению был немецким купцом. Постоянная подпитка из русских дворянских кругов в лице выпускников столичного Горного института и офицерских кадров не меняла общего характера местной аристократии, и Дворянское собрание в губернском центре Перми пришлось именовать Благородным — что, разумеется, не одно и то же. Важным аспектом формирования уральской интеллигенции является польский фактор. Ссылные поляки в XIX в. работали «служащими и чиновниками губернских, уездных, земских учреждений, инженерами и управляющими заводами, преподавателями учебных заведений и гувернерами, врачами, художниками, архитекторами, музыкантами

и артистами»⁴. Так, Юзефом Пиотровским был открыт один из первых в Перми книжных магазинов.

У истоков интеллигенции (и интеллигентности!) губернской Перми мы встречаемся с именами В. Н. Татищева, К. Ф. Модераха, В. Н. Берха, Ф. Х. Граля, Н. Г. Славянова, Д. Д. Смышляева и других подвижников российской политики, экономики и культуры. В различных сферах художественного творчества проявили себя В. Т. Феонов, И. И. Связев, Ф. М. Решетников, А. А. Кирпищикова; определенное воздействие на региональный культурный процесс — непосредственно или в силу традиционно высокой оценки — оказали А. Н. Радищев, А. И. Герцен, В. П. и П. П. Верещагины, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. П. Чехов, В. В. Каменский, Б. Л. Пастернак, А. М. Пазовский и ряд других деятелей российской литературы и искусства. Губернская Казань гордится пребыванием на ее земле Г. Р. Державина, Н. И. Лобачевского, А. М. Бутлерова, Уфа — С. Т. Аксакова, М. Н. Нестерова, Вятка — М. Е. Салтыкова-Щедрина, Елабуга — Н. А. Дуровой и М. И. Цветаевой, Чистополь — едва ли не всего состава российских писателей четвертого десятилетия XX в., далекий Ныроб — Михаила Романова (замученного в ссылке дяди избранного через десять лет царя). В Елабуге родился и вырос И. И. Шишкин, на Вятской земле — В. М. и А. М. Васнецовы, в Уфе — М. Н. Нестеров: на их полотнах на уровне высших достижений мировой культуры запечатлены прикамские пейзажи и региональный колорит. На прикамской земле родились или сформировались как деятели культуры П. И. Чайковский, Ф. И. Шаляпин, С. П. Дягилев, М. А. Осоргин, Р. Х. Нуриев, Н. А. Павлова, ученые масштаба изобретателя радио А. С. Попова.

У истоков национальной интеллигенции стоят Кул Шариф, Салават Юлаев, А.-З. Валиди (Валидов), Г. Е. Верещагин, Габдулла Тукай, Мажит Гафури, Кузубай Герд, П. И. Субботин-Пермяк. К сожалению, некоторые из этих выдающихся людей были противниками московской государственности, но это исторически объяснимо, и мы вправе ожидать от ученых и публицистов национальных республик точной расстановки акцентов, подчеркивания вклада исторических деятелей в общецивилизационный и культурный процесс, а не моментов роковых разногласий. Всесоюзной известности, в масштабах бывшего СССР,

достигли представители и воспитанники национальных «отрядов» интеллигенции — М. М. Джалиль, Мустай Карим, Н. Г. Жиганов, Р. И. Ибрагимов, всероссийской — Х. А. Якупов, В. Д. Гуляев, Ф. А. Гаскаров. Взвешенной политикой вошли в историю России в нелегкие 1990-е гг. возглавлявшие национальные автономии А. А. Волков, М. Г. Рахимов, М. Ш. Шаймиев.

Средоточием формирования, развития и функционирования интеллигенции выступает город. Выдающейся заслугой руководства Татарстана является нынешнее состояние Елабуги. Немало делается в Кунгуре, Соликамске. Ожидают своей очереди Чистополь, Усолье, Добрянка, Пожва, Чердынь, Сарапул и, как уникальное «гнездо» крепостной интеллигенции, поселок Ильинский. Приоритеты и лидерство краевого, областного и республиканского центров региона в рассматриваемой сфере очевидны. К сожалению, и в них есть проблемы с сохранением исторического и культурного наследия. Между тем в свое время в Казани был создан один из первых университетов в России, в Перми — первый университет на Урале. Эти города имеют приоритет в открытии типографий, формировании оперы и балета.

Заметим всё же, что достижения эти в значительной мере являлись результатами усилий приезжих деятелей отечественной культуры, тесно связанных со столичными художественными кругами. К тому же в 20—30-е гг. XX века Пермское Прикамье и Удмуртия, находясь в административном подчинении соседей, если и сохраняли свой творческий потенциал, то не имели всех возможностей для его реализации и наращивания. Были проблемы в этом отношении и в первые послевоенные годы: государственные средства и дотации шли в первую очередь на восстановление пострадавших от нашествия областей. В то же время нельзя не видеть, что именно в годы Великой Отечественной войны Прикамье получило мощный творческий импульс в связи с пребыванием в регионе видных деятелей искусства, театральных коллективов, творческих организаций, музейных коллекций. Эти обогащающие возможности максимально использованы, в частности, в Перми, где с получением благоприятных условий для самореализации были заложены основы существования и традиций собственно региональной художественной интеллигенции. Есть основания отнести начало данного процесса к периоду «оттепели» 1950—60-х гг.

Последнее подтверждается и улучшением материальной базы (реконструкция зданий театра оперы и балета, художественной галереи; открытие ТЮЗа, культурно-просветительного училища; предоставление творческим деятелям квартир, мастерских и т. п.). В этот период пермские артисты начинают успешно выступать на столичных сценических и концертных площадках, за рубежом. Выявляются классики региональной культуры, среди которых уже сегодня с уверенностью можно назвать, вслед поэту В. В. Каменскому и художнику П. И. Субботину-Пермяку, литераторов В. И. Радкевича, А. Л. Решетова, Л. И. Давыдычева, театральных деятелей Л. В. Мосолову, И. Т. Бобылева, корифеев балета Л. П. Сахарову, Е. А. Панфилова, композитора Е. А. Клещина и др.

В XX в. заметно усилилась географическая «перетасовка» народонаселения великой страны: немало высококвалифицированных специалистов оказались в нашем крае то как эвакуированные в годы войны, то как энтузиасты пятилеток, то как узники печально известного ГУЛАГа. В советские годы резко возросла вертикальная социальная мобильность, что выразилось в мощном пополнении интеллигенции, особенно технической, за счет выходцев из рабочих и крестьян (не в этом ли одна из предпосылок нового мощного имперского взлета российской цивилизации?).

При этом прикамская интеллигенция оставалась поистине многонациональной. Так, к 1965 г. из 19 руководящих работников, возглавлявших театры и филармонию г. Перми, 9 называли себя евреями, 6 — русскими, остальные — белорус, грузин, туркмен и грек; в артистическом составе плодотворно трудились украинцы, татары, немцы, армяне, поляки⁵. Таковую картину для региона можно считать достаточно типичной. Кстати, последнее обстоятельство явилось одной из предпосылок формирования пермского театрально-художественного феномена, наличие которого неоднократно фиксировалось в 70-е гг. и так неоспорительно оспаривается сегодня.

В качестве центров интеллектуального и художественного творчества в послевоенные десятилетия в Пермском крае выделяются Соликамск — в частности, высокой музейной культурой; Березники — например, формированием второго в Пермском Прикамье центра классического балета; Лысьва — стабильно

работающим драматическим театром; Чайковский — удачным архитектурным обликом. Особую роль играют художественные традиции Коми-Пермяцкого округа: достаточно вспомнить о достижениях в сферах литературы, театрального, изобразительного, музыкального искусства.

При всем том нельзя не обратить внимания на периодические, в той или иной форме, сокращения ассигнований учреждениям культуры, на недостатки собственной системы подготовки кадров по целому ряду направлений творческой деятельности, на отсутствие у многих мастеров необходимых условий для работы — помещений, материалов и т. п., на элементы управленческого бюрократизма.

Впрочем, с этими и подобными явлениями интеллигенция сталкивалась всегда и преодолевала их самим фактом своего существования.

Примечания

- ¹ *Баньковский Л.* Пермистика : заметки об истоках пермской региональной культуры : науч.-попул. прил. к газ. «Мысль». Пермь, 1991.
- ² *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. С. 526.
- ³ *Оборин В. А.* Пермские князья: кто они? // Страницы истории Урала : сб. ст. и информ. материалов. Пермь, 1995. Вып. 2. С. 17.
- ⁴ *Харитонова Е. Д.* Город Пермь в системе политической ссылки в XIX — начале XX вв. // Город мой Пермь : тез. науч.-практ. конф. Пермь, 1993. С. 9.
- ⁵ Государственный архив Пермского края. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 438. Л. 3—5, 7.

Д. А. Макеев

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ ЕГИПТА (1914—1919)

В начале Первой мировой войны колониальный Египет оказался на военном положении. С вступлением Турции на стороне Германии и Австро-Венгрии 18 декабря 1914 г. Англия заявила о ликвидации формальных прав турецкого (османского) султана на Египет и в одностороннем порядке установила над ним свой протекторат. В заявлении об объявлении войны англичане отметили, что Египет, Кипр и другие вассальные территории, занятые Англией и союзными ей странами, не признаются турецкими владениями¹. На престол Египта с титулом султана был возведен принц Хусейн Кямиль (1914—1917). Значительно увеличивались контингенты британских войск в зоне Суэцкого канала и других районах Египта. Законодательное собрание страны было распущено, полнота власти сосредоточилась в руках британского верховного военного комиссара. Повсеместно начались аресты неугодных политических и общественных деятелей, были запрещены демонстрации, забастовки, прочие манифестации и собрания. В ответ на репрессии появились подпольные террористические организации. В апреле и мае 1915 г. были совершены неудачные попытки покушения на султана Хусейна Кямиля. Британские администраторы и султанские власти ужесточили надзор над националистическими силами, в стране появились военно-полевые суды.

Проблемы борьбы египетского народа против британского протектората, переросшей в 1919 г. в национальное восстание, довольно полно отражены в исторической литературе². Авторами

© Макеев Д. А., 2015

Макеев Дмитрий Алексеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета. irina_kon_lap@mail.ru

рассмотрен широкий круг вопросов, относящихся к социально-политической ситуации и колониальной политике англичан в Египте времен Первой мировой войны, проанализирован рост политических партий и патриотических организаций. Отмечено участие разных классов и социально-классовых групп в общественно-политической жизни страны военного времени и первых послевоенных лет. Особого внимания заслуживают вопросы о месте и роли интеллигенции в выступлениях широких народных масс против британского протектората над Египтом. Настоящая статья касается вопросов малоисследованных аспектов общественно-политической деятельности египетской интеллигенции в военные годы и первые послевоенные годы.

В годы Первой мировой войны заметным стал рост египетской буржуазии, которая по мере обогащения выражала явное недовольство контролем британского капитала над национальной экономикой. Выразителем ее интересов становилась новая (буржуазная) интеллигенция, озвучивавшая лозунги борьбы за освобождение Египта от экономического и политического засилья английского капитала³. Интеллигенция проявляла равнодушие к интересам и другим социальным слоям, она приложила немало усилий к интеллектуальному единению патриотических сил общества на выступления против британского протектората над Египтом. Ни репрессиями, ни полицейским контролем британцам не удалось подавить просветительскую деятельность египетской интеллигенции. В ее рядах были представлены разные слои общества. Под понятием «интеллигенция» в Египте, как и в других странах Востока, подразумевались более широкие слои, чем в странах Запада. Это понятие охватывало «не только лиц умственного труда, представителей свободных профессий и деятелей искусства, но и людей, имеющих образование, в том числе служащих»⁴. К восточной интеллигенции можно отнести офицерский корпус национальной армии, составлявший наиболее образованную и организованную часть ее рядов.

Признанным выразителем национальных интересов являлась творческая интеллигенция. Патриотические идеи ей удавалось отражать в доступной широким слоям художественной форме. Творческие деятели осознавали сложность действительности военного времени, резко критиковали позиции компрадорской

буржуазии и аристократической знати, являвшейся оплотом султана. Соглашательство послужило причиной падения общественного авторитета Национальной партии (Хизб аль-Ватан), созданной в 1907 г. Мустафой Камилем. Члены партии считали своей первоочередной задачей достижение освобождения страны от колониальной зависимости с помощью умеренных конституционных реформ, дарованных британцами. Народная партия (Хизб аль-Умма), отражавшая интересы либеральных помещиков и торговой буржуазии, стремилась также с помощью реформ ограничить самодержавную власть султана и его двора и почти не заботилась об отмене протектората и выводе из Египта английских войск. Вокруг лидера националистов Саада Заглула стали группироваться депутаты распущенного британцами Законодательного собрания. В свои ряды вафдистское движение вовлекло интеллигенцию, студенчество, рабочих, патриотическую часть буржуазии, мелкобуржуазные слои города и деревни, религиозных деятелей⁵. Правое крыло вафдистов выражало интересы крупной буржуазии, финансистов и полуфеодалных помещиков. Все они склонялись к мирным формам борьбы, надеясь на переговоры с Англией об отмене протектората. Левое крыло было представлено либеральной интеллигенцией, студенчеством, феллахами, ремесленниками и мелкими торговцами. Оно проявляло готовность к решительным средствам борьбы за независимость. Несмотря на различия в политических взглядах, членов вафдистского движения объединяли антиколониальные настроения и решимость бороться против колониального режима. Лидерами вафдистов являлись представители новых помещиков, национальной буржуазии и близкой к ним интеллигенции. Большинство из них склонялось к переговорам с англичанами в решении вопросов о самоуправлении, надеялось также на их обещания предоставить Египту независимость за участие в Первой мировой войне на стороне стран Антанты.

На протяжении длительного времени общественно-политическая жизнь Египта находилась под строгим военно-полицейским надзором английских властей. В сложных условиях среди египетских интеллектуалов сохранялись надежды на готовность британцев пойти на конституционно-реформистские реформы. Творческая интеллигенция поддержала такие идеи

и настроения, проявляя равнодушие к резко обострившимся социальным проблемам. Об этом свидетельствовали многие публикации в общественно-политическом и художественно-литературном журнале «Аль-Хилял» («Полумесяц»)⁶. На страницах журнала состоялся дебют молодых арабских литераторов, появлялись статьи и заметки молодых публицистов на социальные темы. Некоторые публикации отличались панисламистским настроением. Так, поэт Хафиз Ибрахим уделял внимание перспективам развития своей страны и арабского мира. Патриотические мотивы отразились в поэзии Ахмета Шауки. Популярными среди интеллигенции становились стихи молодого поэта Абдаррахмана аль-Хамиси. Поэт и переводчик Халиль Абдо Мутран в своих произведениях затрагивал некоторые социально-экономические проблемы. В произведениях аль-Баруди отражалась борьба египтян с оккупационным режимом. Писатели и журналисты критиковали позиции аристократии и султанского двора, осуждали их соглашательскую политику и нарушение исламских традиций, пренебрежение интересами мусульманского народа. Историк Л. М. Исаев отметил тот факт, что в Египте времен Первой мировой войны наблюдался рост «культурного национализма, основанного на доисламской эпохе, вступавшей в противоречие с идеями исламских реформаторских движений», всё это в будущем оказало «существенное влияние на развитие египетского национализма»⁷.

Националистические идеи нашли отражение в творчестве египетских писателей Аббаса Махмуда аль-Аккада, Хайкаля, Мухаммеда аль-Мувайлихи. Их мировоззренческие взгляды во многом формировались под воздействием европейской культуры. В своих сочинениях они стремились соединить «новые» и «старые» идеи. Известный литератор и педагог Таха Хусейн пытался убедить читателей в том, что «египетский разум — это не восточный разум, он ближе к Европе, чем к Китаю, Японии, Индии и странам, которые их окружают». Он не видел какой-либо разницы между египтянами и европейцами⁸. Большая заслуга в пробуждении у соотечественников чувства собственного достоинства и любви к родине принадлежала выходцу из университета Аль-Азхар Рафи ат-Тахтави. Он воспитал целую плеяду египетских интеллигентов, известных просветителей и пропагандистов патриотических идей. Ат-Тахтави и Т. Хусейн стали основателями

культурного движения в Египте, они призывали египтян к знакомству с европейской культурой и достижению современного уровня развития при сохранении национальной самобытности. Некоторые из представителей либерального национализма (например, публицист Ахмед Лутфи ас-Сайид) призывали египтян не к борьбе с оккупантами, а к освобождению от тягот феодальных традиций и абсолютизма⁹.

В египетской литературе появлялись призывы к поиску истоков и традиций собственной культуры. Мысли о путях национально-культурного развития отражались в прозаических и поэтических произведениях писателей и поэтов, в публицистических сочинениях и статьях журналистов, общественных и политических деятелей Египта. Позже эта черта египетской литературы проявилась в творчестве известного писателя Нагиба Махфуза, лауреата Нобелевской премии. Все его произведения отличались гуманистическими взглядами на развитие национального общества. Мечты об освобождении от нищеты и бесправия, существовавшие в народе при господстве англичан, можно встретить в его прозе. Выделяя ряд факторов, способствовавших реализации национальных надежд, писатель утверждал: как только просвещенные умы общества приобщат массы к знаниям, народ приобретет способности к освобождению от авторитарного режима ради достижения лучшей жизни. В известном романе-притче «Предания нашей улицы» писатель Нагиб Махфуз отметил распространенное среди интеллигенции мнение — «образованные люди не могут смириться с несправедливостью». Н. Махфуз признавал, что люди, вынужденные терпеть несправедливость, сохраняют надежду в душе, повторяя: «Придет конец произволу — вслед за ночью наступит день, увидим мы и на нашей улице гибель тиранов и зарю света и чудес»¹⁰.

Египетские литераторы и публицисты, как и представители просветительского движения, были убеждены, что освобождению народа будут способствовать успехи в просвещении, а не призывы к революции. В просвещенном национализме они видели основное средство противостояния колонизаторам, а в политической культуре стран Запада изыскивали приемлемые формы борьбы за национальную свободу и выход на путь суверенного и прогрессивного развития.

Становление новых цивилизационных отношений сопровождалось сохранением значительных позиций в мусульманском обществе исламской религии. Султанские власти Турции, претендовавшие на верховенство во всем мусульманском мире, стремились использовать веру египтян в своих военно-стратегических интересах. Они учитывали, что часть египетских националистов ориентировалась на Турцию и Германию. На сирийской территории турецкие войска стали готовиться к вторжению в Египет, рассчитывая тем самым спровоцировать египтян на восстание против англичан. Но население не восстало, оно не желало восстановления владычества османского султана. С народными массами было солидарно и египетское духовенство. Среди духовенства живы были идеи аль-Афгани, Мухаммеда Абдо и других исламских просветителей, допускавших сохранение исламских традиций в светском государстве.

Политическую активность проявляли студенты исламского университета Аль-Азхар. С ними были солидарны и студенты Каирского университета. Университетские аудитории становились, по признанию египетского философа Махмуд Амин аль-Алима, «живой трибуной идейного и социального становления для молодого поколения арабской науки»¹¹. Студенчество вовлекалось в общественно-политическую жизнь страны и стало источником пополнения рядов национальной интеллигенции лицами умственного труда, адвокатами, врачами, учителями, журналистами и другими представителями гуманитарных профессий. Многие из них отличались, говоря современным языком, активной жизненной позицией. Стремясь к европеизации своей страны, они сохраняли приверженность традициям и образу жизни мусульман, считая ислам неизменной основой мусульманского государства. Ислам занимал огромное место в жизни египетского общества и, конечно, оказывал устойчивое влияние на умы и настроения молодой интеллигенции. Однако следует признать, что среди прогрессивной ее части исламские идеи не получали исключительного одобрения, поддержку находили лишь нормы светского государства.

Широкую известность в египетском обществе получили идеи публициста каирца Салама Мусы, одного из пропагандистов социализма. В своей брошюре «Социализм», в публицистических

статьях и многих публичных выступлениях С. Муса критиковал буржуазное общество и в достижении национальной независимости видел начальную ступень в продвижении к социалистическому обществу. Он интерпретировал марксизм в фабианском духе и призывал к единению образованных слоев общества и народных масс, к совместным выступлениям за социальные права и против колониальной зависимости. Отрицая революционный путь борьбы, С. Муса ратовал за мирную эволюцию страны от режима протектората к социалистическому устройству¹².

Не меньшую известность имела книга молодого учителя Мустафы Хасанейна аль-Мансури «История социалистических идей», опубликованная в 1915 г. В ней отражались взгляды Карла Маркса, деятельность социалистов стран Европы. По мнению историка-арабиста Г. Г. Косача, работа аль-Мансури не смогла оказать существенного влияния на общественную мысль Египта, так как египетское общество еще не было готово к восприятию идей социализма, оно находилось на слабом уровне развития социально-классовых отношений. Тем не менее, аль-Мансури был первым среди египетских пропагандистов социализма, кто признал социализм пригодным для борьбы египтян против английского протектората и абсолютистской тирании. Идеи марксизма стали проникать в Египет в то время, когда освободительные выступления начинали приобретать социальную направленность¹³. Памфлеты, книги, брошюры, газеты и прочие публикации египетских социалистов носили пропагандистский характер с критикой колониального режима англичан и их намерений сохранить Египет под своим протекторатом после окончания войны. Пропаганда идей социализма у них сочеталась с религиозными догмами, в исламе и марксизме их привлекали постулаты о личной свободе, равенстве, единении и солидарности членов общества. Для египетских националистов религия и социализм имели много общего, определявшего настроения мусульманского населения.

Патриотическое движение в завершающие годы войны было отмечено манифестациями протеста против сохранения английских войск в Египте. Оно охватило Каир, Александрию, Порт-Саид и другие города и приобрело массовость сразу же после окончания Первой мировой войны. Массовые выступления протеста проходили под лозунгами «Долой Англию», «Египет —

для египтян!», «Да здравствует независимость!». Демонстранты разбивали уличные фонари и стекла трамваев, громили офисы и учреждения англичан, разгромили типографию газеты «Аль-Мукаттам», отражавшей интересы сторонников протектората. В ответ начались военно-полицейские акции властей, закрывались газеты, школы и административные учреждения. 8 марта 1919 г. англичане арестовали Заглул-пашу, вместе с ним были арестованы Мухаммед Махмуд, Исмаил Сидки и Хамдаль Басиль-паша. Арест лидеров вафдистского движения вызвал всплеск новых протестных выступлений. Английский верховный комиссар поспешил сослать арестованных на Мальту. Против репрессий и полицейского террора выступили рабочие, феллахи, служащие, низшие слои предпринимательства, интеллигенция и студенты. На улицах Мансура протестовали школьники с плакатами «Мы хотим свободы! Откройте школы! Чужеземцы, уходите из Египта!». На забастовку решились чиновники, потребовавшие освобождения лидеров вафдистского движения. О социальной остроте революционного подъема свидетельствуют многочисленные факты, содержащиеся в упомянутых выше книгах известных египетских авторов Ш. А. аш-Шафии и А. Р. ар-Рафии, очевидцев событий тех лет. С помощью штыков и винтовок полиции египетских властей и войск колонизаторов удавалось разгонять демонстрантов, забастовщиков и прочих протестующих.

Одной из активных социальных групп бастовавших стали служащие правительственных и гражданских учреждений, которые составляли определенную группу интеллигенции. Основной причиной их недовольства оказались материальные проблемы. По данным отчета британской комиссии лорда А. Мильнера, созданной для выявления причин мартовского восстания 1919 г., отмечалось увеличение численности египтян-служащих среди административной бюрократии. Большинство из них занимали самые низкие служебные должности. В целях экономии расходов на содержание бюрократии хедивское правительство по указке британских советников стало удалять египтян из административной службы даже с таких должностей¹⁴. На освобождавшиеся места шли британские управленцы. Контроль британцев был не полным, они прямо не руководили страной и прибегали к услугам египтян. Определенная степень самостоятельности египетских

служащих проявлялась в органах египетской администрации, и колонизаторам приходилось с этим обстоятельством считаться¹⁵. Национальный «интеллигентно-служилый» элемент испытывал чувство ущемленности собственного достоинства, проявлял недовольство и тем, что иностранцы занимали лучшие должности. В этом отношении любопытным представляется замечание бывшего британского служащего в Египте Леонарда Вульфа о поведении своих соотечественников на службе в колониальной стране. В автобиографическом очерке он описал ощущения превосходства британских чиновников над местными служащими. Л. Вульф писал о том, как британцы «наслаждались» и «возбуждались» той властью и преимуществом над местным служилым элементом, которые они приобрели в Египте¹⁶. Высокомерные британцы называли египетских коллег унижительными словами — «слуги», «мошенники», «плуты», «туземцы», «презренные»¹⁷. Британские чиновники заняли почти все основные посты в министерствах и ведомствах Египта¹⁸.

Встречались случаи, когда среди английских чиновников оказывались сомнительные элементы, спасавшиеся от наказаний на родине бегством в колониальный мир. Они привыкли доминировать и заставлять подчиняться своей воле и на новом месте службы также демонстрировали привычные аморальные нормы поведения¹⁹. Расизм проявлялся в практике таких администраторов, служил им оправданием дискриминации местных служащих. Тем не менее, деловое общение с квалифицированными управленцами позволяло египетским чиновникам приобщаться к новому для них опыту административной деятельности. Ущемления в служебно-моральном и в материальном положении сказывались на настроениях, в первую очередь, служащих-мусульман Египта. Многие из них поддерживали требования националистов выхода их страны из Британской империи. Участие в массовых демонстрациях и забастовках различных слоев и классов египетского общества, даже правительственного чиновничества, вызывали беспокойство британских колонизаторов. Ими высказывались бредовые мысли даже о том, что Египет может стать «большевистским, если его требование полной независимости не будет удовлетворено»²⁰. Почти месяц они не могли восстановить контроль над Египтом. 7 апреля 1919 г. им пришлось освободить из ссылки Саада Заглула.

Как отмечено выше, вафдистское движение объединило патриотов разных социально-классовых групп. Активность в организации движения проявляла патриотическая интеллигенция, превращаясь в консолидирующую силу общества. Требования египтян отразились в их обращении к участникам Парижской мирной конференции 1919 г. Лидер вафдистов Саад Заглул-паша, возглавивший делегацию от Египта, выступил с требованиями о ликвидации протектората, выводе английских войск и предоставлении Египту независимости. Вафдистские лидеры большие надежды возлагали на поддержку американского президента В. Вильсона, заявившего о готовности США стать гарантом права народов колоний на самоопределение²¹. Однако державы-победители вместе с американским президентом отказались удовлетворить требования египтян, а версальским мирным договором они «узаконили» британский протекторат над Египтом. Рухнули надежды националистов на исполнение англичанами обещания относительно национальной независимости Египта. Заглул-паша поспешил заявить: «Египетский народ никогда не признает британского протектората и будет всё время оказывать сопротивление британскому владычеству... Англичанам остается лишь истребить всю египетскую расу и угасить ее национальный дух винтовками и пулеметами»²².

Подтверждением правоты этих слов стали новые стихийные выступления египетских народных масс против режима английского протектората. В апреле 1919 г. состоялась всеобщая стачка трамвайщиков, рабочих железных дорог, служащих почты, телеграфа и других учреждений. Стачечники требовали отмены протектората и вывода английских войск из Египта, проведения социальных реформ и демократизации общественной жизни. Участниками протестного движения стали рабочие, предприниматели, служащие, студенты и крестьяне. Вафдисты поддержали антианглийские выступления. Проявили свое лицо и социалисты, с их участием только в марте 1919 г. произошло около 70 стачек и забастовок, нередко массовые выступления сопровождались столкновениями с полицией. Мартовские и апрельские выступления египтян переросли в восстание 1919 г., которое стимулировало превращение вафдистского движения в национальную партию. Вначале партия называлась «аль-Вафд аль-Мысри» (Египетская

делегация), ставшая известной под названием Вафд. Новая партия оказалась влиятельной политической силой в стране. С большим трудом англичанам и египетской реакции удалось подавить мартовское восстание. Активный участник восстания, член партии Вафд, либеральный историк А. Р. ар-Рафии писал, что «восстание 1919 г. вызвало в обществе подъем сознательности и стремление к прогрессу. Более того, это было заметно среди простого народа и это неудивительно, ибо именно он вынес на своих плечах основную тяжесть борьбы и принес наибольшие жертвы»²³. Ар-Рафии отметил активное участие в восстании египетской интеллигенции, представителем которой он сам являлся и был в числе организаторов Вафд.

Первая попытка 1919 г. революционным путем достичь национальной независимости оказалась неудачной. Тем не менее, она стала серьезным фактором мобилизации египетского народа на новые революционные выступления²⁴. Демонстрации, забастовки, митинги протеста против сохранения режима протектората продолжались в городах, в сельской местности феллахи создавали военизированные отряды, их выступления часто перерастали в военные столкновения с войсками колонизаторов. Патриотически-настроенные интеллигенты искали пути сближения социально-активных городских групп с рабочим движением. Пролетариат и интеллигенция сталкивались с бесправием и растущим гнетом со стороны иностранного капитала. Одной из причин сближения патриотической интеллигенции и пролетариата служила высокая степень их территориальной концентрации в крупных городах страны, где проживало подавляющее большинство лиц умственного труда²⁵.

Известно, что еще в довоенные годы Александрия стала прибежищем для эмигрантов из России. В военные годы эмигрантские ряды пополнялись за счет русских военнопленных, бежавших из немецкого и турецкого плена. Через Александрию в Египет проникали вести о революционных событиях в России. В январе 1917 г. в Александрии нашли спасение моряки с русского крейсера «Пересвет», подорвавшегося на немецкой мине в водах близ Порт-Саида. Среди русских моряков были и большевики, участие которых в антибританских выступлениях египтян вызывало раздражение со стороны британской военной

администрации. «Пацифистская пропаганда» русских моряков находила отклик со стороны египетских трудящихся. Из-за опасений «растлевающего влияния» на местное население англичане ввели запрет на ввоз большевистской «Искры» и других русских газет в Египет²⁶. События в России вызывали повышенный интерес египетской интеллигенции, особенно в писательских и журналистских кругах. Журналисты и печатные издания попали под строгий надзор колониальных властей. В марте 1920 г. каирское бюро печати англичан направило в редакции египетских газет письмо с требованием не печатать сообщений о революционных выступлениях в Египте и за рубежом по мотивам «общественной безопасности»²⁷.

Заметной публичностью среди египетских интеллектуалов выделились Мухаммед Абдалла Энан, Сафван Абу аль-Фатх, Хусни аль-Ораби и Антун Марун, тесно связанные с зарождавшимся рабочим движением. При их участии в Александрии и некоторых других городах Египта появились марксистские кружки, с окончанием войны они слились в социалистическую партию. С присоединением к Коминтерну в 1921 г. партия стала именоваться коммунистической, в ее рядах состояло до двух тысяч членов. Коммунисты приняли участие в создании Всеобщей конфедерации труда Египта, объединившей более половины всех профсоюзов страны с 55—60 тыс. членов²⁸. Коммунистическая партия и профсоюзные организации вовлекались в борьбу за освобождение своей страны от британского протектората. Однако компартия вскоре распалась на фракции, некоторые из них получили поддержку со стороны интеллигенции.

Вафдистам удалось перехватить политическую инициативу в свои руки и определить дальнейший ход событий. Они отрицали революционные формы борьбы и склонялись к переговорам с британцами о прекращении их протектората над Египтом. В условиях политической нестабильности и слабости основных социальных сил заметная роль в мобилизации различных слоев страны на протестные выступления принадлежала интеллигенции. Особую позицию в политической жизни стала проявлять армейская интеллигенция, представленная в основном молодым офицерством. Не случайно военное командование англичан ограничивало участие египетской армии в боевых действиях времен

Первой мировой войны небольшими операциями или обслуживанием британской армии и выполнением функций вспомогательных войск. Либеральный египетский историк А. Хамруш по этому поводу заметил: англичане сознательно не пытались вводить в боевые сражения крупные египетские формирования, подобно индийским войскам. Они «отдавали себе отчет в том, что патриотические настроения в египетском народе столь сильны, что это было бы чревато для них опасностью»²⁹. В лице египетской армии, способной приобрести боевой опыт, можно было встретить серьезного противника протектората.

Революционные события оказывали влияние на военную интеллигенцию, националистические настроения проникали в египетское офицерство, ряды которого пополнялись выходцами из средних социальных слоев города и за счет феллахов. Нередко египетские солдаты отказывались стрелять в мирных демонстрантов, а офицеры уклонялись от участия в репрессивных акциях. Английская пресса вынуждена была признать, что «лишение Египта самостоятельности и самоуправления, а также беспощадное подавление мирных демонстраций военными силами окончательно восстановило против Британии даже умеренных египтян, желавших сотрудничать в управлении Египта с британскими войсками»³⁰.

В годы английского господства египетская армия находилась под английским контролем и использовалась как орудие подавления забастовок и демонстраций, тем самым вовлекаясь в политическую жизнь страны. Всё это побуждало офицерство осознавать силу национальной армии, которую можно было использовать в интересах борьбы народных масс против самих колонизаторов. Среди патриотически настроенной части офицерского корпуса росло число молодых офицеров, выходцев из средних слоев города и деревни, мелкой буржуазии, чиновничества и интеллигенции. Из них начинала формироваться новая армейская интеллигенция, которой были ближе интересы своего народа. Пополнение офицерства за счет разночинцев вело к размежеванию его рядов и их радикализации. Новое армейское офицерство вовлекалось в общественно-политическую жизнь страны, проявляя приверженность идеям буржуазного национализма.

В заключение отметим, что во время Первой мировой войны национальная интеллигенция стала активной социальной силой в общественно-политической жизни Египта. Она отражала интересы почти всех слоев и групп египетского общества, способствовала распространению националистических настроений и идей национального освобождения. Формировавшаяся под влиянием европейских политических, философских учений и либерализма, египетская интеллигенция вносила существенный вклад в развитие национального патриотизма как системы политических, правовых, философских и иных составляющих буржуазной идеологии Египта. Возникнув под воздействием иностранного порабощения и гнета, национализм имел антиколониальную направленность, выразителем его идей становилась патриотическая интеллигенция. При участии ее представителей появились политические организации национальной буржуазии и рабочего класса Египта. Несмотря на малочисленность, пролетариат и буржуазия выходили на передовые позиции в освободительной борьбе египетского народа. Патриотически настроенная интеллигенция проявляла способности стать связующим звеном в мобилизации народных масс на выступления против местной реакции, национального гнета и колониального грабежа. Но среди египетских интеллигентов было немало тех, кто наивно полагал, что полное заимствование западного образа жизни и европейской культуры может обеспечить прогресс арабской страны.

На завершающем этапе Первой мировой войны, особенно в связи с попытками британцев сохранить протекторат над Египтом, наметилась радикализация основных классов и слоев египетского общества, в том числе и интеллигенции. Репрессивными мерами колонизаторам и внутренней реакции не удалось подавить стремлений широких масс Египта к ликвидации протектората и выводу британских войск с египетской территории. Борьба египтян за независимость приобрела особую остроту в 1919 г. и длилась до начала 1922 г. В результате 28 февраля 1922 г. британцам пришлось заявить об отказе от протектората над Египтом и согласиться «даровать» ему независимость и конституцию. На парламентских выборах в 1923 г. партия Вафд одержала убедительную победу, а ее лидер Заглул-паша возглавил правительственный кабинет. Перед Египтом открывались пути модернизации

национальной экономики и либерализации политической надстройки. Однако решение этих задач не могло быть реализовано в условиях монархического режима, при сохранении оккупационных войск в зоне Суэцкого канала и полного контроля англичан над внешней и внутренней политикой Египта. Вафд как влиятельная политическая сила из национально-патриотической партии превращался в помещичье-буржуазный блок окрепших за время войны промышленной буржуазии, крупных феодальных собственников и финансовых дельцов. Национальная интеллигенция, продолжавшая рассуждать о демократии и конституционных реформах, утратила свои позиции в партии Вафд и национальном обществе. Египет вступил в новый этап длительного развития, завершившийся революцией 23 июля 1952 г., которая свергла монархию и покончила с колониальной зависимостью. В подготовке и свершении революционного переворота армейское офицерство проявило себя активной и организованной силой патриотического большинства египетского общества.

Примечания

¹ Великая война : иллюстрир. хроника. М., 1915. Ч. 1. С. 305.

² *Аш-Шафиш Ш. А.* Развитие национального движения в Египте (1882—1956). М., 1961 ; *Абд ар-Рахман ар-Рафиш.* Восстание 1919 года в Египте : история национально-освободительного движения 1914—1921 годов. М., 1963 ; *Ротштейн Ф. А.* Англичане в Египте. М. ; Л., 1925 ; *Китайгородский П.* Египет в борьбе за независимость. М., 1925 ; *Вейт Е.* Египет. М. ; Л., 1928 ; *Луцкий В. Б.* Англия и Египет. М., 1947 ; *Кильберг Х. И.* Египет в борьбе за независимость : антиимпериалистическое национальное освободительное движение 1918—1924 г. Л., 1950 ; *Голдобин А. М.* Египетская революция 1919 года. Л., 1958 ; *Голдобин А. М.* Национально-освободительная борьба народа Египта, 1918—1936. М., 1989 ; *Кошелев В. С.* Египет: от Ораби-паши до Саада Заглула, 1879—1924. М., 1992 ; *Chirrol V.* The Egypt Problem. L., 1921 ; *Martowe J. A.* Anglo-Egyptian Relations. L., 1954 ; *Tignor R. L.* Modernization and British Colonial Rule in Egypt, 1882—1924. Princeton, 1966.

³ *Барави З., Улейш М. Х.* Экономическое развитие Египта в новое время. М., 1954. С. 143.

- ⁴ Классы и классовая борьба в развивающихся странах. М., 1967. Т. 1. С. 288.
- ⁵ Ратман Л., Сейранян Б. Г. Национально-освободительное движение в Египте // История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время. М., 1978. С. 113.
- ⁶ Али-Заде Э. Ф. Египетский журнал «Ал-Хилал» (до 1914 г.) // Народы Азии и Африки. 1974. № 1.
- ⁷ Исаев Л. М. «Арабская весна» и Лига арабских государств: между Багдадом и Каиром // Восток (Oriens). 2013. № 3. С. 56.
- ⁸ См.: Васильев А. М. Египет и египтяне. М., 1986. С. 225.
- ⁹ См.: Нестеров Ф. Ф. Общественная мысль в Египте с конца XIX по тридцатые годы XX в. // Труды Университета дружбы народов им. П. Лумумбы. 1968. Т. 32. С. 80—82.
- ¹⁰ Махфуз Н. Избранные произведения. М., 1992. С. 410, 618.
- ¹¹ Махмуд Амин аль-Алим. Идеиные бои. М., 1974. С. 235.
- ¹² Волгин В. Я. Некоторые проблемы истории коммунистического движения в Египте (по работам Р. Саида) // Великий Октябрь и актуальные проблемы арабского мира. М., 1979. С. 214—125; Мартышин О. В. Социализм и национализм в Африке. М., 1972. С. 88—89; История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М., 1976. С. 227—228.
- ¹³ Косач Г. Г. Формирование коммунистического движения на Арабском Востоке (Египет, Сирия, Ливан — 20—30-е годы) // Революционный процесс на Востоке: история и современность. М., 1982. С. 240—241.
- ¹⁴ Quter in Morroe Berger, Buraucrasi and Society in Modern Egypt. Princeton, 1957. P. 32.
- ¹⁵ Tignor R. L. Op. cit. P. 50, 190.
- ¹⁶ Woolf L. Growing an Autobiography of the Years 1904—1911. N. Y., 1961.
- ¹⁷ Bowman Humphrey, Middle East Window. L., 1942. P. 43.
- ¹⁸ Tignor R. L. Op. cit. P. 197.
- ¹⁹ Arent H. The Origins of Totalitarism. N. Y., 1958. P. 211.
- ²⁰ История Востока: в 6 т. М., 2006. Т. 5: Восток в новейшее время (1914—1945 гг.). С. 189—190; Голдобин А. М. Египетская революция 1919 года. С. 9—11; Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока. М., 1970. С. 478.
- ²¹ Майзель С. Саад Заглул Паша и его роль в национально-освободительном движении Египта (1860—1927) // Историк-марксист. 1927. Т. 6. С. 180—181; The Charter (Issued May 21, 1962). Cairo — U.A.R. P. 29—30.

- ²² Известия. 1919. 29 нояб.
- ²³ *Абд ар-Рахман ар-Рафии*. Указ. соч. С. 415.
- ²⁴ *Nasser G. A.* The Philosophy of the Revolution. Cairo, 1954. P. 10—11.
- ²⁵ *Черновская В. В.* Интеллигенция и рабочий класс Египта в первой половине XX в. // Народы Азии и Африки. 1977. № 3. С. 83.
- ²⁶ *Горячкин Г. В.* Русская Александрия : судьбы эмиграции в Египте. М., 2012 ; *Френкель М.* Ленинская «Искра» в Египте // Азия и Африка сегодня. 1988. № 11. С. 10.
- ²⁷ Известия. 1920. 28 марта ; *Аш-Шафии Ш. А.* Указ. соч. С. 66—67.
- ²⁸ Политические партии Африки. М., 1970. С. 198—199 ; *Черновская В. В.* Указ. соч. С. 84—85.
- ²⁹ *Хамруш А.* Революция 23 июля 1952 г. в Египте : очерки истории. М., 1984. С. 54.
- ³⁰ Бюллетень Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР. 1922. № 111. С. 34—35.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(4Ита)4-283.2

П. А. Рязанов, Л. В. Софронова

ВИЗАНТИЙСКИЙ УЧЕНЫЙ ДИМИТРИЙ ХАЛКОКОНДИЛ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕНЕССАНСНОЙ ФЛОРЕНЦИИ

Феномен греческой ученой эмиграции на Запад, начавшейся незадолго до падения Константинополя, неизменно привлекает внимание исследователей итальянского Возрождения в силу того мощного интеллектуального влияния, которое оказали византийские «изгнанники» на гуманистическое движение. Одним из наиболее ярких представителей этого «исхода» ученых был афинянин Димитрий Халкокондил, снискавший широкую славу и признание в среде итальянских гуманистов¹.

Центральное место в его продолжительной научной и педагогической карьере занимает Флоренция. В течение почти шестнадцати лет он был свидетелем и участником того культурно-интеллектуального подъема, который переживала республика

© Рязанов П. А., Софронова Л. В., 2015

Рязанов Павел Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия. emrogus@yandex.ru

Софронова Лидия Владимировна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. Lidiasof@yandex.ru

в эпоху Лоренцо Великолепного. Несмотря на благоприятные отзывы его современников относительно талантов и ученых заслуг Халкокондила, актуальным остается вопрос, насколько заметна была его фигура на общем фоне флорентийской духовно-культурной жизни².

Димитрий Халкокондил, сын Василия, родился в Афинах в августе 1423 г. Его семейство принадлежало к числу местных аристократических фамилий, а дядя Георгий, отец будущего историка Лаоника Халкокондила, был одним из самых влиятельных людей города. После смерти афинского герцога Антонио I Аччайуоли (†1435) Георгий поддержал претензии его вдовы Марии Мелиссины, но их лагерь потерпел поражение от племянников покойного правителя. В результате Георгий со своей семьей бежал в Пелопоннес, где в 1447 г. итальянский путешественник Чириако Анконский видел его сына Николая (Лаоника) Халкокондила при дворе деспота в Мистре и в сопровождении юного спутника посетил Спарту, осматривая древности³. Неизвестно, последовал ли Василий за своим братом, но Джованни Кампано уведомляет нас, что его будущий наставник в греческой словесности, Димитрий Халкокондил, выехал в Италию из Афин⁴. Можно предполагать, что к этому времени он обладал хорошими познаниями в области философии и латыни. Показательно, что его двоюродный брат Лаоник, по словам Чириако, был «очень искушен в латинской и греческой словесности».

В 1449 г. в возрасте двадцати шести лет Халкокондил навсегда покинул родину и, переплыв Адриатическое море от Рагузы до Анконы, отправился в Рим. Здесь, в столице католического мира, существовал кружок видных эллинистов, греков и итальянцев, которые пользовались поддержкой папы Николая V. Организатором и покровителем этого маленького сообщества ученых, занимавшихся переводом греческих классиков и отцов церкви, был влиятельный кардинал Виссарион, в прошлом православный архиепископ Никеи. Однако весной 1450 г. он был вынужден оставить столицу и уехать в Болонью в качестве папского посланника с особыми полномочиями. Прибыв в Рим в том же году, Халкокондил вошел в доверительные отношения со своим соотечественником Феодором Газой, уроженцем Фессалоник, и под его руководством продолжил изучение философии⁵.

В 1452 г. Халкокондил перебрался в Перуджу, где давал частные уроки по греческой словесности, в том числе Джованни Кампано. По мнению последнего, Халкокондил воплощал «прославленную и возвышенную мудрость, нравы и изящество древних греков. Клянусь! — писал он в письме товарищу, — ты считаешь его Платоном, если увидишь, но всё же скорее — если услышишь». В другом месте он называет его приверженцем Платоновской Академии (*Platonis atque Academiae aecerrimus aemulator*), подчеркивая тем самым особый интерес Халкокондила к платоновской философии⁶. К 1455 г. ученый вновь переезжает в Рим, где примыкает к кружку Виссариона, хотя близких отношений с кардиналом у него, по-видимому, так и не сложилось⁷.

В 1463 г. Халкокондил прибыл в Падую, где при поддержке Виссариона стал первым преподавателем греческой словесности в местном университете. Сохранились две торжественные речи Халкокондила, которыми он открывал курс греческой словесности в 1463 и 1464 гг. В них профессор обращался к проблеме важности изучения греческого языка и культуры как неотъемлемой части гуманистического образования⁸. Известно, что в это время его учениками были византийский аристократ Иоанн Ласкарис, падуанцы Андреа Брента, Августо Бальдо (Вальдо) и венецианец Джованни Лоренци, вместе с которым в 1466 г. Димитрий пересмотрел и исправил рукопись «Антологии» византийского монаха Максима Плануда⁹. Также его занятия посещали немецкий медик Хартман Шедель и гуманист из Кальдаролы Варино Фаворино Камерте, составитель крупного греческого лексикона, изданного в 1523 г. Захарием Каллиерги¹⁰. В Падуе у Димитрия установились приятельские отношения с Никколо Лелио Козмико¹¹, снискавшим широкое признание как «венецианский поэт» (*venetus poeta*).

К началу следующего десятилетия Халкокондил стал искать лучших условий для жизни и работы. В мае 1472 г., как следует из письма к его товарищу Джованни Лоренци, он ездил в Болонью повидать Виссариона, который направлялся с дипломатической миссией во Францию. Здесь Димитрий встретил Андроника Каллиста, своего соотечественника, приехавшего из Флоренции провожать кардинала. Хотя Халкокондил возлагал на Виссариона определенные надежды, к его сожалению, их встреча прошла довольно прохладно. В том же письме он сообщает,

что Газа предложил ему отправиться в Рим в качестве наставника для молодого родственника неаполитанского кардинала Оливьеро Карафы, влюбленного в эллинскую литературу. Халкокондил не принял предложение¹².

После отъезда Андроника Каллиста в Милан в 1475 г. место преподавателя греческой словесности в знаменитом университете Флоренции становится вакантным. Франческо Филельфо выказал большое участие к судьбе Халкокондила, отправив из Милана рекомендательные письма к влиятельным флорентийским гуманистам Аламанно Ринуччини и Донато Аччайуоли (оба от 22 августа 1475). В них он просил сделать Димитрия их согражданином, чтобы он обучал молодежь во Флоренции, и раскинуть для него сети, чтобы, попав в них, он не пожелал бы искать другое место¹³. Письмо к Ринуччини содержит любопытную деталь — Филельфо предостерегает, что Халкокондил направляется в Рим, чтобы быть подле деспота ромеев. В это время в папской столице проживал с небольшим двором Андрей Палеолог, сын покойного деспота Морей Фомы и номинальный император Византии. Намерения Халкокондила неясны, так как встреча с титулованным эмигрантом не сулила ему очевидных выгод. После смерти Виссариона в 1472 г. финансовое положение Андрея стало очень ненадежным: папа Сикст IV сократил положенную ему пенсию до 150 дукатов в месяц¹⁴.

Когда в Калабрии скончался Феодор Газа (1475), Халкокондил получил по завещанию почти всю его библиотеку¹⁵. Поселившись на берегах Арно, он занял старейшую в Италии кафедру греческой словесности, прославленную Хрисолором и Аргиропулом. Молодой Полициано приветствовал его тремя греческими эпиграммами. Вот перевод одной из них, написанной в оригинале Фалековым одиннадцатисложником:

Со дня, как Феодор взошел на небо,
Оставил нас, еще неоперенных,
Питомцев ласточки: на детских дланях
Их мать почил (мы же здесь напрасно
В гнезде его с добычей поджидаем),
К тебе — Димитрий! — ныне все зываем
Несчастные. С радушием прибывший,
Поддай нам пищу мудрости голодным.
Один теперь ты — милый воспитатель!¹⁶

Письмо Филельфо и эпиграммы Полициано свидетельствуют, что за годы преподавания в Падуе репутация Халкокондила как ученого-эллиниста существенно возросла. Его флорентийская аудитория была представлена еще более громкими именами. Помимо Полициано, который учился у него непродолжительное время, Халкокондил преподавал Пико делла Мирандоле, Джованни де' Медичи (будущему папе Льву X), Никколо Леонико Томео, Бернардо Нерли, немцу Иоганну Рейхлину, англичанам Томасу Линакру и Уильяму Гросину. Он давал уроки молодой флорентийке Алессандре Скале, дочери канцлера синьории Бартоломео Скалы. Эта образованная девушка прославилась исполнением роли Электры в одноименной трагедии Софокла, поставленной на вилле отца. Анджело Полициано (также один из ее учителей), услышав греческую декламацию Алессандры, с восторгом записал, что «в этих словах было природное и врожденное аттическое изящество», покорившее публику¹⁷.

Коллегами Халкокондила по университету были видные профессора поэтики и риторики Кристофоро Ландино, Нальдо Нальди, Бартоломео делла Фонте и амбициозный Полициано. Халкокондил преподавал там не только эллинскую словесность, но также моральную философию и греческих авторов, получая при этом стабильно высокое жалованье¹⁸. Хотя содержание его курсов доподлинно неизвестно, он, очевидно, не мог пройти мимо этики платоников, перипатетиков, стоиков, эпикурейцев и плутарховых «Моралий», которые скопировал собственной рукой и намеревался послать Лоренци в Рим¹⁹. Ранее в Падуе ученый разбирал с учениками тексты Гесиода и греческую грамматику с опорой на учебник Гварино-Хрисолора, причем нет оснований полагать, что в дальнейшем он не учитывал этот опыт.

О том, что деятельность Халкокондила во Флоренции была отмечена современниками, свидетельствует роспись капеллы Торнабуони в базилике Санта Мария Новелла: Гирландайо изобразил его беседующим с тремя столпами флорентийского гуманизма — Ландино, Полициано и Фичино в сцене «Благовестие Захарии». О расположении к нему сеньора Флоренции можно судить по косвенным данным. В этом отношении показательно письмо от 30 мая 1477 г., в котором Филельфо просит Халкокондила побудить Лоренцо де' Медичи начать военные действия

против турок, «похваляющихся у ворот Италии»: «О любезнейший мой Димитрий, ты один, являясь самым выдающимся человеком в числе знаменитых греческих риторов, что ты сделал, прожив до сего времени? Вспомнил ли то, что воспевается у многих: “труды — молодым, советы — зрелым”? Ты сейчас силен и в трудах и в советах. Конечно, я не призываю тебя к щиту и копью Ареса, но только к мечу и мощи демосфенова слова, в котором ты достиг небывалого расцвета. Что же ты теперь молчишь, будучи неким Фидием, столь великим творцом красивейшего и прелестнейшего слова, к тому же проживающим во Флоренции, городе богатейшем и наполненном щедрейшими людьми? Что же ты не делаешь ее такой, какой должна быть настоящая республика, раз материал лежит перед тобою, способный еще принять форму с помощью твоих слов? Ведь над нею пока не властвуют в полной мере те скверные мастера, не создающие ничего прочного, и доблестью своей природы она еще отталкивает придаваемую ими форму. Она ищет лучшего, но ей мешают те, кто в ней господствует. Но ты, ученейший Димитрий, имеющий крепкий медный кулак²⁰, чтобы препятствовать этому, и постигший то, что искусно преобразует настоящее, протяни руку христианскому миру, сделав правителя таким, как того требуют повод и нынешнее положение...»²¹

Важные сведения об ученых заслугах Халкокондила оставил Марсилио Фичино: в предисловии к изданию собственного латинского перевода платоновских сочинений (1484) он упоминает Димитрия Афинянина в числе шести критиков, с которыми он консультировался перед тем, как отдать текст в печать. Весьма вероятно, что Халкокондил, связанный с окружением Фичино, был участником философских дискуссий, оживлявших флорентийскую интеллектуальную среду. В шестой книге «Платоновского богословия» Фичино свидетельствует о застольной беседе гуманистов, которая состоялась в доме венецианского посланника Бернардо Бембо. Темой разговора стал вопрос о природе человеческой души. Халкокондил и венецианский гуманист Антонио Винчигуерра Кронико очень обстоятельно выступили в поддержку «древних богословов» — Зороастра, Меркурия (Гермеса Трисмегиста), Орфея, Аглаофема, Пифагора, Платона и Аристотеля, доказывавших божественное происхождение и природу ду-

ши. К их мнению присоединились и другие сотрапезники — Риккардо Ангеллери из Ангыари, флорентиец Оливьеро Ардуини, «известные перипатетики»; Нальдо Нальди, Бартоломео делла Фонте и Джованни Баттиста Буонинсензи²².

Еще одно любопытное известие о флорентийских уроках Димитрия Халкокондила содержится в диалоге венецианского гуманиста Пьетро Альчонио «Medices legatus, de exsilio» (1522), действие которого разворачивается в Риме в 1512 г. По воле автора один из участников беседы, папский легат Джованни де' Медичи, вспоминал, как еще мальчиком слышал от Халкокондила, что византийские священнослужители, пользуясь поддержкой властей, изничтожили многие древнегреческие поэмы, особенно те, что носили любовный и фривольный характер. Их место (очевидно, в учебном плане византийской школы) заняли стихотворения св. Григория Назианзина, «которые не только разжигают в душах наших людей большее религиозное рвение, но и учат своеобразию аттической речи и изяществу греческого языка»²³. Хотя стихи великого каппадокийца были хорошо знакомы византийцам, а часть его речей входила в план обучения, данное суждение, если, конечно, оно принадлежало Халкокондилу, не находит других подтверждений и создает впечатление, будто он имел довольно неточное видение культурной истории поздней античности или же превратился в приверженца гуманистической концепции «темного века», омраченного духовной нетерпимостью²⁴.

Наверное, самым заметным предприятием ученого за время жизни во Флоренции считается его участие в издательской работе. Помощником Халкокондила стал критянин Димитрий Дамилас, которого ему рекомендовал Филельфо²⁵. В 1476 г. Дамилас совместно с Диониджи Парравичино издал в Милане греческую грамматику Константина Ласкариса, которая считается первой книгой, полностью напечатанной на греческом. В качестве образца для изготовления литер он выбрал почерк византийского эмигранта Михаила Апостолия²⁶. Сам Халкокондил характеризовал Дамиласа как превосходного каллиграфа, а в 1488 г. ходатайствовал перед Лоренци о предоставлении его брату, Антонию Дамиласу, места протопсалта на Крите²⁷.

Результатом совместной работы стало первое греческое издание Гомера, которое было выпущено в двух томах 9 декабря

1488 г., согласно его колофону. Бернардо Нерли в посвящении к Пьеро де' Медичи указал, что финансирование предприятия он осуществлял вместе со своим братом Нери Нерли при поддержке (auxilium) Джованни Аччайуоли. Дамилас, вывезший из Милана матрицы, был отмечен за труд и искусство: он изготовил видоизмененные литеры в гораздо большем количестве, чем прежде. Халкокондил, будучи редактором издания, включил в него свидетельства Геродота и Плутарха о жизни Гомера, речь Диона Хризостома, «Илиаду», «Одиссею», «Гомеровы гимны» и «Батрахомиомахию» («Войну мышей и лягушек»), которая уже была издана на греческом языке критянином Лаоником (Венеция, 1486). Халкокондил сделал несколько правок в тексте поэм, сравнив их с комментарием Евстафия Солунского (XII в.); в остальном его работа сводилась к подбору рукописей для печати²⁸.

Около 1484 г. Халкокондил, перешагнувший шестидесятилетний рубеж, решил на брак с безымянной флорентийкой²⁹. От этого союза у них родилось десять детей. Более других известны их сыновья Теофил и Василий, которые выбрали отцовскую стезю, но рано ушли из жизни. Теофил какое-то время преподавал Гомера в Павии, где был убит незадолго до кончины родителя. Василий в 1513 г. получил место профессора греческой словесности в Римском университете. Его занятия шли с успехом, пока в следующем году он не умер от лихорадки в возрасте двадцати четырех лет³⁰.

В последние годы пребывания во Флоренции Димитрий Халкокондил всё более ощущал неудовлетворенность своим положением. Одной из причин, несомненно, стала растущая конкуренция со стороны Полициано, который слишком быстро «вторгся на территорию» учителя. В 1480 г. Полициано уже начал преподавать в университете поэтику и риторику, разбирая различных греческих и латинских авторов. С 1486 по 1490 г. он читал курс лекций о Гомере, открыв его речью, воспевающей первенство флорентийцев в греческих штудиях (*Oratio in expositione Homerii*)³¹, а с 1490 г. приступил к анализу философских работ Аристотеля. Подтверждением их скрытого соперничества может служить письмо Халкокондила, написанное уже в Милане 24 июня 1492 г. и отправленное ученику Полициано, Марчелло Вирджилио Адриани. Среди прочего Халкокондил замечает, что Адриани справедливо именуется известное им лицо «Ψυλλάνθρωπος» (букв.

«человек-блоха»). Имя самого Полициано в тексте не называется, но последующие слова Халкокондила дают понять, о ком идет речь: «кроме греческих и латинских сочинений по поэтике, ораторскому искусству, диалектике и философии, которые он в этот год бегло рассмотрел на факультете и еще недавно усвоил из наших [т. е. самого Халкокондила] начал, он, как ты утверждаешь, обещает вдобавок великое и неслыханное!»³²

Полициано, действительно, «скакал» по разнообразным темам: так, за 1490—1491 гг. он разобрал «Наставления оратору» Квинтилиана, «Жизнь XII цезарей» Светония, «Физику» и «Этику» Аристотеля, при изложении которой, по словам его ученика Микеле Аччари, он показал себя «не столько толкователем ораторов и поэтов, сколько выдающимся философом»³³. Затем (в 1491—1492) он перешел к объяснению «Категорий», «Об истолковании», «О софистических опровержениях» Стагирита; «Isagoge» Порфирия и «Книги шести начал» Гильберта Порретанского³⁴. В том же письме Халкокондил выражает кажущееся притворным недоумение, зачем Полициано спустился с политических вершин к литературной профессии?³⁵

Можно предположить, что за этими словами скрывается ревнивое и критичное отношение Халкокондила к академическим успехам более молодого и энергичного коллеги, однако, исходя из имеющейся у нас корреспонденции, нет оснований считать их взаимное восприятие настолько враждебным и неприязненным, насколько это позднее изобразил Джовио: «Но Димитрий уступал честолюбивому и очень проницательному сопернику, защищавшему множеством добрых и злых способов свою трибуну и имя. В особенности он проигрывал ему в латинском красноречии. Поэтому и аудитория его уменьшилась, когда молодежь покинула его, ибо, хотя он и был исключительно ученым человеком, он мог легко показаться пустым и вялым тем избалованным и взыскательным слушателям, которые были очарованы удивительной прелестью приятного и мелодичного голоса и учтивого остроумия Полициано, распевającego стихи и рассыпающего разнообразные цветы красноречия. Но почетное место было сохранено за Димитрием благодаря милости Лоренцо, несмотря на нападки и непрерывные выпады со стороны Полициано, который не толь-

ко не терпел никого равного себе среди латинян, но и хотел считаться просвещеннее самих греков»³⁶.

В конце 80-х годов у Халкокондила появилось желание покинуть Флоренцию. В 1488 г. он совершил поездку в Рим к папе Иннокентию VIII и после возвращения во Флоренцию искал возможность выехать в папскую столицу под благовидным предлогом продолжения обучения юного кардинала Джованни де' Медичи. Его надеждам не суждено было сбыться, однако, когда в августе 1490 г. правительство республики Рагузы обратилось к нему с предложением занять место преподавателя греческой и латинской словесности, он не принял его, несмотря на плату в пятьсот иперперов в год с того дня, как он взойдет на корабль, идущий в Рагузу³⁷. Наконец, в 1491 г. Халкокондил получил приглашение от герцога Лодовико Сфорцы (il Moro), после чего оставил Флоренцию и уехал в Милан, где уже в ноябре того же года приступил к преподаванию в местной Академии³⁸.

Подводя итог, следует отметить, что влияние Халкокондила на культуру ренессансной Флоренции определяется, прежде всего, продолжительной дидактической деятельностью, а также вкладом в раннюю греческую печать. Последнее является самым заметным вкладом ученого в дело расширения интеллектуального пространства возрожденческой мысли. Не менее важно, что Халкокондил сообщал гуманистам свое понимание классических греческих текстов (в том числе малоизвестных) и собственное видение античной и греко-византийской литературной традиции как в процессе преподавания, так и в результате личного неформального общения с учениками, друзьями и коллегами.

Примечания

¹ Встречаются разные варианты написания его имени: *лат.* Demetrius Chalcondyles Atheniensis, Chalcocondyles, Chalcocondylas; *греч.* Δημήτριος Χαλκοκονδύλης, Χαλκοκωνδύλης, Χαλκωνδύλης, Χαλκόνδυλας; *ит.* Calcondila, Calcocondila и др.

² Из исследований, связанных с Димитрием Халкокондиллом, укажем: *Cammelli G. I dotti bizantini e le origini dell'Umanesimo.* Firenze, 1954. Vol. 3 : Demetrio Calcondila ; *Geanakoplos D. J. The Career of the Byzantine Humanist Demetrius Chalcondyles at Padua, Florence, and Milan // Interaction of the «Sibling» Byzantine and Western Cultures in the Middle*

- Ages and Italian Renaissance (330—1600). New Haven ; London, 1976. P. 231—264 ; *Idem*. The Discourse of Demetrius Chalcondyles on the Inauguration of Greek Studies at the University of Padua in 1463 // *Studies in the Renaissance*. 1974. Vol. 21. P. 118—144 ; *Maier I.* Ange Politien: La formation d'un poète humaniste (1469—1480). Genève, 1966. P. 31—34, 114 n ; *Petrucci A.* Calcondila, Demetrio // *Dizionario biografico degli Italiani*. Roma, 1973. Vol. 16. P. 542—547 ; *Voltz L.* Zur Überlieferung der griechischen Grammatik in byzantinischer Zeit // *Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik*. 1889. Bd. 139. P. 579—599 ; *Wilson N. G.* From Byzantium to Italy: Greek Studies in the Italian Renaissance. London, 1992. P. 95—98, 114—115.
- ³ *Sabbadini R.* Ciriaco d'Ancona e la sua descrizione autografa del Peloponneso trasmessa da Leonardo Botta // *Miscellanea Ceriani*. Milano, 1910. P. 203.
- ⁴ *Cammelli G.* Calcondila. P. 8.
- ⁵ См. письмо Джованни Кампано: «est cum Theodoro ipso <...> arcissima familiaritate coniunctus» (*Jo. Antonii Campani* Epistolae et poemata. Lipsiae, 1707. P. 74); свидетельство Рафаэля Маффея Вольтеррано: Theodorus Gaza «ex discipulis reliquit Demetrium, qui hodie praecipit Mediolani magna nominis ac famae celebritate» (*Volaterrani R.* Commentariorum urbanorum. Basiliae, 1530. Lib. 21. P. 246); свидетельство зятя Халкокондила, Джован-Паоло Парразио (*Parrhasius*): «quem [Demetrium] Gazae discipulum studiorumque successorem possis agnoscere» (*Hodius H.* De Graecis illustribus linguae Graecae literarumque humaniorum instauratoribus / Ed. S. Jebb. Londini, 1742. Lib. 2. P. 220); наконец, слова самого Халкокондила в письме к Джованни Лоренци (1472): «ὁ δὲ ἡμέτερος καθηγμεῶν (наш предводитель) Θεόδωρος» (*Noiret H.* Huit lettres inédites de Démétrius Chalcondyle // *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 1887. T. 7. P. 492). Показателем отношения Халкокондила к учителю может служить и то, что при датировке греческой корреспонденции он ставил названия месяцев в соответствии с трактатом Газы «De mensibus» (1470). Примечательно также, что своего первенца, девочку, он назвал именем Теодора.
- ⁶ *Campani*. Epistolae... P. 71, 74.
- ⁷ В письме к Джованни Лоренци от 1472 г. Халкокондил обмолвился, что Виссарийон отнесся к нему холодно и пренебрежительно и едва ли считал его достойным публичного выступления (*Noiret H.* Huit lettres... P. 491—492).
- ⁸ См.: *Рязанов П. А.* Речи Димитрия Халкокондила о значении греческой словесности: (из истории греческих штудий в Ренессансной Италии XV в.) // *Средние века*. 2014. Вып. 75 (1/2). С. 216—235 ; *Рязанов П. А.*

- Византийский ученый Феодор Газа и его речь о пользе изучения греческой словесности // Там же. 2012. Вып. 73 (3/4). С. 220—221.
- ⁹ *Cammelli G.* Chalcondila. P. 32—33; *Geanakoplos D. J.* The Career of Chalcondyles. P. 233.
- ¹⁰ *Magnum ac perutile dictionarium quod quidem Varinus Phavorinus Camers Nucerinus* piscopus ex multis variisque auctoribus in ordinem alphabeti collegit. <...> impressum per Zachariam Calliergi Cretensem.
- ¹¹ *Noiret H.* Huit lettres... P. 493. В кратком университетском протоколе от 28 августа 1469 г. и Халкокондил, и Козмико были записаны как свидетели (testes) факта сдачи экзамена и предоставления студенту Джованни Лоренци, будущему хранителю Ватиканской библиотеки и их общему другу, степени доктора in utroque iure: «Testes <...> D. Demetrius de Chalcondylis philosophus et utriusque linguae peritissimus, atheniensis, D. Nicolaus Cosmicus venetus poeta» (*Rossi V.* Niccolò Lelio Cosmico, poeta padovano del secolo XV // *Giornale storico della letteratura italiana.* 1989. Т. 13. P. 106).
- ¹² *Noiret H.* Huit lettres... P. 492—493.
- ¹³ Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe / Ed. *E. Legrand.* Paris, 1892. P. 184—185.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 184. О деспоте Андрее см.: *Harris J. P.* Worthless Prince? Andreas Palaeologus in Rome — 1464—1502 // *Orientalia Christiana Periodica.* 1995. Vol. 61 (2). P. 537—554.
- ¹⁵ *Dorez L.* Un document nouveau sur la bibliothèque de Théodore Gaze // *Revue des Bibliothèques.* 1893. Vol. 3. P. 385—389.
- ¹⁶ Публикацию греческого оригинала см.: *Angeli Politiani.* Liber epigrammatum Graecorum / a cura di *F. Pontani.* Roma, 2002. P. 87.
- ¹⁷ *Pesenti G.* Lettere inedite del Poliziano // *Athenaeum.* 1915. Vol. 3. P. 39—40.
- ¹⁸ *Geanakoplos D. J.* The Career of Chalcondyles. P. 236—237; *Пиузова С. Н.* Флорентийский университет и развитие гуманизма в XIV—XV вв. // *Средние века.* 1993. Вып. 56. С. 168—169.
- ¹⁹ *Noiret H.* Huit lettres... P. 487, 499. Кроме того, из письма Халкокондила (*Ibid.* P. 487) известно, что Лоренцо де' Медичи поручил ему скопировать «Географию» Страбона.
- ²⁰ Игра со словами (ὁ χάλκον ἔχων κόνδυλον) связана с вероятным значением фамилии Халкокондила — «человек с медным кулаком».
- ²¹ Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 190—191.
- ²² *Ficino Marsilio.* Platonic Theology [English & Latin] / Ed. *J. Hankins;* transl. *M. J. B. Allen.* Cambridge, 2002. Vol. 2. Book 5—8. P. 126.
- ²³ *Alcionio Pietro.* Medices legatus sive de exilio // *Analecta de calamitate litteratorum* / Ed. *J. B. Mencke.* Lipsia, 1707. P. 69. В диалоге Халкокон-

- дилу приписывается список авторов, чьи произведения подверглись чистке и уничтожению: это Менандр, Дифил, Аполлодор, Филемон, Алексид, Сапфо, Эринна, Анакреонт, Мимнерм, Бион, Алкман и Алкей.
- ²⁴ *Wilson N. G.* From Byzantium to Italy. P. 97—98.
- ²⁵ Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 192.
- ²⁶ *Barker N.* Aldus Manutius and the Development of Greek Script and Type in the Fifteenth Century. N. Y., 1992. P. 30—31, 35 ; Prefaces to the First Editions of the Greek and Roman Classics and of the Sacred Scriptures / Ed. *B. Botfield*. L., 1861. P. 163—165.
- ²⁷ *Noiret H.* Huit lettres... P. 488, 489.
- ²⁸ *Cammelli G.* Calcondila. P. 89—92 ; *Geanakoplos D. J.* The Career of Chalcondyles. P. 238 ; Prefaces to the First Editions of the Greek and Roman Classics and of the Sacred Scriptures. P. 180—182 ; *Proctor R.* Printing of Greek in the XVth Century. Oxford, 1900. P. 66—69 ; *Wilson N. G.* From Byzantium to Italy. P. 96.
- ²⁹ Паоло Джовио, автор жизнеописаний знаменитых ученых мужей, дает супруге ученого весьма желчную характеристику, отмечая при этом ее домовитость и плодовитость: *Paulus Iovius. Novocomensis* Elogia doctorum virorum ab avorum memoria publicatis ingenii monumentis illustrium. Antverpiae, 1557. P. 65.
- ³⁰ См. свидетельство *Пьерю Валериано* Больцани (1477—1558) в трактате «О злополучии ученых»: *Valeriano P. De litteratorum infelicitate* // Pierio Valeriano on the Ill Fortune of the Learned Men: a Renaissance Humanist and his World / Ed. *J. H. Gaisser*. Michigan, 1999. P. 172 ; письмо *Джован-Паоло Паразо*, зятя Халкокондила: *Hodius H. De Graecis illustribus...* P. 224—225. См. также: *Cammelli G.* Calcondila. P. 127—130 ; *Schreiner P.* Calcondila, Basilio // Diz. biogr. degli Italiani. 1973. Vol. 16. P. 541—542.
- ³¹ Полициано: «Это вы, флоренцийцы, в чьем городе вся греческая ученость, уже давно исчезнувшая в самой Греции, настолько возродилась и расцвела, что уже и ваши люди ведут публичные занятия по греческой словесности и дети высшей знати о том, что тысячу лет назад не было известно в Италии, говорят на аттическом наречии настолько хорошо, настолько легко и плавно, что кажется — Афины отныне не разрушены и захвачены варварами, но по собственной воле сами со всем своим, так сказать, убранством вступили в город Флоренцию и наводнили его собою полностью и всецело» (*Angeli Politiani. Opera, quae quidem extitere hactenus, omnia. Basileae, 1553. P. 477*).
- ³² Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 349.

- ³³ *Godman P.* From Poliziano to Machiavelli: Florentine humanism in the high Renaissance. Princeton, 1998. P. 98, not. 99.
- ³⁴ *Grendler P. F.* The Universities of the Italian Renaissance. Baltimore ; London, 2002. P. 238.
- ³⁵ Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. P. 349—350.
- ³⁶ Elogia. P. 64.
- ³⁷ См.: *Appendini F. M.* Notizie storico-critiche sulle antichità, storia e letteratura de' Ragusei. Ragusa, 1802. Т. 1. P. 204.
- ³⁸ В Милане Халкокондил прожил ок. двадцати лет до своей смерти 9 января 1511 г. В этот период он завершил свой популярный учебник греческой грамматики (*Erotemata*), работал над переводами Галена и Диона Кассия, а также подготовил греческие издания речей Исократ (1493) и византийского лексикона «Суда» (1499).

ББК 60.543.132.1

Н. Ю. Кривопалова

**ВСТРЕЧИ С ЭЛЬВИРОЙ БОРИСОВНОЙ ЕРШОВОЙ
(К юбилею доктора исторических наук,
профессора Э. Б. Ершовой)**

В 2006 году мне довелось впервые побывать на интеллигентоведческой конференции в Ивановском государственном университете, которая ежегодно проводится Межвузовским научным центром и НИИ интеллигентоведения под руководством доктора исторических наук, профессора Валерия Сергеевича Мететова. В тот период я работала над кандидатской диссертацией по истории российской провинциальной интеллигенции начала XX в., поэтому очень стремилась попасть на эту конференцию. По изученным мною материалам ивановских сборников уже зна-

© Кривопалова Н. Ю., 2015

Кривопалова Наталья Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории Самарского государственного аэрокосмического университета им. ак. С. П. Королева (Национальный исследовательский университет). kgrin-31@mail.ru

ла, что туда традиционно съезжаются ведущие специалисты по проблемам интеллигенции. Полученные впечатления превзошли мои ожидания. Свободная научная дискуссия, развернувшаяся по основным вопросам заявленной темы — «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в жизни общества», содержала много неординарных концептуальных подходов, раскрывала новые аспекты темы. Запоминающимся моментом дискуссии было выступление доктора исторических наук, профессора Эльвиры Борисовны Ершовой, которая очень ярко и убедительно говорила о своем понимании этой проблемы, представляла взгляды западных ученых на демократические перспективы формирования гражданского общества в России.

Именно там, в Иванове, у меня появилась возможность лично познакомиться с Эльвирой Борисовной и посоветоваться по материалам своей работы. Она с большим вниманием отнеслась к результатам моих научных изысканий, отраженным в привезенных на конференцию публикациях. Эльвира Борисовна дала целый ряд рекомендаций по анализу особенностей социального состава и деятельности региональной интеллигенции. Это во многом сориентировало меня в дальнейшей работе.

Вскоре, по воле случая, мы увиделись на конференции по методологии истории в Минске, где продолжили содержательное общение. Хочется отметить, что уже после первых встреч возникло чувство глубокой симпатии и благодарности к Эльвире Борисовне: ее личное обаяние, душевная щедрость и отзывчивость, особая энергетика, которой она окружала людей, вызывали самые добрые чувства. В Минске обратило на себя внимание то, как ценят и уважают Э. Б. Ершову белорусские коллеги, с которыми ее связывают многие годы научно-педагогической деятельности и плодотворного сотрудничества.

Прошел год, и мы вновь встретились на очередной конференции. Мое исследование находилось на стадии завершения, и Эльвира Борисовна доброжелательно откликнулась на просьбу посмотреть работу и сделать свои замечания. В процессе обсуждения текста она высказала предложения, которые способствовали более точной формулировке основной проблемы и гипотезы исследования, корректировке самой темы и концепции. Так, Эльвира Борисовна явилась моим негласным научным руководителем,

рекомендации которой сыграли важную роль в процессе аналитической редакции текста исследования. Я очень благодарна ей за это. В дальнейшем она оказывала всяческую поддержку при подготовке к защите диссертации и помогала преодолевать многие трудности, возникающие на этом пути.

В ходе изучения истории российской провинциальной интеллигенции начала XX в. мне приходилось неоднократно обращаться к трудам Э. Б. Ершовой, которые внесли значительный вклад в развитие интеллигентоведения. Так, в своей историографической работе (2005 г.) Э. Б. Ершова проводит глубокий анализ современных исследований по интеллигенции, в том числе и периода начала XX в. Она выделяет ряд неизученных проблем в истории региональной интеллигенции, которые намечают перспективы последующих научных изысканий¹. В конкретно-исторических работах Э. Б. Ершовой 2000-х гг. находят отражение новые аспекты и направления в истории интеллигенции России XIX—XX вв.: духовные искания и эволюция общественно-политических взглядов представителей отечественной интеллигенции², особенности революций и реформ в России и отношение к ним творческой интеллигенции³, благотворительность различных групп интеллигенции⁴, общие проблемы российской регионалистики и истории провинциальной интеллигенции⁵.

Являясь специалистом по истории художественной интеллигенции XX в.⁶, Э. Б. Ершова неоднократно рецензировала монографии по данной проблематике⁷. Целый ряд ее публикаций посвящен всестороннему анализу актуальных проблем современного интеллигентоведения, представленных в монографиях ивановских коллег⁸, а также в работах исследователей из других регионов страны⁹.

За многие годы своей деятельности Э. Б. Ершова расширила тематику научного изучения интеллигенции, с результатами которого она выступала на конференциях в разных городах нашей страны и за рубежом, ее публикации нашли своих читателей в изданиях Болгарии, Сербии, Польши, США, Белоруссии и других стран. Значимые монографии Э. Б. Ершовой опубликованы в германском издательстве LAP Lambert Academic Publishing¹⁰.

Свое видение многих проблем российского общества, в том числе и интеллигенции, она дала во многих статьях в российских

научных журналах «КЛИО» (Санкт-Петербург) и «Интеллигенция и мир» (Иваново), Приволжском научном вестнике (Ижевск), Вестнике С(А)ФУ (Архангельск) и др. Ее публикации знакомы ученым Белоруссии в Минске, Бресте и Гомеле. Понимание научных достижений коллег-историков и свое представление развития проблемы она предполагает представить в монографии о роли российской интеллигенции в модернизационных процессах XX — начала XXI в., которую готовит к публикации.

Обладая неутомимой работоспособностью и жизненным оптимизмом, Эльвира Борисовна всегда находится в центре событий научной и общественной жизни. Незабываемые встречи с ней окрашены особой атмосферой человеческого участия и доброжелательности. За 18 лет аспирантуры в Государственном университете управления она подготовила и выпустила 13 аспирантов, из которых двое стали уже докторами наук. Широкий научный кругозор по разным проблемам истории позволяет ей давать многочисленные отзывы на авторефераты диссертаций молодых ученых, выступать оппонентом на защитах докторских и кандидатских диссертаций.

Видится очень большой научный потенциал Э. Б. Ершовой, и потому, в преддверии юбилея, хочется пожелать уважаемой Эльвире Борисовне счастливого долголетия и продолжения такой же активной научной деятельности на пользу российской исторической науке!

Несомненно, мы на пороге новых встреч с Э. Б. Ершовой и ее научными достижениями!

Примечания

- ¹ *Ершова Э. Б.* Проблемы интеллигенции в исследованиях ученых на рубеже XX—XXI веков // *Российская интеллигенция на родине и в зарубежье* : сб. науч. тр. М., 2005. С. 17—44.
- ² *Ершова Э. Б.* Традиционализм и иррационализм российской интеллигенции XX века // *Экономика, право, политика, безопасность*. 2005. № 1/2. С. 32—41.
- ³ *Ершова Э. Б.* Революции, реформы и творческая интеллигенция России в первой половине XX века // *Вопросы истории*. 2001. № 6. С. 103—115.

- ⁴ *Ершова Э. Б.* Благотворительность церковной, дворянской и разночинской интеллигенции России в XIX—XX вв. // *Интеллигенция и мир.* 2004. № 3/4. С. 115—123.
- ⁵ *Ершова Э. Б.* Общие проблемы российской регионалистики // *Актуальные проблемы краеведения : сб. науч. ст.* Челябинск, 2003. Вып. 1. Ч. 1. С. 8—11. (Уральские Бирюковские чтения).
- ⁶ *Ершова Э. Б.* Исторические судьбы художественной интеллигенции Белоруссии (1917—1941). М., 1994 ; *Ершова Э. Б.* Художественная интеллигенция в судьбах России : (авторский взгляд на проблему) // *Классы и социальные группы в судьбах России : материалы 32-й Всерос. науч. конф.* СПб., 2003. С. 324—328 ; и др.
- ⁷ *Ершова Э. Б.* [Рецензия] // *КЛИО.* 1997. № 1. С. 191—193. Рец. на моногр.: *Купцова И. В.* Художественная интеллигенция России: (размежевание и исход). СПб. : Нестор, 1996 ; *Ершова Э. Б.* [Рецензия] // *Вопросы истории.* 2001. № 2. С. 165—167. Рец. на моногр.: *Зезин М. Р.* Советская художественная интеллигенция и власть в 1950—60-е годы. М., 1999 ; и др.
- ⁸ *Ершова Э. Б.* [Рецензия] // *КЛИО.* 2009. № 1 (44). С. 155—157. Рец. на моногр.: *Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции* (под ред. д. и. н., проф. *В. С. Меметова*). Иваново : ИвГУ, 2008 ; *Ершова Э. Б.* От советской фантастики к нашим дням // *Интеллигенция и мир.* 2011. № 2. С. 126—129 ; и др.
- ⁹ *Ершова Э. Б.* Современные исследования о российской интеллигенции в XX — начале XXI в. // *Интеллигенция и мир.* 2014. № 2. С. 52—64.
- ¹⁰ *Ершова Э. Б.* Исторические судьбы художественной интеллигенции Белоруссии (1917—1941) : моногр. Saarbrücken, 2012 ; *Ершова Э. Б.* Сквозь череду времен : российская семья в XVIII — начале XXI в. : моногр. Saarbrücken, 2012.

ББК 60.543.132.1+60.23

Д. Г. Смирнов

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА НООСФЕРНОЙ (ГЛОБАЛЬНОЙ) ИСТОРИИ

Современный интеллигентоведческий дискурс содержательно разнообразен. Количественный и качественный анализ публикаций, посвященных феномену интеллигенции, показывает, что в исследовательском пространстве уживаются две дополняющие друг друга тенденции как в модели «часть — целое». *Первый тренд* — его можно условно назвать дискретным — во главу угла ставит задачу изучать феномен «по отдельности, и даже по личностям с разных сторон»¹, где критериями проблематизации интеллигенции становятся преимущественно темпоральные и топологические признаки, научная ориентация (область знания) исследователя. В целом отмечается тот факт, что «для изучения феномена современной российской интеллигенции с исторической точки зрения время еще не наступило»². Это, в свою очередь, может быть обусловлено «кризисом самоидентификации интеллигенции» в условиях российского системного кризиса³.

Второй тренд — который можно обозначить как континуальный — претендует на «симультанность» схватывания феномена интеллигенции, что характерно, прежде всего, для философского склада мышления. На этом исследовательском маршруте,

© Смирнов Д. Г., 2015

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Ивановского государственного университета. dissovet_212@mail.ru

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00833.

представленном на страницах журнала «Интеллигенция и мир», уже можно увидеть определенный прогресс⁴. Отправной точкой настоящей статьи выступает тезис С. М. Усманова о том, что «типологические черты русской интеллигенции — это в значительной степени сущностные основы интеллигенции как таковой»⁵, а также предложенная им дефиниция интеллигенции как нового социального слоя «автономных интеллектуалов, имеющих особый моральный комплекс служения идеалу»⁶. Содержательно материал статьи продолжает традицию проблематизации феномена интеллигенции в русле ноосферного подхода⁷.

История как «вещь-в-себе» и «вещь-для-нас»

Современное информационное общество с его «потокowym» on-line сознанием сделало ставку на визуализированную форму истории, внешнюю историю «здесь и сейчас», которая предполагает всё большее дистанцирование познающего субъекта от реальности. Когнитология XXI века убедительно демонстрирует различие между личностным знанием и информацией (как деперсонализированным знанием), между живой памятью и памятью мертвой.

Разнообразные рефлексии настоящего (геополитические, экономические, экологические, правовые и пр.) являются ответом как раз на внешнюю форму истории как «вещи-для-нас», простой для восприятия и анализа. Вместе с тем, как показывает глобальная и региональная практика философии истории последних десятилетий, история была и остается во многом метаисторией, своего рода «вещью-в-себе». Ее познание лежит в области знакового, семиотического, а не только фактологического и исторического. На это в свое время справедливо указал еще Г. Г. Шпет, говоря, что «историческое познание никогда не является познанием чувственным или рассудочным, или познанием внешнего или внутреннего опыта, а всегда есть познание, предполагающее уразумение и интерпретацию как средство уразумения. Такого рода познание можно условиться называть семиотическим познанием»⁸.

Если посмотреть на проблему постижения истории с философской точки зрения, то окажется, что пути познания истории в большинстве своем связаны с акцентуацией вещно-предметного мышления, выражающегося в ощущении и восприятии событийной

фактуры исторического процесса. Перед нами уже не преимущественно внешнее представление, а понимание, но понимание первого уровня глубины. Подобное (предметно-фактологическое) отношение к истории во многом носит «мифо-детский» характер, что свидетельствует не столько о неправильности или «простоте» представления об истории, сколько говорит о том, что такая «внешняя история» не учитывает глубинных внутренних существенных связей явлений и событий исторического процесса.

Тело и разум Клио

Рассмотрение внутренней формы исторического процесса органично присуще, прежде всего, религиозному миропониманию. Синтез религиозного, философского, научного и художественного измерений понимания мира, ставший главной проблемой философских поисков в конце XIX — начале XX века, дал возможность обнаружить прямые коннотации между религиозным и философским, религиозным и научным как в философии в целом, так и в философии истории в частности.

Л. А. Тихомиров убедительно показывает, что сверх «почвы материального процесса природы» имеет место сфера «нашей сознательной и волящей жизни». Последняя «внедрена в сферу материальных условий, но не сливается с ними, постоянно борется с ними, весьма часто побеждает их, и во всяком случае — только она и составляет то, что мы чувствуем *нашей* жизнью и *жизнью человечества*. Сфера материальных условий есть нечто внешнее нам, хотя и облекающее нас. Она имеет для нас свою историю, но лишь постольку, поскольку наша внутренняя сфера дает ей направление. Она по внешности владеет нами, но по нашим желаниям и целям составляет только материал для нашей деятельности»⁹.

Исследование интеллигенции предполагает анализ «борьбы» теории количественного представления вещей с концепцией их качественного понимания. Противопоставленность подходов не абсолютна, наоборот, она утверждает дополнительность: к телу истории наблюдатель добавляет ее разум, что призвано обеспечить комплексность методологии.

Ситуация нарастания глобальных катастроф, в которой сейчас оказался мир, как ни парадоксально, имеет исторический

смысл¹⁰. В работе «Смысл истории» Н. А. Бердяев говорит о том, что «катастрофические моменты истории особенно благоприятны для построения философии истории», имея в виду «такие катастрофы духа человеческого, когда он, пережив крушение известного жизненного исторического строя и лада, пережив момент расщепления и раздвоения, может сопоставить и противопоставить эти два момента — момент непосредственного пребывания в историческом и момент расщепленности с ним, чтобы перейти в третье состояние духа, которое дает особенную остроту сознания, особенную способность к рефлексии, и, вместе с тем, в нем совершается особенное обращение духа человеческого к тайнам “исторического”»¹¹. Именно это, по мнению автора, позволяет вернуться к «внутреннему смыслу жизни», к «внутренней душе истории», которая, в свою очередь, становится основой построения настоящей организмической философии истории.

От внутренней формы слова к внутренней форме истории

Традиция представлений о внутренней форме слова от В. Баумгартена до Г. Г. Шпета позволяет увидеть за логикой развития языка и знака внутреннюю форму истории. В этом контексте появляется возможность переосмыслить философию истории в целом и в рамках творчества каждого из философов, занимающихся проблемами клиософии.

Г. Г. Шпет одним из первых сформулировал методологию сопряжения исторического и семиотического дискурсов¹², объединенных феноменом языка: «язык и дух идут вперед не друг за другом и не обособленно от друга, но составляют безусловно и нераздельно одно действие интеллектуальной способности»¹³. Подобная постановка проблемы фиксируется в исследованиях целого ряда авторов — М. Вендитти, А. П. Люсого, Л. А. Микешиной, Б. И. Пружинина, В. В. Янцена¹⁴.

В свою очередь, размышления о внутренней форме слова у Г. Г. Шпета связаны с философией А. Марти и В. Дильтея. В творчестве А. Марти центральное место в интересующем нас аспекте занимает семасиология (или семантика) — учение об основных функциях языкового выражения. Язык, по А. Марти, — это «функциональная телеологическая система знаков, цель которой — интересубъективное сообщение»¹⁵. Соответственно,

внутренняя форма — это «то в средствах выражения <...> что переживается “внутренне”» и «опосредует» процесс понимания: «внутренняя форма дает не понимание, а его “преддверие”...»¹⁶. При этом исследователь выделяет два типа внутренней формы: фигуральную, которая не есть смысл, и конструктивную, которая «связана непосредственно не с выражением, но с его интенциональными конструкциями, благодаря которым становится понятен его смысл»¹⁷.

В «психологической» философии В. Дильтея Г. Г. Шпет видит тенденцию движения от внешнего к внутреннему (на что обращает внимание М. К. Гидини), ибо герменевтика превосходит психологическую сферу: «чтобы проникнуть в самые сокровенные тайники, до которых интроспекция не доходит, хотя бы потому, что она не выразима, если не объективируется в системе знаков»¹⁸. Возможно в силу этого, для него в отношении слова существеннее оказывается значение, а не наименование, и именно поэтому он выделяет знаки-«значки» и знаки-«признаки».

Г. Г. Шпет, отталкиваясь от гуссерлевской феноменологии, отправную точку своей семиотики видит в признании знаковой природы всякой сигнификации, которая дана через внутренние формы: именно они и определяют отношение знака и смысла. «Внутренние формы <...> присущи знаку не в его качестве, а в его качестве средства»¹⁹. Главный признак внутренней формы, по Г. Г. Шпету, — это «посредничество в понимании», в силу чего история превращается в процесс «вечной объективации духа», в котором «материальность недостижима в своей чистоте и, во всяком случае, второстепенна, потому что первой сферой нашего понимания неизбежно является культурная и социальная среда, через которую мы воспринимаем и эмпирическую данность»²⁰.

Организмическо-энергичное представление о внешней форме и внутренней форме обнаруживает себя в творчестве П. А. Флоренского. «Внешняя форма, — пишет он, — есть тот неизменный, общеобязательный, твердый состав, которым держится всё слово; ее можно уподобить телу организма. Напротив, внутреннюю форму <...> естественно сравнить с душою этого тела, бессильно замкнутой в самое себя, покуда у нее нет органа проявления. Если о внешней форме можно, хотя бы и приблизительно точно, говорить как <...> о неизменной, то внутреннюю

форму правильно понимать как постоянно рождающуюся... Процесс речи есть присоединение говорящего к надьиндивидуальному, соборному единству, взаимопроращение энергии индивидуального духа и духа народного, общечеловеческого разума. И поэтому в слове, как встрече двух энергий, необходимо есть форма и той и другой. Внешняя форма служит общему разуму, а внутренняя — индивидуальному»²¹. Диалектика взаимодействия внешней и внутренней форм раскрывается здесь как раз через действие общего разума и разума индивидуального, задавая формы перетекания глобального в локальное и локального в глобальное. Внутренняя форма переходит во внешнюю в результате «инкарнации» индивидуально-го разума в общественный разум, и наоборот.

Анализируя внутреннюю форму «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова, Т. Б. Кудряшова замечает, что «концепт Внутренней формы позволяет рассматривать с единой позиции (объединяющей онтологический, гносеологический, аксиологический, праксеологический, этический, эстетический и др. подходы) языки обыденности, религии, науки, искусства, мистики и т. д.»²². В. Н. Демин переносит теорию внутренней формы (внутренней формы слова) в биосферно-ноосферный контекст, несколько видоизменяя ее. Он показывает, что «с космической (онтологической) и космической (гносеологической) точек зрения, человек и любой другой организм или объект, будучи окружен со всех сторон так называемой внешней средой, находится *внутри* нее и образует с ней типичное *внутреннее* отношение»²³. Это внутреннее отношение в терминах системного подхода превращается во внутреннюю структуру, что сопоставимо с внутренней формой истории.

Проведенный анализ представлений о внутренней форме убеждает в том, что внутренняя форма слова, как квинтэссенция внутренней формы языка, как, в свою очередь, способа бытия истории, задает контекст внутренней формы истории, то есть может рассматриваться в качестве такой семиотической организованности, которая на всех системных уровнях обеспечивает понимание исторической действительности как ноосферной реальности²⁴.

В таком ракурсе обнаруживается соотносительность интеллигенции (в широком смысле слова) как духовной субстанции, как общего и интеллигенции в узком социологическом смысле слова, с одной стороны, и моделями внутренней и внешней формы

истории — с другой: сложность понимания истории из сферы взаимодействия материального и духовного переносится в область диалектики внешней и внутренней форм. Именно в этом сознаниевом и знаковом образовательном пространстве, судя по всему, скрываются самые сложные репрезентации ноосферной истории.

Внутренняя форма истории в интеллигентоведческом дискурсе

Внутренняя форма истории может быть представлена через систему различных интерпретаторов. Семиотический — один из самых эффективных. Представление о семиологической функции²⁵ (в философском, а не только психологическом ключе) дает возможность очертить ядро внутренней формы истории, что, в свою очередь, позволит подойти к более сложной проблеме — рассмотрению внутренней формы истории в контексте идеального, через концепт «информация» (т. е. выявить эйдосно-сознаниевое содержание внутренней формы истории). Интеллигенция (в ее субстратном понимании) как раз и является «гностиком» внутренней формы истории.

Сущность интеллигенции задается единством трех смыслов, раскрывающих методологическую ценность системного подхода: интеллигенция как концепт системы истории, то есть ее системообразующее свойство (*интеллигибельность*); интеллигенция как системообразующее отношение в системе истории (*интеллигентность*); и, наконец, интеллигенция как субстрат истории, то есть ее элементарная составляющая (*интеллигенция*), иными словами, носитель системообразующего свойства и генератор системообразующего отношения.

Рассмотрение интеллигенции в рамках универсумно-ноосферного и системно-синергетического подходов широко представлено в работах Г. С. Смирнова²⁶, который видит основную задачу мировой интеллигенции в «обеспечении устойчивых форм *внутреннего* (сознаниевого) и *внешнего* (космопланетарного) *миропостроения*»²⁷. Анализ этих исследований подталкивает к выводу о внесистемном статусе интеллигенции, который задается концептом развития того или иного конкретного общества.

Обращение к интеллигентоведческой проблематике, ориентирующейся на мысленное восхождение от субстратного

к концептуальному уровню, может ввести в заблуждение, вызываемое несоответствием эмпирического и постулируемого. На самом деле этот когнитивный диссонанс порождается самим исходным положением размышления — семиотическая действительность есть репрезентация ноосферной реальности²⁸, что не только допускает, но и утверждает «диахронность» сущного и должного.

Для нашего дискурса существенно важен именно концептуально-структурный срез системного анализа интеллигенции, когда исследовательский акцент переносится с непосредственно субстрата на то отношение и свойство, носителем которых он является. Содержательный аспект семиологической функции может быть определен следующим образом: кто, что и как интерпретирует, трактует, т. е. рассматривает в качестве знаков Универсума. Переход с «уровня выражения» на «уровень содержания» (по аналогии с категориями общей семиотики — «планом выражения» и «планом содержания», служащими для раскрытия смысла семиозиса) следует понимать в качестве одного из существенных проявлений современной семиотической революции в науке и социальной практике.

Гносеологическое отношение человека к миру на социальном субстрате реализуется в разных формах, реальное выражение которых, в свою очередь, задается индивидуальным и общественным концептом конкретно-исторического бытия. Поэтому отношение интеллигентности, ядром которого является семиологический императивизм (устанавливающий соответствие знака своей семиотической среде), реализуется разноуровнево — на уровнях отражательной, семиотической и семиологической (объемлющей все предшествующие) функций²⁹.

Переходя от анализа системообразующего (гносеологического) отношения к разговору о системообразующем свойстве, онтологическом в философском смысле, следует предварительно раскрыть значение термина «интеллигибельность». Генерализирующая идея здесь такова: интеллигибельность являет собой свойство, «дезактивирующее» (в интеллектуальном плане) инстинкт самосохранения человека и, в силу этого, позволяющее шагнуть за «пределы» системы мира, опровергая, тем самым, гуманитарный инвариант теоремы Геделя о неполноте. Г. Бейтсон показывает, что людям бывает очень трудно увидеть очевидное в силу того,

«что люди — это самокорректирующиеся системы. Они самокорректируются против беспокойства, и если это “очевидное” не таково, что его можно легко ассимилировать без внутреннего беспокойства, то их механизмы самокоррекции срабатывают так, чтобы отодвинуть, спрятать, а если необходимо, то и закрыть глаза или отключить другие звенья процесса восприятия. Беспокоящая информация может быть окружена фреймом, после чего она уже не причиняет беспокойства. Всё это делается в соответствии с представлением самой системы о том, что есть неудобство»³⁰.

Очевидно, если у сознания отсутствует информация о природе человека и окружающей среды, или информация искажена, или неправильно выбрана, то тогда, весьма вероятно, что сознание станет генерировать метабеспорядочную последовательность событий. Эта беспорядочность определяется нами как внешняя форма истории. Историческая результирующая этого двойка. С одной стороны, заикленность на внешней беспорядочности и несвязности событий и фактов порождает феномен исторического агностицизма, который предполагает отрицание постижимости истории, исторических закономерностей, принятие либо фаталистической позиции либо точки зрения радикального индетерминизма. С другой стороны, подобная гносеологическая ситуация провоцирует интеллигенцию пожертвовать собой в плане преодоления (отключения) рефлекса самокоррекции, что даст возможность, несмотря на беспокойство, которое она причиняет, увидеть реальность за сферой материальных условий. В действительности, интеллигенция потому и интеллигенция, что она заставляет себя преодолеть синдром «страуса, прячущего голову в песок». В этом преодолении инстинкта самосохранения в значительной степени заключается смысл «психологической перегрузки (перегрева)», характерного, порой, для ее некоторых представителей.

Вместо заключения

Архитектурные сооружения мирового духа и коллективного разума лишь в некоторой части оказываются достоянием современного общественного сознания. К сожалению, из всего богатства мировой духовной жизни, в значительной мере сконцентрированной в формах мировой интеллигенции, остается

зафиксированной лишь небольшая ее часть. Даже воспоминания представляют собой тысячную часть от реального виртуального экзистенцирования жизни человека. Эта пропорция в определенной мере выражает соотношение между внешней и внутренней формами большой интеллектуальной истории, которую может быть и следовало назвать ноосферной историей. Для мировой глобальной истории всегда характерно наличие внешних, видимых, «надводных» форм и внутренних, невидимых, «подводных» форм, которые дополняют друг друга в реальном историческом процессе.

Внутренняя форма истории в первом приближении — это глубинные, сущностные качества космопланетарного эволюционно-исторического процесса, невыразимого, если он не объективируется в системе знаков. Она выступает в качестве своеобразного «портала», фиксирующего и удерживающего семиотическую связь исторической действительности и ноосферной реальности.

Примечания

- ¹ *Ершова Э. Б.* Современные исследования о российской интеллигенции XX—XXI веков // *Интеллигенция и мир.* 2014. № 2. С. 53.
- ² *Сибиряков И. В.* Современная российская интеллигенция: преждевременный разговор // *Интеллигенция и мир.* 2013. № 2. С. 79.
- ³ *Данилов А. А., Корнев С. А.* Проблема самоидентификации интеллигенции в условиях кризиса // *Интеллигенция и мир.* 2013. № 3. С. 12.
- ⁴ См.: *Ишимская Е. В.* Субстанциональные основания современного дискурса интеллигенции // *Интеллигенция и мир.* 2011. № 3. С. 141—155 ; *Ковалева С. В.* Формирование интеллигентности: онтологический аспект // Там же. № 4. С. 59—76 ; *Руди А. Ш.* Роль научной интеллигенции в теоретическом моделировании мира // Там же. 2014. № 4. С. 87—103 ; *Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* Роль мировоззренческих парадигм интеллигенции в ситуации глобального кризиса // Там же. 2012. № 2. С. 62—78.
- ⁵ *Усманов С. М.* Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссии о проблемах и тенденциях самоопределения // *Интеллигенция и мир.* 2014. № 4. С. 29.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См., напр.: *Жульков М. В.* Коллективный разум интеллигенции и ноосферное развитие // *Интеллигенция и мир.* 2009. № 3. С. 114—130 ;

- Меликян М. А.* Интеллигенция как ноосферный герой истории // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 2. С. 48—54 ; *Смирнов Г. С.* Мировая интеллигенция и ноосфера // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 69—79 ; *Смирнов Г. С.* Новая молодая российская интеллигенция: философские проблемы ноосферной экологии, антропологии и персонологии XXI века // Там же. 2008. № 3. С. 60—70 ; № 4. С. 61—78 ; *Смирнов Д. Г.* Интеллигенция: семиологическая функция (к постановке проблемы) // Там же. № 3. С. 13—26.
- ⁸ Цит. по: *Почепцов Г. Г.* Русская семиотика : идеи и методы, персоналии, история. М. ; Киев, 2001. С. 215.
- ⁹ *Тихомиров Л. А.* Религиозно-философские основы истории / сост., предисл. и примеч. М. Б. Смолина. М., 2004. С. 25.
- ¹⁰ *Смирнов Г. С.* Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 2. С. 74—91.
- ¹¹ *Бердяев Н. А.* Смысл истории. М., 1990. С. 6.
- ¹² *Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова : этюды и вариации на тему Гумбольдта. Иваново, 1999 ; *Шпет Г. Г.* История как проблема логики : критические и методологические исследования. М., 2011.
- ¹³ *Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова // Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова : этюды и вариации на тему Гумбольдта. С. 11.
- ¹⁴ См.: *Вендитти М.* Внутренняя форма слова у Г. Шпета и у А. Марти // Густав Шпет и его философское наследие : у истоков семиотики и структурализма : коллектив. моногр. М., 2010. С. 266—273 ; *Люсый А. П.* От логики истории к ее жанрам // Там же. С. 433—439 ; *Микешина Л. А.* Логика как условие и основание научной строгости исторического знания : (письмо Г. Г. Шпета Д. М. Петрушевскому 16 апреля — 6 мая 1928) // Там же. С. 28—56 ; *Пружинин Б. И.* Семиотическая перспектива методологии гуманитарных наук Густава Шпета // Там же. С. 56—65 ; *Янцен В. В.* Историческая концепция «Очерка развития русской философии» Г. Г. Шпета в письме Ф. А. Степуна к А. Л. Бему (1944) // Там же. С. 486—496.
- ¹⁵ См.: *Вендитти М.* Указ. соч. С. 268.
- ¹⁶ Там же. С. 269.
- ¹⁷ Там же. С. 270.
- ¹⁸ *Шпет Г. Г.* Герменевтика и ее проблемы // Шпет Г. Г. Мысль и слово : избр. тр. М., 2005. С. 382—396.
- ¹⁹ *Шпет Г. Г.* Язык и смысл // Там же. С. 564—565.

- ²⁰ См.: *Гидини М. К.* Три выпуска философского отдела ГАНХ : вариации на тему внутренней формы // Густав Шпет и его философское наследие. С. 255.
- ²¹ *Флоренский П. А.* Сочинения : в 4 т. М., 1999. Т. 3 (1). С. 213—214.
- ²² *Кудряшова Т. В.* О внутренней форме «Философии общего дела» // «Служитель духа вечной памяти» : Николай Федорович Федоров : (к 180-летию со дня рождения) : сб. науч. ст. : в 2 ч. М., 2010. Ч. 1. С. 407.
- ²³ *Демин В. Н.* Тайны биосферы и ноосферы. М., 2001. С. 114—115.
- ²⁴ *Смирнов Г. С.* Ноосферное сознание и ноосферная реальность : философские проблемы ноосферного универсума. Иваново, 1998.
- ²⁵ *Смирнов Д. Г.* Интеллигенция: семиологическая функция (к постановке проблемы).
- ²⁶ *Смирнов Г. С.* Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 1. С. 3—21 ; *Смирнов Г. С.* Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции (продолжение) // Интеллигенция и мир. 2006. № 2. С. 4—28. См. также: *Смирнов Г. С.* Интеллигенция и ноосфера : философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново, 2007 ; *Смирнов Г. С.* Народная интеллигенция и власть: философия социального советования и общественной синергии // Интеллигенция: вопросы теории и методологии : коллектив. моногр. / под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2010. С. 270—321 ; *Смирнов Г. С.* Российская интеллигенция и ноосферное миропостроение // Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности : коллектив. моногр. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново, 2014. С. 59—86.
- ²⁷ *Смирнов Г. С.* Интеллигенция и ноосфера : философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. С. 113.
- ²⁸ *Смирнов Д. Г.* Семиософия ноосферного универсума : ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново, 2008.
- ²⁹ *Смирнов Д. Г.* Интеллигенция: семиологическая функция (к постановке проблемы).
- ³⁰ *Бейтсон Г.* Экология разума : избр. ст. по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М., 2000. С. 394.

А. С. Рожкова, Ю. М. Воронов

ЛЮБИТЕЛИ И ПРОФЕССИОНАЛЫ: НОВЫЙ ДИЛЕТАНТИЗМ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ

Если бы Иммануил Кант был нашим современником, он, можно предположить, написал бы еще одну Критику — «Критику коллективного разума». «Коллективное сознательное», «экстраразумность», «групповой интеллект», «мудрость толпы», «умная пыль» — эти определения и метафоры обозначают феномен, порожденный сетевой цивилизацией нашего времени. Новый объект исследовательского интереса сопряжен с ренессансом субъектности в гуманитарной науке («распределенный субъект», «гибкая субъектность») и коррелирует, в свою очередь, с теорией и практикой современного креатива (краудсорсинг, викиномика, пиринг, коворкинг). Информационной и технологической средой, в которой разворачиваются эти процессы, являются «социальные медиа» (Web — 2.0). Отличительная черта последних — активное участие пользователя в создании конечного продукта, встроенность потребителя в производственный процесс, предсказанный Э. Тоффлером просьюмеринг.

Эпоха разделения труда породила культ профессионализма и экспертократии, вытеснив любительские занятия на периферию общественной жизни. Дилетантизм подвергся осмеянию и стал маркером некачественной работы в науке, культуре и производстве. Однако глобальные сдвиги рубежа тысячелетий кардинально изменили ситуацию. Пропасть, разделявшая специалистов и профанов, оказалась не столь глубокой: появился новый субъект

© Рожкова А. С., Воронов Ю. М., 2015

Рожкова Анна Сергеевна — соискатель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Ивановского государственного политехнического университета. voronov3227@mail.ru

Воронов Юрий Михайлович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Ивановского государственного политехнического университета. voronov3227@mail.ru

истории — «цифровая толпа» и новый социальный гибрид — «профессиональный любитель». Тем самым старые коллизии — профессионализм vs любительство, индивидуализация vs массивизация, экспертное сообщество vs профанная аудитория — обрели неожиданную остроту и широкий резонанс в глобальном масштабе.

Конгломерат интеллигенции в перспективе информационного общества пополнился новыми агентами. По-видимому, правомерно рассматривать профессиональных любителей как особую интеллектуальную группу, для которой характерны сетевая организация, распределенная активность и «мудрость толпы»¹. Этот коллективный разум представляет собой сложный феномен, который в новых условиях воспроизводит этос интеллигенции: бескорыстие, пафос служения, антирыночные интенции, высокую ценность личностной реализации, мечту о всеобщем благе. В то же время цифровая толпа конкурирует с традиционными институтами интеллектуального сервиса и экспертизы.

Дилетантизм

Почти два века назад в журнале «Отечественные записки» был опубликован цикл статей А. И. Герцена под общим названием «Дилетантизм в науке». Философия и жизнь, ученый и общество, наука и массы — сквозные темы цикла. Особый интерес представляет типология носителей псевдо- и околонучного знания. К таковым отнесены любители, романтики, цеховые ученые, формалисты, догматики, «буддисты», поклонники позитивизма и др. Это друзья науки, но друзья ложные, которые превращаются в свою противоположность, во врагов научного знания: «поверхностный дилетантизм» — на одном полюсе, «ремесленническая специализация ученых» — на другом.

В первой статье образ науки (философии) соответствует критериям классической рациональности: поиск истины, стремление к объективности, особый язык, методологическая обоснованность, общезначимые результаты. Портрет дилетанта нелицеприятен. Его отличают субъективизм, поверхностный взгляд на теории и факты, рассудочное (не диалектическое) мышление, «гордая надменность и дерзкое легкомыслие», эмоциональность и мечтательность, эгоизм, самоуверенность и нежелание трудиться. Страх истины и тысячелетние традиции не смущают любителя науки. Философия для него подобна «Пенелопе без Одиссея»,

доступна и беззащитна. Успех гарантируют «идолы пещеры» (стереотипы, установки, личные убеждения). Дилетант не склонен ради науки разрушать комфорт повседневной жизни. Тогда как человек «с живой душой» и «поднявшийся до современности» только в науке находит удовлетворение: «Глубоко протрадав пустоту субъективных убеждений, постучавшись во все двери, чтоб утолить жгучую жажду возбужденного духа, и нигде не находя истинного ответа, измученный скептицизмом, обманутый жизнью, он идет нагой, бедный, одинокий и бросается в науку»².

В третьей статье цикла коллизия профессионализма и любительства представлена более отчетливо и детально. Дилетанты любят науку, но не занимаются ею. Ученые не имеют досуга. Для них наука — барщина, поле, на котором требуется обработать каждую кочку. Дилетанты смотрят в телескоп, а потому не видят ничего земного и близкого. Ученые смотрят в микроскоп, поэтому не интересуются большим и далеким: «...для них существует не кристальный ручей, а капля, наполненная гомеопатическими гадами»³. Дилетанты любят науку на благородной дистанции, ограничиваясь внешним образом и поверхностным знанием. Ученые так близко подошли к храму науки, что не видят храма, а только кирпич, из которого сложены его стены. Дилетанты — туристы в сфере науки и потому довольствуются общими сведениями («газетной клеветой», «светскими сплетнями», «придворными интригами»). Ученые — фабричные работники, лишённые всякой умственной развязности. Дилетанты всеядны: занимаются всем, что можно познать, и тем, чего познать нельзя. Ученый — это специалист, посвятивший себя отдельной проблеме отдельной науки. Его компетентность не распространяется на иные сферы. От дилетантов «никому и ничему нет пользы». Они «безвреднейшие и бесполезнейшие из смертных». Ученые обречены на кабинетную жизнь, утомительную и однообразную работу на пользу своей науки. Их самоотверженный труд приносит результаты.

Герцен полагает несправедливым наделять ученых особым статусом и высоким престижем, а также требовать «великой благодарности со стороны общества» за их труд: «А они требуют, чтобы мы признали их превосходство над нами; требуют какого-то спасибо от человечества, воображают себя в авангарде его! Никогда!»⁴ Теперь уже ученое сословие противопоставляется

кругу образованных людей, «уразумевших понятия человечества и современности» и ответственных за будущее. Это передовая фаланга цивилизации, подлинная аристократия духа, куда могут войти люди самых разных профессий. Узкий специалист (цеховой ученый) далеко не аристократ, он уподобляется дилетанту в своей односторонности и приверженности факту. Специализация, формализм, ремесленничество, культ частности и искусственной классификации, догматизм, схоластика, кастовость препятствуют развитию науки и поиску истины. Ученые — это «бюрократия науки, ее писцы, столоначальники, регистраторы». Республика ученых — «худшая республика из всех когда-нибудь бывших». Ученый — это «вечный недоросль между людьми», он смешон за пределами своей лаборатории, поскольку утратил признаки социальности (боится людей, отвык от живого слова, не умеет одеться). Чем более он вовлекается в профессиональную деятельность, тем слабее становятся его социальные связи и качества.

Во второй статье цикла «Дилетанты-романтики» А. И. Герцен ставит диагноз еще одной разновидности дилетантизма. Маркером последнего становится отношение к прошлому, темпоральная характеристика науки. Обращение к тому, что было, оправданно, когда «глядя назад — шагаем вперед», когда познание минувшего позволяет глубже уяснить современность, раскрывает смысл настоящего и будущего. Но когда прошлое удерживается в настоящем в качестве анахронизма, «истлевшей ветоши на костях истории», бороться за него бессмысленно. Это удел «упорных и ограниченных» людей. «Нет в мире неблагодарнее занятия, как сражаться за покойников: завоевывают трон, забывая, что некого посадить на него, потому что царь умер»⁵. Таковы дилетанты-романтики, чей спор с классицизмом утратил свою актуальность с утверждением нового мировоззрения. Герцену свойственно глубокое понимание противоречивости историзма. Классические и романтические элементы вечны, это истинные и необходимые моменты развития человеческого духа. Но их механическое объединение и консервация противостоят ходу истории. Приверженность отжившему и нежизнеспособному — социальный исток романтического дилетантизма. Его носители «поняли ужасный холод безучастия и стоят теперь с словами черного проклятья веку на устах — печальные и бледные...

слышат с содроганием веселую песню жизни современной, которая стала не их песню, и с скрежетом зубов смотрят на век суетный, занимающийся материальными улучшениями, общественными вопросами, наукой, и страшно подчас становится встретить среди кипящей, благоухающей жизни — этих мертвецов, укоряющих, озлобленных и не ведающих, что они умерли!»⁶.

Заключительная статья цикла содержит важнейшие вопросы, связанные с самосознанием субъектов научной деятельности и ролью науки (философии) в обществе. Критике подвергается «буддизм» и формализм. Буддисты стоят на «точке равнодушия ко всему человеческому», поднявшись в сферу науки, они из нее не выходят, так как не чувствуют потребности в действии. Для человека наука — момент, по обеим сторонам которого жизнь, для «буддиста» — сфера примирения, «совершенной, замкнутой удовлетворенности». Для формалистов знание стоит выше жизни, наука является исключительной целью, «отвлеченная всеобщность» принимается за безусловное, буква торжествует над духом. Дилетанты здесь получают еще одну характеристику: наука им недоступна, так как они не могут пожертвовать своей личностью. Личность (естественно-непосредственная субъективность) стоит между дилетантом и наукой. Последняя безлична, субъективность в ней «гибнет», то есть становится «сосудом истины», сознательной, свободно-разумной личностью. Следует помнить, что наука у Герцена часто отождествляется с философией, в частности с философией Гегеля.

Типология дилетантизма, представленная в цикле, не просто фрагмент классического наследия, требующий изучения, но основание для сравнения. По контрасту с классическим текстом можно проследить, как цифровая эпоха изменила понятие дилетантизма и социально-психологический портрет его представителей.

Новый дилетантизм

«Если человек зарабатывает тысячи долларов на том, что сам называет хобби, видимо, пришла пора кардинально переосмотреть и понятие “любитель”»⁷. Именно такой шаг делают авторы книги «Pro-Am революция: “Как энтузиасты меняют нашу экономику и общество”»⁸, предлагая термин «профессиональный любитель»⁹. В книге представлен социологический анализ этого

феномена, его количественные и качественные параметры, этика и психология, организация и политика, влияние на развитие локальных сообществ и мировой цивилизации. Проблемы определения, по мнению Ч. Лидбитера и П. Миллера, позволяет решить концептуальный континуум, на одном полюсе которого полные, состоявшиеся профессионалы, на другом — профанная аудитория (энтузиасты, болельщики, дилетанты, зрители). Между ними располагаются три группы, различающиеся по своему профессиональному статусу: 1) опытные, умелые любители; 2) серьезные и ответственные любители; 3) квази-профессионалы.

К последним отнесены прото-профессионалы (ученики и практиканты), полу-профессионалы (получают значительную часть дохода от Pro-Am деятельности) и пост-профессионалы (занимаются любительством после завершения профессиональной карьеры).

Вторая и третья группы образуют корпус профессиональных любителей. Их отличают следующие характеристики: профессиональный любитель действует как любитель, следуя своему влечению, но делает это в соответствии с профессиональными стандартами. С профессионалами его объединяет:

- использование общественно признанных и официально одобренных стандартов мастерства и научного поиска;

- необходимость систематического образования через систему наставничества и социальные организации, которые распространяют знания и обучают навыкам;

- историческая осведомленность, ощущение причастности к традициям и сообществу их носителей;

- формирование самоуправляемых объединений, с которыми Pro-Am себя идентифицируют;

- существенные затраты времени и финансов;

- «сильное ощущение призвания», самоотверженность, страсть, труд, упорство, ответственность, а также переживание тревоги, принятие рисков, преодоление препятствий, участие в борьбе, неизбежные падения и взлеты.

Профессионалов отличает фундаментальная теоретико-познавательная база, к практике они идут от теории, более склонны к анализу и обобщениям. Pro-Am в большей степени погружены в практику, владеют «ноу-хау» и технологиями.

Большая часть Pro-Am занятий приходится на досуговое время, свободное от основной работы. Профессиональный любитель — это не пассивный реципиент развлечений, исповедующий шопинг и релаксирующий в зоне спонтанности и свободы. Его досуг активен и серьезен. Здесь также есть обязательность и контроль, порядок и добровольные ограничения. Здесь овладевают второй (теневой, параллельной) профессией, нацеленной на производство некоммерческих продуктов и сервисов. Это дает своего рода социальную страховку, делает судьбу человека более эластичной. Активный досуг требует физической и ментальной вовлеченности участников. При этом они получают гораздо более интенсивный, желательный и удовлетворительный опыт в сравнении с необходимой работой, официальным образованием или пассивным потреблением. Pro-Am более здоровы, благополучны, глубже переживают радость, силу, самооценку, интеграцию и полноту жизни.

Потребление для профессиональных любителей не что иное, как творчество и производство. Потребительские расходы, финансовая поддержка своих увлечений — это инвестиции в производство продукта, востребованного другими людьми. В ходе потребления выстраиваются формы культурного и символического капитала, формируются «хобби-группы» и заинтересованные аудитории. Понятие «культурного капитала» заимствовано авторами у П. Бурдьё, который различал финансовый (экономический), человеческий (знания и умения), социальный (взаимосвязь и взаимоотношения) и культурный (способность принимать участие в культурных практиках повседневности) виды капитала. Впоследствии экономический или культурный капитал, когда он становится известным и признанным, был обозначен как символический¹⁰. Люди объединяют эти капиталы различным образом, создавая особый стиль жизни и собственную индивидуальность. Профессиональные любители обладают значительным культурным капиталом. Их досуг созидателен. Им нравится учиться и учить других. Это просьюмеры, объединяющие в одном лице производителя и потребителя, разделенных промышленной революцией¹¹. Успех краудсорсинговых проектов, питаемых энергией любительства¹², подтверждает этот статус.

Полезность для общества

Pro-Am революция опровергла утверждение А. И. Герцена о бесполезности дилетантов. Они оказывают разноплановое влияние на жизнедеятельность общества, делают его более сплоченным, динамичным и открытым. Прежде всего, профессиональные любители формируют сеть горизонтальной мобильности. Вертикальная социальная мобильность, измеряемая доходами и богатством, затруднена для значительной части населения. Pro-Am смягчает стратификационный профиль социума, делает его менее жестким, поскольку люди с различными уровнями дохода имеют возможность формировать образ жизни в соответствии со своими интересами. Ограниченная вертикальная мобильность, объединенная с массовой горизонтальной мобильностью, создает «текущее общество», открытое для информационных и культурных потоков.

Профессиональный дилетантизм умножает не только культурный, но и социальный капитал. Социальный капитал — это сети взаимосвязей, которые обеспечивают взаимное доверие и сотрудничество граждан, позволяют им совместно регулировать общественные практики, брать риски, разделять ответственность. Ч. Лидбитер и П. Миллер вслед за Р. Патнэмом, автором книги «Боулинг в одиночестве. Коллапс и возрождение американского сообщества»¹³, различают два вида социального капитала: связывающий и объединяющий. Связывающий социальный капитал, своего рода «социологический суперклей», объединяет людей «внутри» сообщества, создавая не только сильные внутригрупповые лояльности, но и антагонизмы по отношению к тем, кто оказался исключенным. Объединяющий социальный капитал — «социологический WD-40» — связывает людей по различным основаниям и обеспечивает «социальную смазку» общественной системы. Профессиональные любители создают оба вида социального капитала. Они формируют сильные связи вокруг своих интересов. Эти интересы институционализируются различными сообществами, что объединяет людей с самыми разными стилями жизни¹⁴. Тем самым укрепляется взаимная поддержка и дружба, формируются общие идентичности, создается база для кооперации.

Профессиональное любительство является драйвером инновационной экономики. Великие дилетанты-изобретатели XVIII и XIX веков были нонконформистами и свободомыслящими

людьми, чья любознательность продвигала не только практику, но и теорию. Эти традиции наследуют современные Pro-Am. Они действуют, как правило, в тех областях, которые недостаточно организованы для профессионального корпуса, слишком рискованны для корпораций и компаний, маргинальны для исследовательских центров и университетов. Прежде всего, профессиональные любители генерируют прорывные инновации. Последние изменяют способ ведения бизнеса, либо создавая всецело новый продукт или сервис, либо удешевляя прежний. Стартовой площадкой для таких инноваций являются, как правило, малые, экспериментальные рынки. Недостаток средств затрудняет участие в массовых рынках мейнстрима, но не является препятствием для реализации новых идей. Доведение инновации до практического использования — вторая ключевая роль Pro-Am. Чем радикальнее изобретение, тем труднее предсказать его практическую ценность. Внедрение предполагает сотрудничество потребителя и производителя. Например, большинство компьютерных игр имеют встроенные инструменты, позволяющие игрокам создавать и адаптировать контент для своих целей. Знание об игре постоянно развивается в цифровой среде игроков, связанных веб-сайтами и чатами. Официальным выпуском игры становится момент, когда инициатива переходит от отдельных девелоперов к сообществу Pro-Am пользователей. Коммерческая логика продвигает коллективный продукт на массовый рынок. Игра становится более интересной, постоянно обновляемой и востребованной новыми просьюмерами. Профессиональное любительство жизненно необходимо для сервисных инноваций, особенно в сфере здравоохранения, социальной работы и образования. Это третий аспект значимости Pro-Am. Изобретение новых сервисных сценариев также сопровождается активным вовлечением потребителя, который становится более информированным и уверенным в своих действиях¹⁵.

Итак, прорывные инновации, изобретение сервисов и внедрение — такова тройная роль профессионального любительства в развитии инновационной экономики и общества в целом. Не менее важным является фактор конкуренции. Pro-Am сообщества конкурируют с традиционными фирмами, вынуждая последних перестраивать свою работу. Корпорации в ожидании «конца менеджмента»¹⁶ внедряют организационную демократию и мяг-

кое управление. Устрашенные «монстром перемен»¹⁷, они создают креативные сети и кастомизированные рабочие места¹⁸. Творческий беспорядок трансформирует корпоративную религию¹⁹. Профессионалы сотрудничают с любителями. В результате рынки труда становятся более открытыми и гибкими.

Подобные трансформации затрагивают и политическую сферу общества. Кризис традиционных партий и движений сопровождается массовым ростом сетевых Pro-Am коалиций. Люди объединяются вокруг простых общих целей. Эти объединения являются менее затратными и более динамичными. Они имеют легкие структуры, небольшой центральный аппарат, функционируют без вмешательства государства и, как правило, получают мощную медийную поддержку. Свобода ассоциаций и объединений граждан по интересам свидетельствуют о здоровой демократии. Чем больше сектор профессионального любительства, тем больше в обществе свободы и демократии.

Новый гуманизм

Если профессиональные любители процветают в открытом, либеральном, хорошо образованном, богатом и демократическом обществе, в котором люди имеют достаточно свободного времени и материальных ресурсов, то большая часть населения планеты лишена этих благ цивилизации. Цифровой разрыв углубляет социальное неравенство, оттесняя бедные страны на периферию глобального мира. Pro-Am и бедность несовместны. Авторы книги опровергают данный тезис, полагая, что профессиональное любительство успешно работает в самых бедных сообществах²⁰. Развивающиеся страны испытывают дефицит профессионализма: специалисты дороги, их не хватает. Pro-Am восполняет данный пробел. Выдающимся примером такого рода деятельности Ч. Лидбитер и П. Миллер считают систему микрокредитования, реализованную в Бангладеш и других странах Азии. В 1976 году начал свою работу Грэмин Банк, основанный профессором экономики, лауреатом Нобелевской премии (2006) за борьбу с бедностью Мухаммадом Юнусом. Традиционные банки доверяют профессиональной экспертизе, которая зачисляет бедных людей, ищущих небольших займов, в категорию невыгодных клиентов. Грэмин Банк разработал модель Pro-Am экспертизы. Небольшое количество профессионалов обучили целую армию босоногих банкиров, подклю-

чив к управлению финансами сельские комитеты. Профессиональные любители эффективно управляли огромной массой крошечных займов. К 2003 году было выдано четыре биллиона американских долларов почти трем миллионам жителей Бангладеш для строительства защитных сооружений от муссонов²¹. Миллионы бедняков получили защиту от непогоды, тогда как традиционные, профессиональные банки предоставили бы такую возможность ничтожному количеству состоятельных клиентов.

М. Юнус в беседе с проф. П. Дуткевичем поясняет различие двух моделей организации банковского дела следующим образом: «Что бы ни делала традиционная банковская система, я делаю всё наоборот. Традиционная банковская система идет к богатым; я иду к бедным. Они обращаются к мужчинам, я — к женщинам. Они идут в центр города, я — в деревню. Они говорят, что люди должны приехать к ним в офис, я говорю — нет, банк должен идти к людям. Эта система работает и решает проблемы, которые не может решить традиционная система»²². Профессиональные любители оказываются успешнее профессионалов. Система микрокредитования — лишь вершина айсберга, подводная часть которого — фундаментальные представления о природе человека, взаимосвязи эгоизма и альтруизма, сущности капитализма и денег; подходы к решению проблем бедности и безработицы, концепции социального бизнеса²³. Это базовые мировоззренческие позиции, которые хорошо коррелируют с идеологией Рго-Ам революции.

Человек по своей природе творец и созидатель, он обладает «неограниченным потенциалом, неограниченными способностями, неограниченной созидательной энергией». Превращать его в машину для зарабатывания денег — значит допускать, по мнению М. Юнуса, принципиальный изъян в истолковании человека, редуцировать его многомерность лишь к одному, рыночному, измерению. Антропологическая модель экономической теории — человек эгоистический. Это крайне узкая интерпретация человеческого существа. Экономисты превращают нас в «роботов с односторонним мышлением». Да, люди эгоистичны. Однако следует различать эгоизм как систему самозащиты (если ты не за себя, то кто же за тебя?) и эгоизм, причиняющий вред другим людям (если ты только за себя, то зачем ты?). Социальный проект док-

тора Юнуса предполагает, во-первых, новое истолкование природы человека как существа и эгоистического и бескорыстного одновременно, и во-вторых, новую концепцию бизнеса, основанного на альтруистических принципах²⁴.

Социальный бизнес не является благотворительной системой. Благотворительность допустима как временная мера, а не пожизненное содержание. Последнее унижает и уничтожает человека: «Как можно содержать человеческое существо в некоем подобии зоопарка, где его кормят, обеспечивают жильем, но не позволяют выполнять основную человеческую функцию, то есть лишают возможности заниматься деятельностью и наслаждаться тем, что он сделал?»²⁵ Социальный бизнес имеет целью не рост доходности, а решение конкретных проблем и помощь людям. Это неприбыльные компании, способные продуцировать самоподдерживающиеся бизнес-идеи, своего рода альтруистический «вечный двигатель» в экономике. Деньги, потраченные на благотворительные акции, не возвращаются. Деньги, вложенные в социальный бизнес, делают свою работу (например, создают рабочие места) и возвращаются к владельцу, чтобы затем выполнить новую работу, и т. д. Участниками этого процесса могут быть как частные лица, так и правительственные структуры. Форма собственности не имеет значения, также не существенно различие между развитыми странами и развивающимися экономиками. Если есть проблема, следует организовать социальный бизнес для ее решения и тем самым помочь людям.

Новый гуманизм озабочен проблемой бедности. Возможны различные трактовки этого феномена: бедность как отсутствие (дохода, возможностей, будущего) и отрицание всех человеческих прав; бедность как ситуация, в которой люди не приносят пользы ни себе, ни обществу, будучи «выброшенными в мусор», их созидательная энергия заблокирована. Бедность не укоренена в природе человека, она — порождение социальной системы, а потому «неприемлема и не логична». Бедные люди — это люди-бонсай²⁶. Подобно тому, как семена высокого дерева, посаженные в маленький горшок, дадут исходное растение в миниатюре, бедные люди не имеют достаточно места, чтобы расти и развиваться. В обществе, где деньги стали «привычкой, наваждением, пристрастием», из средства превратились в цель и критерий успеха, бед-

ность и безработица рассматриваются как естественные и неизбежные следствия экономической системы. «Если система не может позаботиться о полноценных человеческих существах, которые принадлежат ей, выкиньте эту систему, ибо она не работает. Мы должны разработать новую систему, в которой слово “безработица” будет совершенно неизвестно»²⁷ — радикальность призыва не означает насильственных действий. Бизнес «с человеческим лицом» не отвергает деньги и рынки, но подчиняет их принципам новой гуманности и созидательному пафосу Pro-Am революции.

История и демократия

Манифесты нового дилетантизма можно обнаружить во всех сферах общественной жизни, не исключая государственное управление, юриспруденцию, образование и науку. Интересный опыт сотрудничества профессионалов и любителей предлагает сборник «Историописание в цифровую эпоху», вышедший в издательстве Мичиганского университета в 2013 году. Сборник доступен для читателей как обычная бумажная книга (печать по требованию) и как интернет-публикация, размещенная на сайте Тринити-колледжа в Хартфорде (штат Коннектикут). Авторы считают ее основной, так как она формировалась как типичный краудсорсинговый проект, отражающий все этапы становления текста. Практика «совместного написания истории» предполагала непосредственное участие посетителей сайта в отборе и обсуждении всех материалов сборника от черновых эссе до окончательных вариантов. Авторы могли обсуждать работы друг друга и изменять свои тексты. На сайте размещен подробный инструктаж, адресованный пользователям, желающим принять участие в проекте, а также рубрика «Как менялась эта книга», в которой представлена история формирования сборника с 2010 до 2013 года и его «документация» (отзывы, комментарии, поправки и др.). Статьи отбирались путем открытого рецензирования, поскольку редакторы отказались от приглашения анонимных экспертов. Анонимные рецензенты, как правило, имеют различные представления о критериях оценки и качестве текстов. Субъективизм мнений неустраим. Никто не имеет монополии на объективную истину в условиях плюрализма. Открытое обсуждение текста — более строгая оценка и серьезное испытание для автора.

В сборнике семь разделов. В первом разделе «Пересмотр историописания» обсуждается влияние интернет-культуры на темпоральное мышление и традиционные принципы исторического письма. Академический монолог историка сменяется множеством новых способов репрезентации прошлого (документы, базы данных, форумы, визуальные материалы, устные свидетельства, семейные архивы и др.). Знание о прошлом в его становлении и результатах становится «наблюдаемым» на всех этапах его формирования. Линейная модель исторического времени сменяется многообразием темпоральностей. Второй раздел «Мудрость толпы» посвящен проблемам краудсорсинга в исторической науке: критерии научности «популярной (публичной) истории», совместная работа профессионалов и любителей, угроза утраты контроля над производством исторического знания, тенденциозное прочтение источников и мифологизация прошлого, анализ исторического сектора Википедии. В третьем разделе «Практика, которой вы обучаете, и обучение, которое вы практикуете» обсуждаются новые цифровые технологии в современной системе образования; в четвертом разделе — способы категоризации исторического знания в интернете, в пятом — визуальная, пространственная и игровая версии истории, в шестом — публичная история и гражданские инициативы. Важная тема седьмого раздела «Совместное написание истории. Ваше, Мое и Наше» — эволюция авторства и авторского права в условиях коллективного творчества.

Демократизация историографии, по мнению авторов сборника, имеет двоякие последствия. Прежде всего, оспариваются границы профессионализма. Вовлечение неспециалистов в процесс создания текста отменяет стандарты профессиональной работы или, напротив, утверждает их незыблемость? Популяризация исследовательских навыков сохраняет представление о единой научной культуре или разрушает его? Дилетант, обучаясь, становится профессиональным любителем или же остается дилетантом?

Другая проблема касается статуса историка как посредника между прошлым и настоящим, исторической памятью общества и самосознанием его граждан. В условиях открытости «творческой лаборатории» и публичного контроля за производством знания профессиональный дискурс о прошлом теряет свой привилегиро-

ванный статус. Фигура посредника с его субъективными предпочтениями, конъюнктурными соображениями и манипулятивными возможностями становится всё более проблематичной.

Цифровая демократия изменяет формат и скорость представления научных результатов. Интернет-публикации конкурируют с традиционными вариантами. Тем не менее, доминирование бумажных публикаций сохраняется. В сборнике представлена аргументация, направленная против такого доминирования. Во-первых, существенны экономические соображения относительно оплаты научного труда и дороговизны бумажной книги. Всё меньше людей могут позволить себе покупку необходимой литературы. Во-вторых, важна критика коммерциализации издательского дела. Успех на рынке, продаваемость книги далеко не всегда свидетельствуют о качестве исследования. Научная репутация автора не может быть тождественна его «раскрученности». Вряд ли допустимо профессиональные критерии ставить в зависимость от рыночных факторов. В-третьих, уместны напоминания о креативности цифровой культуры. Интернет-публикации, не ограниченные платным доступом, больше способствуют живому обмену идеями, формированию исследовательских коллективов и сообществ по интересам. Мультимедийные форматы представляют знания о прошлом более персонализированно и разнообразно, что также активизирует творческий поиск и научные коммуникации.

Итак, проблемное поле, обозначенное авторами сборника «Историописание в цифровую эпоху», требует глубокой проработки и серьезного обсуждения, выходящего за рамки настоящей публикации. Поэтому в заключение работы возвращаемся к феномену Pro-Am революции, ее неизбежности и перспективам.

Перспективы

Первым пророком Pro-Am экономики Ч. Лидбитер и П. Миллер называют Карла Маркса²⁸, ссылаясь на тот эскиз коммунистического общества, который был представлен в «Немецкой идеологии». На смену труду придет самодеятельность: каждый сможет охотиться утром, ловить рыбу днем, критиковать после обеда, не становясь при этом охотником, рыбаком или критиком. Дальнейшая модификация концепции сместила акценты с тезиса о всестороннем развитии личности и произвольном выборе занятий

к проблематике свободного времени. И это предвидение оказалось вполне реалистическим, поскольку приближается к осуществлению, по крайней мере для той части населения развитого мира, которое располагает энергией и ресурсами профессиональных любителей. Эта армия будет постоянно расти под воздействием таких социальных и демографических факторов, как: увеличение продолжительности жизни; растущий уровень образования; рост потребности в самореализации; расширение горизонтальной социальной мобильности; изменения в паттернах занятости; рост доходов и стремление к более высокому качеству жизни. Всё это создает более сложный и разнообразный жизненный ландшафт и новые возможности для Pro-Am активности. С одной стороны, новый дилетантизм или профессиональное любительство — это индивидуальный стиль жизни, личностный выбор и персонализированные практики, а с другой — это значимые социальные перемены, имеющие резонанс как в локальном сообществе, так и в глобальном масштабе. Знание, прочно удерживаемое в руках профессионалов, будет смещаться в сети любительских объединений. Полярные категории, которые использует наука, анализируя общество (досуг / работа, профессионал / любитель, интеллигент / интеллектуал), будут пересмотрены. Новый дилетантизм принесет в жизнь общества новые формы организации, которые предполагают доверие и сотрудничество, сетевую связанность, легкую структуру и самоуправление. «Профессионалы — в науке и медицине, войне и политике, образовании и социальном обеспечении — формировали XX век благодаря своим знаниям, власти и институтам. Они еще будут жизненно необходимы в XXI веке. Однако новая влиятельная (driving) сила, создающая новые потоки знания, новые виды организаций, новые источники власти, будет именоваться профессиональными любителями»²⁹.

Общество знаний, по прогнозам аналитиков, будут населять «цифровые аборигены»³⁰, поколение, выросшее в сфере социальных медиа. Сетевые коммуникации для них — естественная среда обитания. Они активны, хорошо информированны и коммуникабельны. Они «создают медиа с таким же энтузиазмом, с каким предыдущие поколения потребляли их»³¹. Это креативное поколение, которое формирует наше будущее.

Как связана проблема современного креатива с традиционной проблематикой интеллигентоведения? Если «смерть интеллигенции» — это рождение интеллектуала, то «смерть интеллектуала» — конец экспертократии и рождение «мудрой толпы», коллективного разума. Согласно Всемирному докладу ЮНЕСКО (Париж, 2005), общества знаний — это социальные корреляты информационного общества (свобода выражения мнений, качественное образование для всех, универсальный доступ к знаниям и информации, уважение культурного и языкового разнообразия). «Мудрость толпы» — социальный и этический коррелят интеллекта, не имеющего нравственных ограничений; это рациональность поколения, которое несет глобальную ответственность за будущее человеческой цивилизации.

Примечания

- ¹ *Шуровьески Д.* Мудрость толпы : почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум влияет на бизнес, экономику, общество и государство. М., 2014.
- ² *Герцен А. И.* Дилетантизм в науке // Сочинения : в 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 95.
- ³ Там же. С. 124.
- ⁴ Там же. С. 125—126.
- ⁵ Там же. С. 99.
- ⁶ Там же. С. 113.
- ⁷ *Хау Д.* Краудсорсинг : коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М., 2012. С. 32.
- ⁸ *Leadbeater Ch., Miller P.* The Pro-Am Revolution : How Enthusiasts are Changing our Economy and Society. L., 2004.
- ⁹ Professional amateur (сокр. Pro-Am).
- ¹⁰ *Бурдые П.* Начала. М., 1994. С. 199.
- ¹¹ *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М., 2001. С. 288.
- ¹² К числу наиболее успешных проектов, основанных на принципах краудсорсинга, могут быть отнесены: разработка операционной системы Linux и движение за открытые исходные коды в программном обеспечении; общедоступная онлайн-энциклопедия Wikipedia, содержащая более двух миллионов статей на двухстах пятидесяти языках мира; бизнес-компания Threadless, выросшая из американского интернет-проекта по продаже футболок в результате «демократизации

- дизайна»; поисковая система Google, основанная на принципе «совместной фильтрации»; интернет-сообщество iStockphoto, организованное по модели «микростока» — интернет-площадки, на которой продаются иллюстрации, фотографии и др. В Российской Федерации примерами успешного краудсорсинга являются проекты Московского центра «Открытое Правительство»: «Наш город», «Наши маршруты», «Московский стандарт детского отдыха», «Мой офис госуслуг», «Модели формирования управляющих советов в школах», «Московская поликлиника».
- ¹³ Putnam R. D. *Bowling Alone : the Collapse and Revival of American Community*. N. Y., 2000.
- ¹⁴ *Leadbeater Ch., Miller P.* Op. cit. P. 49.
- ¹⁵ Ibid. P. 52—53.
- ¹⁶ Клок К., Голдсмит Дж. *Конец менеджмента и становление организационной демократии*. СПб., 2004.
- ¹⁷ Дак Дж. Д. *Монстр перемен : причины успеха и провала организационных преобразований*. М., 2002. С. 339—385.
- ¹⁸ *Менеджмент XXI века : когда-нибудь мы все будем так управлять / под ред. С. Чоудхари*. М., 2002.
- ¹⁹ Кунде Й. *Корпоративная религия : создание сильной компании с яркой индивидуальностью и корпоративной душой*. СПб., 2004.
- ²⁰ *Leadbeater Ch., Miller P.* Op. cit. P. 11.
- ²¹ Ibid. P. 12.
- ²² *22 идеи о том, как устроить мир : беседы с выдающимися учеными / под ред. П. Дуткевича и Р. Саквы*. М., 2014. С. 25.
- ²³ Yunus M. *Creating a World without Poverty : Social Business and the Future of Capitalism*. Public Affairs, 2009.
- ²⁴ *22 идеи о том, как устроить мир*. С. 23.
- ²⁵ Там же. С. 24.
- ²⁶ Там же. С. 19.
- ²⁷ Там же. С. 23.
- ²⁸ *Leadbeater Ch., Miller P.* Op. cit. P. 70.
- ²⁹ Ibid. P. 71.
- ³⁰ Термин предложен писателем и разработчиком видеоигр Марком Тренски, обозначает поколение, достигающее совершеннолетия в эпоху Интернета. Все остальные люди — «цифровые иммигранты».
- ³¹ Герцен А. И. Указ. соч. С. 245.

ББК 63.211

Е. А. Григорьева

**СОВЕТЫ УЧЕНОГО
ОБ УПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВОМ
В ТРАКТАТЕ ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО
«ВОСПИТАНИЕ ХРИСТИАНСКОГО ГОСУДАРЯ»**

Мысли о наилучшем способе управления, который обеспечил бы процветание общества, волнуют просвещенные умы с самого возникновения государства. Обращаясь к ренессансным источникам, можно обнаружить множество трудов, посвященных проблеме идеального правителя и подготовке его к государственной деятельности. В преддверии Реформации, когда Европа находилась на пороге масштабных религиозных войн, наибольшее распространение получила идея воспитания монарха и управления государством на основе принципов христианской этики. Образ идеального христианского правителя, а также пути его достижения были обозначены в труде Эразма Роттердамского «Воспитание христианского государя» (*Institutio principis Christiani*), ставшем настольной книгой не одного поколения монархов. Данный трактат относится к числу так называемых политических сочинений гуманиста. Роттердамец не был политиком, и в его обширном наследии доминируют теологические, педагогические и литературные труды. В памяти потомков Эразм сохранился как богослов, экзегет, переводчик и педагог. Именно эти аспекты его творчества привлекали внимание исследователей в первую

© Григорьева Е. А., 2015

Григорьева Екатерина Андреевна — аспирант кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. kat-karasyova@yandex.ru

очередь¹. Насколько нам известно, первым обратился к рассмотрению политических (пацифистских) идей Эразма англиканский проповедник, эссеист В. Нокс, который своим переводом и публикацией трактата «Antipolemus, 1510» заложил основы исследования политических идей нидерландского мыслителя в Новое время². В. Нокс ссылаясь на пацифистский труд гуманиста в своих проповедях против войны с Францией. В целом же вплоть до 1914 г. данный аспект творчества гуманиста оказался практически не исследован. Политические воззрения Эразма стали предметом изучения зарубежных медиевистов только в начале XX в. в связи с событиями Первой мировой войны и развитием фашистского движения в Европе³. Анализ различных составляющих политической теории Роттердамца был осуществлен в 1936 г. в ходе двух конференций, прошедших в Роттердаме и Базеле. Рассмотрению подлежали чрезвычайно злободневные для 30-х гг. XX в. вопросы отношения к войне, нации и национализму⁴. Одним из результатов конференции был английский перевод «Воспитания христианского государя» с комментариями, выполненный Л. К. Борном⁵. Так было положено начало исследованиям политической этики Эразма.

В отечественной медиевистике политические воззрения Роттердамца не привлекали специального внимания исследователей. Лишь в 2001 г. российская наука обзавелась первым русским переводом трактата «Воспитание христианского государя»⁶. Однако за десятилетие, прошедшее со времени данной публикации, как политические воззрения Эразма в целом, так и его трактовка проблемы идеального управления государством остались вне исследовательского поля отечественных ученых⁷, в то время как данная проблематика приобретает всё большую актуальность⁸.

Свой труд гуманист посвятил принцу Карлу, будущему Карлу V Габсбургу, когда был приглашен к нему на должность советника. Точную дату написания трактата назвать достаточно сложно⁹, однако из письма издателя Иоганна Фробена¹⁰ становится ясно, что впервые опубликован он был в июне 1516 г. Книга часто переиздавалась, что свидетельствует о ее высокой актуальности и востребованности. Современники были склонны воспринимать ее как инструкцию, готовые рецепты государственного управления¹¹. Только в 1516 г. трактат выходил в свет 5 раз. Близкий друг гуманиста

Джон Колет так оценил его труд: «Ты правильно сделал, написав “О воспитании христианского государя”. О, если б христианские правители следовали добрым наставлениям»¹².

Сама идея создания подобного сочинения отнюдь не нова для политической культуры Средневековья. Опусы в жанре «зерцал для правителей» (*speculum principum*) периодически появлялись в разных странах Европы задолго до Эразма. *Inter alia*, в Англии вопрос о необходимых качествах правителя и путях их достижения был поставлен еще в 1159 г. в трактате «Поликратик» Иоанна Солсберийского; в 1217 г. Гиральд Камбрийский затронул проблему воспитания государя в одноименном трактате «*De principis instructione*»¹³. В 1265 г. трактат «О правлении государей» (*De regimine principum ad Regem Cypri*) Фомы Аквинского содержал советы и наставления несовершеннолетнему королю Кипра Уго II Лузиньяну¹⁴. Однако сложная политическая обстановка и напряженные отношения между Францией и Священной Римской империей, грозящие началом новой европейской войны, обуславливали злободневность и важность подобных наставлений. Помимо этого создание данного трактата имело важное значение для самого гуманиста. В «Воспитании христианского государя», по словам самого Эразма¹⁵, он продолжил развивать идеи, высказанные в «Похвале глупости» и «Оружии христианского воина», осветив проблему наилучшего способа управления государством и сформулировав, тем самым, свои политические воззрения. Кроме того, написание подобных наставлений и посвящение их правителям, будучи элементом практики литературного патроната, помогало гуманисту обрести покровителя, выразить ему признательность за благодеяния.

Свой трактат Роттердамец посвятил будущему императору Карлу V¹⁶. С помощью великой силы слова Эразм стремился приблизить его и всех сильных мира сего к идеалу христианского правителя, которым для него был государь, руководствующийся примером Христа как «короля королей, самого великого и самого лучшего». Позже, в 1518 г., несколько переработав трактат, автор отправил его принцу Фердинанду, который, по словам гуманиста, всегда хранил его при себе¹⁷. В 1517 г. новое издание трактата было адресовано английскому королю Генриху VIII, давнему покровителю гуманиста¹⁸. Между королем и «наставником мира»

велась активная переписка. Письма гуманиста к Генриху VIII — не только образец красноречия, но и важнейший источник, характеризующий его политические воззрения и идеалы. Буквально в каждом своем послании Эразм высказывает ценные советы по государственному управлению, ссылаясь на исторические примеры. Так, в письме Генриху, написанном в июле 1513 г., он делает акцент на важности тщательного отбора советников, а также методах определения истинных и мнимых друзей¹⁹.

Приступая к наставлениям, Эразм выделяет два варианта воцарения правителя: по результатам выборов или в соответствии с правом наследования. В том случае, если государь избирается, ответственность за соответствие идеалу лежит на людях, его избравших, для которых процветание государства должно быть наивысшей целью. Данная мысль неоднократно повторяется в трактате. В случае же перехода власти в руки государя по наследству, надежда на хорошего правителя, по словам гуманиста, опирается на выбор его наставника; ведь «ничто не проникает так глубоко и не коренится так цепко, как то, что усвоено в первые годы»²⁰.

Далее гуманист описывает требования, предъявляемые к воспитателю государя: этот наставник должен не только привить юному принцу основы всех моральных принципов, но и хранить его от нежелательных ассоциаций, которые могут испортить или обольстить его²¹. Важную роль в деле подготовки государя играют личностные характеристики наставника, который должен обладать непререкаемым авторитетом и исходить в своей деятельности из индивидуальных способностей и склонностей воспитанника, опираясь в обучении на метод простых аналогий. Вообще «Воспитание христианского государя» зачастую рассматривается не только как политический трактат, но и дидактический. На его страницах во множестве можно обнаружить конкретные формы и методы обучения. Так, например, изучение некоторых аспектов социальной жизни общества автор предлагает организовать на основе сопоставления с социальной жизнью пчел и муравьев.

Возвращаясь к проблеме идеального правления, следует подчеркнуть, что оно строится у Эразма на принципах христианской религии. Он предписывает: «Следуй добру, не причиняй никому зла, не грабь никого, не продавай общественной службы, не портись принятием взяток» несмотря на то, что государственная

казна при этом может пострадать²². Эразм также указывает, что главе государства не следует идти на поводу у своих эмоций, личные амбиции должны быть забыты в угоду общему благу его народа: «Обычные люди недисциплинированы по своей природе, и руководители легко портятся из-за алчности или амбиций. Незапятанный характер правителя — один лишь оплот в лавине зла. Его победа над глупыми идеями и основными инстинктами станет последним лучом надежды на всеобщее благосостояние»²³. При этом гуманист достаточно много внимания уделяет сравнению хорошего и плохого государя. Последнего он представляет в виде дикого животного и тирана, использующего свою власть и положение ради личной выгоды. Образ хорошего властителя, напротив, строится мыслителем на основе сочетания христианской этики и монаршего авторитета, как пишет в своих исследованиях Л. Борн²⁴; отсюда вытекает и характерная для гуманиста аналогия государства как большой семьи с милостивым государем во главе.

Однако автор трактата делает оговорку, что абсолютная монархия как форма правления может быть наилучшей, если есть соответствующий правитель, обладающий всеми необходимыми качествами, что, по его мнению, едва ли возможно; в противном случае лучшим государственным устройством будет монархия, ограниченная аристократией или демократией.

Отношения между властью и обществом — еще один вопрос, затронутый Эразмом. Роттердамец отмечает, что подданные государя — не его рабы, но именно они приносят ему доход и готовы исполнять его волю. Именно поэтому важно, чтобы привязанность людей к правителю основывалась не на страхе, а на христианской любви. Страхась государя, подданные подчиняются ему лишь телом, но не душой. Христианский же государь в глазах народа приобретает подлинное уважение и готовность пожертвовать всем ради общего благосостояния. Нидерландский гуманист так описывает общественное мнение об идеальном правителе: «Ни одному они (подданные) не готовы отдать свои богатства так, как тому, кто, по их мнению, использует их для развития общего блага, и тем вернет их с лихвой»²⁵.

Сам Эразм прекрасно осознает всю сложность достижения описанного им идеала, отмечая, что правителю следует для этого обладать рядом специфических черт, качеств и способностей.

Кроме того, необходима и великая мудрость, чтобы следовать избранному пути.

Идеальное правление, в понимании Эразма Роттердамского, помимо всего прочего, предполагает защиту мира. Христианский государь должен управлять своими владениями так, чтобы надобность в войне не возникала вовсе. Для этого гуманист предписывает, во-первых, исследовать свои владения с помощью изучения истории и географии, а также путешествий. Лучшие правители при этом выходят, по его мысли, из тех, кто рожден и воспитан в своей стране; кто обладает незримой связью с ее населением, понимает его проблемы и чаяния. Во-вторых, ему следует изучить природу людей вообще и географические особенности всех стран, чтобы создать для государства дружественные связи с соседями, обезопасив его тем самым от военной угрозы и обеспечив поддержку извне.

В соответствии со своими пацифистскими идеалами Эразм рассматривает войну только как крайнюю меру. Еще в панегирике Филиппу 12 годами раньше, Роттердамец ратовал за то, что если война неизбежна, то мир должен быть заключен так скоро, как это возможно, с наименьшим кровопролитием и страданием для людей²⁶.

Эразм всячески старался предостеречь государя от развязывания и участия в войнах. 23 августа 1523 г. в период обострения отношений между Францией и Испанией, связанных с избранием нового императора Священной Римской империи, в котором Англия в лице Генриха VIII должна была выступить в качестве посредника, гуманист пишет английскому королю письмо, где излагает свою доктрину излечения духа от агрессии и вражды с помощью Священного Писания. Он описывает «болезни тела политики», стремясь через увлечение короля теологией и медициной натолкнуть его на размышления о злоупотреблении властью и необходимости использования «медицины Христа» для всеобщего оздоровления. Главным лекарством больного тела мыслитель называет беседу. Однако данное средство должно исходить от проверенного врача, каким у Эразма выступает апостол и евангелист Лука. Сравнивая Евангелие с фармацевтическим препаратом, он пишет Генриху: «Его не следует запивать, но скорее проглатывать, чтобы попало в желудок, так оно распространяется через вены по всему организму. Тогда, наконец, человека начинает тревожить отвращение к прежней жизни; однако за ним следует великое спокойствие души»²⁷.

Своей главной целью в данном письме гуманист ставил направление Генриха VIII на путь освобождения от амбиций в войне и обращение ума к ревностному исканию мира. Мыслитель считал это возможным ввиду того, что по заключенному в 1518 г. Лондонскому договору Англия получила роль посредника в отношениях между Францией и Империей, находящихся в состоянии практически непрерывных междоусобных войн. Однако Эразм в то же время понимает, что, наставляя одного короля, можно добиться мира для одной нации, но не для всей земли. Единственным «международным средством», смягчающим души всех наций, он признает Евангелие, подчеркивая в своем письме, что «много миллионов людей, отказавшихся от законов отцов, оставили религию большинства, оставили удовольствия и пороки, к которым привыкли в ранние времена, исполненные новым полюболюбившимся им учением, они согласились независимо от языков и образования прийти к определенной “философии смирения”»²⁸. Таким образом, гуманист в духе своей философии Христа доказывал государям, что божественная правда универсальна, сильнее политической власти и не имеет национальных границ²⁹.

Не менее сложной задачей становится, по мысли гуманиста, поддержание мира внутри государства, который вернее всего может быть обеспечен посредством четких и правильных законов и умеренной и отлаженной системой налогообложения. Снижение налогового бремени, возложенного на население, осуществляется при этом путем отказа принца от всякого рода излишеств и оптимизации деятельности чиновничьего аппарата. Эразм советует принцу Карлу: «Правителю следует усердно направить свои мысли на сокращение своих требований к людям до минимума. Самый желанный путь к увеличению дохода — отказ от бесполезных излишеств, упразднение простоя министров, избегание войн и длительных путешествий, любимых ими (по их эффектам), искоренение взяточничества среди должностных лиц; интересоваться следует больше надлежащим управлением королевства, чем расширением его границ»³⁰. Мыслитель высказывает также и популярную в наше время идею обложения налогами предметов роскоши.

Правопорядок в обществе должен быть обеспечен четкой системой законов. По словам автора трактата, «самое благообразное согласие царит там, где правителю повинуются все,

а правитель повинуется законам, и законы вновь становятся фундаментальным принципом справедливости и чести, и нет другой цели, кроме улучшения общего благосостояния»³¹. Сами законы при этом должны быть точны, справедливы и направлены на общее благо. Главной их целью является, скорее, предотвращение преступлений и проступков, нежели наказание после их совершения. Достижение данной цели возможно только с помощью реализации образовательной политики в отношении населения и управления существующими законами через разумных и благородных чиновников³².

При составлении законодательных актов правитель обязан исходить из принципов лаконичности, справедливости и просвещения народа. Законодательная база государства должна постоянно обновляться в соответствии с требованиями и условиями времени.

Очерчивая круг обязанностей, Эразм подчеркивает, что христианский государь не только должен уделять пристальное внимание подбору должностных лиц и контролю за их деятельностью, но и лично принимать участие в общественных делах. Следуя примеру античных правителей, ему надлежит издавать законы, исправлять бедность одних, ликвидировать зло других; наказывать коррупцию магистратов; облегчать бремя бедности; освобождать страну от бандитов; поощрять внутреннюю сплоченность среди людей. Кроме того, ему следует путешествовать по своей стране, украшая ее сооружением публичных зданий, помогая ее экономике и содействуя благу общества построением мостов, церквей, акведуков, осушением болот, выкапыванием каналов и разумным использованием арендаторской земли³³.

В целом Эразм так характеризует правление идеального государя: «Правитель, который знаком с учением Христа и находится под защитой мудрости, не будет ничего считать дороже благосостояния его людей, которых ему следует любить и заботиться о них и как королю и как простому человеку. Все его планы, все его интересы, все его усилия следует направить на управление вверенной ему провинцией в такой манере, что, когда Христос произведет окончательный подсчет, он будет одобрен; и что он оставит честную память о себе среди всех его людей»³⁴.

Итак, анализ трактата «Воспитание христианского государя» и ряда посланий из переписки Эразма и Генриха VIII

позволяет нам представить образ идеального правления, созданный пером великого интеллектуала. Наивысшим благом для государства, по мнению гуманиста, является принц, рожденный в данной стране, знакомый с ее историей и традициями, осознающий проблемы и чаяния коренного населения. Воспитанием государя должен заниматься авторитетный наставник, прививающий будущему правителю основные христианские принципы: любовь к людям и стремление к службе на общее благо народа. Идеальный государь при этом не только обязан тщательно отбирать должностные лица и осуществлять контроль над ними, но и лично принимать участие в общественных делах.

Наилучшей формой правления мыслитель считает ограниченную монархию, так как монархия абсолютная легко перерастает в тиранию, ввиду человеческой природы, легко коррумпирующейся и склонной к использованию власти ради личной выгоды. Более всего ценится правитель, которого не боятся, а почитают подданные за его авторитет, честность, справедливость, внимательность и чувствительность к бедам народа.

Главной задачей государя, по мысли Эразма, является установление и поддержание мира как внешнего, так и внутреннего. Внешний мир обеспечивается путем налаживания добрососедских отношений с другими странами через заключение договоров и междинастических браков. Война признается гуманистом наивысшим злом, а потому прибегать к ней государь может только в крайнем случае. Установление мира во всем мире возможно при этом лишь при усмирении амбиций правителей, достигаемом изучением и следованием учению Христа. Внутренний мир в государстве может быть достигнут путем создания четкой, справедливой и направленной на общее благо системы законов, а также умеренного налогообложения. Увеличивает доходы государства идеальный правитель с помощью отказа от различного рода излишеств и сокращения расходов на содержание двора и чиновничьего аппарата. Интересно, что Эразм высказывает достаточно прогрессивную для своего времени мысль о введении налога на роскошь. Таким образом, советы об управлении носят, в соответствии с просветительскими устремлениями Роттердамца, по преимуществу этический характер, в противоположность рекомендациям Н. Макиавелли, чей трактат «Государь» был написан незадолго до публикации «*Institutio principis Christiani*».

В своих многочисленных произведениях и корреспонденции Эразм стремился донести до правителей, знати и простолюдинов христианские законы общежития. Мыслитель возлагал огромные надежды на Карла V и Генриха VIII. С ними гуманист связывал мечты о восстановлении и развитии литературы, установлении мира в Европе, надеясь на наиболее полное воплощение в них образа идеального правителя. Однако советы относительно казны и сокращения расходов на двор мало соотносились с реалиями политической культуры эпохи становления абсолютизма. В период продолжающихся Итальянских войн, в условиях грядущих религиозных конфликтов Реформации этические советы Эразма Роттердамского были недостижимым идеалом, они не соответствовали властным практикам того времени.

Примечания

- ¹ Наибольший интерес в XVIII—XIX вв. представляли спор Эразма с Лютером о свободе воли; перевод и комментарии к Новому Завету, использование гуманистом критического метода в теологии; критика Эразмом У. Гуттена и другие подобные сюжеты. Подробнее см.: *Mansfield B.* Man on His Own : Interpretations of Erasmus, С. 1750—1920. Toronto ; Buffalo ; London, 1992. Т. 2.
- ² Перевод был выполнен в 1794 г., широкую известность получила публикация его в составе трудов В. Нокса: *Erasmus Desiderius.* Antipolemus, or the Plea of Reason, Religion, and Humanity against war // *Knox V.* The Works of Vicesimus : in 7 vol. L., 1824. Vol. 5. P. 431—497.
- ³ *Mansfield B.* Op. cit. P. 82—83.
- ⁴ *Mansfield B.* Erasmus in the Twentieth Century : Interpretations of Erasmus, С. 1920—2000. Toronto ; Buffalo ; London, 2003. P. 4.
- ⁵ *Desiderius Erasmus.* The Education of a Christian Prince / Trans. by L. K. Born. N. Y., 1936 ; 2nd ed.: N. Y., 1968.
- ⁶ *Эразм Роттердамский.* Воспитание христианского государя / пер. с лат. и коммент. А. В. Тарасовой. М., 2001. Мы пользовались оцифрованной версией латинского издания 1519 г.: Des. Erasmi Institutio principis Christiani. Basiliae : Froben, 1519. URL: <http://books.google.ru/books?id=0XdTAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 15.01.2015).
- ⁷ Следует упомянуть труды, в которых исследовались некоторые аспекты политических идей Эразма: *Смирин М. М.* О политической концепции Эразма Роттердамского // Ежегодник германской истории, 1972. М., 1973 ; *Смирин М. М.* Эразм Роттердамский и реформационное движение

- в Германии. М., 1978. С. 18—25 ; *Маркиш С. П.* Знакомство с Эразмом из Роттердама. М., 1971. С. 107, 202—207.
- ⁸ Трактат «Воспитание христианского государя» принято рассматривать вместе с другим политическим сочинением Роттердамца — «Панегириком Филиппу герцогу Бургундскому» (1504). Предисловием к «Панегирику» служило письмо Эразма одному из своих покровителей — Жану Дезмарэ. Подробнее о создании «Панегирика», о взглядах Эразма на отношения с правителями, а также первый русский перевод послания Ж. Дезмарэ (Иоанну Палудану) см.: Письмо Эразма Роттердамского Жану Дезмарэ // Преподаватель, XXI век. 2014. Вып. 2 (1). С. 259—270.
- ⁹ Точная дата написания трактата вызывает сомнение из-за несоответствия данных в корреспонденции самого гуманиста. Его собственное первое упоминание о труде обнаруживается в письме Доменико Гримани (май 1515 г.), где он рассказывает, что занят этим небольшим трактатом, который он посвящает принцу Карлу. В письме к Мартину Дорпу (май 1515 г.) есть та же новость. Таким образом, может показаться, что труд был написан до назначения гуманиста на должность советника. Однако этому противоречит сообщение Эразма в письме И. Ботцхейму (1523 г.) о том, что он не начинал работу для принца до тех пор, пока не был назначен и не прибыл ко двору, то есть до начала 1516 г. См.: *Erasmus Desiderius. Opus Epistolarum Desiderii Erasmi Roterodami* / Ed. P. S. Allen, H. M. Allen, H. W. Garrod : in 11 vols. Oxford, 1906—1947 (далее — *Opus epistolarum*). Упомянутые письма см.: *Opus epistolarum*. Vol. 2. P. 78, 113 ; Vol. 1. P. 19.
- ¹⁰ *Ibid.* Vol. 2. P. 250.
- ¹¹ *Born L. K.* Erasmus on Political Ethics : the *Institutio Principis Christiani* // *Political Science Quarterly*. 1928. Vol. 43, № 4. P. 522.
- ¹² «*Recte fecisti scribens De Institutione principis Christiani. Utinam principes Christiani sequerentur bonas institutiones*» (*Opus epistolarum*. Vol. 2. P. 257—258).
- ¹³ Подробнее об английских трудах, выполненных в жанре «зерцал для правителей», см.: *Ferster J.* *Fictions of Advice : the Literature and Politics of Council in Late Medieval England*. Philadelphia, 1996 ; *Green R. F.* *Poets and Princepleasers : Literature and the English Court in the Late Middle Ages*. L., 1980. Ch. 5.
- ¹⁴ См.: *Аквинский Ф.* О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI—XVII вв. Л., 1990. С. 217—244. Об особенностях этого жанра наставлений см.: *Nederman C. J.* *The Mirror Crack'd : the *Speculum Principum* as Political and Social Criticism in the Late Middle Ages* // *The European Legacy*. 1998. № 3. P. 118—38.
- ¹⁵ Подробнее см.: *Opus epistolarum*. Vol. 2. P. 93.
- ¹⁶ См. письмо-посвящение принцу Карлу: Там же. P. 205—208.

¹⁷ Opus epistolarum. Vol. 3. P. 536.

¹⁸ Свою встречу с Генрихом в 1499 г. Эразм описал в письме к Ботцхейму от 30 января 1523 года: «В центре стоял Генрих, мальчик 9 лет, но уже наделенный гордой королевской манерой, которая проявляется в благородстве ума в сочетании с исключительной любезностью в поведении... Мор и его друг Арнольд, выразив свое уважение к Генриху, под чьим правлением Великобритания пребывает, предложили ему некое письмо, содержание которого я не знаю. Я же, не ожидая ничего подобного и не имея ничего, чтобы предложить, обещал, что докажу свою преданность ему в каком-либо виде в то или другое время. Тем временем я был рассержен на Мора, что он не предупредил меня и особенно потому, что юноша отправил мне записку во время обеда, бросая вызов моему перу. Я пошел домой, и хотя музы, с которыми я долгое время не ладил, были враждебны ко мне, я написал оду за три дня» (Opus epistolarum. Vol. 1. P. 6). Через три дня после их знакомства гуманист отправил принцу большое стихотворение «Великая Британия, которая некогда была названа Альбионом, а ныне зовется Англией, радующаяся доблести непобедимейшего короля Генриха и выдающемуся таланту королевского отпрыска» (*Pomperdamский* Э. Стихотворения. М., 1983. С. 126—132).

¹⁹ Opus epistolarum. Vol. 1. P. 529—530.

²⁰ «Nihil enim ita penitus infidit et inhaerescit, ut quod primis illis inseritur annis...» (Des. Erasmi Institutio... P. 11).

²¹ Ibid.

²² «Я скажу: пока ты следуешь прямо, пока никому не причиняешь зла, никого не грабишь, ни одну не продаешь государственную должность, не порочишь себя принятием взятки: несомненно твоя казна имеет меньше» (Des. Erasmi Institutio... P. 26).

²³ Ibid. P. 31.

²⁴ *Born L. K.* Erasmus on Political Ethics // *Political Science Quarterly*. 1928. Issue 43. P. 520—543.

²⁵ Des. Erasmi Institutio... P. 31.

²⁶ Opus epistolarum. Vol. 1. P. 402.

²⁷ Ibid. Vol. 5. P. 317.

²⁸ Ibid. P. 319.

²⁹ *Marjorie R. B.* Erasmus's Prescription for Henry VIII : Logotherapy // *Renaissance Quarterly*. Vol. 31, № 2. P. 161—172.

³⁰ Des. Erasmi Institutio... P. 88.

³¹ Ibid. P. 93.

³² Ibid. P. 96—107.

³³ Ibid. P. 107—109.

³⁴ Ibid. P. 115.

М. С. Ракова**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА**

Человек в глобальном мире становится всё более одинок; пытаясь ниспровергнуть христианские мифы, мыслящий индивид постхристианской культуры вместо них придумывает новые, всю зыбкость которых не может не видеть. С глобализацией тесно соприкасаются проблемы обезличивания человека, знания без понимания, утраты смыслов. Сами по себе любые средства коммуникации не являются злом; их делает таковым свободный выбор или сознательно выбираемое безволие перед торжествующей тьмой тех, кто ими пользуется. В итоге всё это может превратить человека из субъекта исторического процесса в его объект. Говоря об интеллигенции, В. С. Меметов отметил, что «она была, есть и будет прямым отражением социально-экономических, политических, национальных, культурных и других отношений в любом обществе»¹. В этой связи представляется важным рассмотрение вопроса, как воспринимает интеллигенция информационное пространство глобального мира, показать некоторые из попыток интеллигенции сформулировать ответ на вызовы новой глобальной реальности, связанной с феноменом антигуманизма.

По мнению Н. Н. Васильева, «пространственно-временные границы мира современного человека сузились кардинально. XX век — уже почти древность, по крайней мере, для людей среднего и молодого поколений. Фундаментальные представления о пространстве включают в основном поверхность Земли, которая по практическим взглядам мало отличается от плоской тверди. В то же время масштаб разницы между далеким и близким существенно уменьшился. Одной из глубинных причин всех вышеупомянутых негативных моментов является истори-

© Ракова М. С., 2015

Ракова Мария Сергеевна — соискатель кафедры культурологии и литературы Шуйского филиала ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет». rakova@yandex.ru

ческий процесс глобализации. Большая часть негативности, сопутствующая этому естественному процессу, происходит из-за доминирования в нем западной цивилизации. Это превращает глобализацию в вестернизацию и приводит по всему миру к вандализации массовой культуры, насильственной унификации и примитивизации мировоззрения»².

Примитивизация неизбежно затрагивает разные сферы, в том числе и образовательную, что не может не приводить к определенным рискам. Как отмечали О. Н. Масленникова и С. С. Садина, «выведение гуманитарного знания за пределы прагматических, утилитарных потребностей техспециалистов, по крайней мере, алогично и рискованно»³. В целом же отказ от традиции формирует культуру нового типа, рассматриваемую многими как антикультура, а «угасание культурной жизни, — по словам В. П. Океанского, — есть охлаждение вечности, умирание ее в качестве культурного истока — на месте одного воцаряются “развитие”, “история”, “время”»⁴. Вместе с новой культурой появляется и новый человек, личностное начало которого недостаточно выражено.

Еще Роман Гвардини в «Конце Нового времени» писал об обезличивании человека XX века: «Нам могут, правда, возразить, что личностное начало проявляется в вождях, которых порождает этот человеческий тип; в новой разновидности властителей и преобразователей человечества. Но, как мы уже отмечали, это будет неверно; главная особенность нынешнего вождя состоит, видимо, как раз в том, что он не является творческой личностью в старом смысле слова, то есть развивающейся в исключительных условиях индивидуальностью; он лишь дополняет безликое множество других, имея иную функцию, но ту же сущность, что и они»⁵. В этом же труде философ прозорливо отмечал, что «Новое время любило обосновывать применение техники соображениями пользы и благополучия человека. Этим прикрывались те опустошения, которые причиняло беззастенчивое использование техники. Грядущая эпоха заговорит, я думаю, по-другому. Человек этой эпохи знает: техника в конечном счете не имеет отношения ни к пользе, ни к благополучию, речь идет о власти; о власти в предельно широком смысле слова. Носитель такой власти пытается наложить руку на первичные элементы природы и человеческого бытия. Это означает необозримые возможности строитель-

ства, но также и разрушения, особенно там, где дело касается человеческого существа, которое оказывается далеко не так прочно и надежно в самом себе, как обычно полагают. Итак, несомненная опасность, неизмеримо возрастающая оттого, что пытаются наложить свою руку на власть — не кто-то конкретный, а анонимное “государство”. Так отношение к природе приобретает характер решающей, смертельной схватки: либо человеку удастся правильно поставить свою работу и свою власть, и тогда он добьется своего силой, либо всему конец»⁶.

Эта проблематика волнует и современных авторов, в том числе и не таких известных, но пытающихся дать свою оценку развитию данных процессов, ответы их разнятся друг от друга.

Л. Г. Сальникова заострила внимание на том, что «в эпоху гуманизма, разума и прогресса люди начали жить не “ради Бога”, а ради себя. Мир богател и развивался, мир науки и техники вел к постоянному облегчению их быта, способа господства. Богатство, комфорт и свобода стали последней целью цивилизации, как отказ от служения какому-либо Абсолюту. В центре цивилизации — Человек. С открытием микро- и мегамиров, с усилением мощи и самооценности технических средств Человек смещается из центра цивилизации на периферию, перестает быть субъектом происходящих процессов, становится объектом. Внутри гуманитарного теоретизирования человек перестает быть автором, субъектом, творцом. Наиболее определенно это выразилось в структурализме. Задача науки, по мнению К. Л. Стросса, не воспроизводить человека, а растворить его. Возникает феномен антигуманизма, вначале “слабого”, “теоретического” в виде приема познания, а потом всё решительнее — фундаментально-онтологического, концептуально-мировоззренческого. Прошедший в структурализме отказ от объектно-субъектной парадигмы означал отказ от признания особого положения человека в мире. Он такой же элемент его функционирования и развития. Он больше не человек, а актер или даже агент»⁷.

В этой связи актуальны слова Б. Н. Шулевского о том, что «в Новом мире катастрофически возрастает удельный вес феноменов, которые стремятся стать свободными и перейти в режим бесконтрольного *саморазвития*. Чем меньше непонимания, тем

больше нужно свободы, чтобы заткнуть дыры от исчезнувшего понимания, а рост свободы требует произвола и саморазвития.

Новый мир электронного рая радикально меняет суть общества. Социальность, как солидарные и взаимответственные связи людей, исчезает в их контактах с виртуальным миром Сети. Вначале общество заменили термином “социум”, а затем превратили в человеко-машинную *социотехническую систему*»⁸.

Машины, взбунтовавшиеся против людей, многих вдохновляли на создание книг и фильмов. Этот образ начинает заботить и авторов научных статей. По мнению Б. Н. Шулевского, «в ситуации интерфейса, в интерактивных системах человека и машин инициатива решений неотвратимо смещается в пользу искусственного интеллекта. Для человека компьютерные, программные решения выступают как шаманство, непонятное и самим шаманам. Социотехносфера — это сложная, нелинейная система, которая недоступна уму, чувствам, сознанию, интуиции человека, ибо эта система враждебна культуре и биосфере, а потому не может ждать от них милости, действуя сама по себе как судья, диктатор и судьба, истребляя малейшие признаки понимания»⁹.

В. П. Океанский и Ж. Л. Океанская писали о том, что отказ от онтологической приоритетности Прошлого приводит к деформациям, абсолютизирующим Настоящее или Будущее. Первая из них ведет к отказу от жертвенности, вторая — «к истощающему слепому футуризму, который смотрит в онтологическую пустоту. Авангард и постмодерн — своего рода пародия на метафизику традиционализма, когда отсекается фактор онтологически конкретного Будущего, что приводит к бездуховности, а Настоящее представляется неопределенной совокупностью Следов»¹⁰.

А вот, например, Е. В. Ишимская смотрит на процессы глобализации и место в них интеллигенции более оптимистично. Она пишет: «На макроуровне дискурс интеллигенции соприкасается с многоаспектной проблемой личности, ее профессионального и духовного развития, исторической роли и реализуется главным образом через понятия “интеллигент”, “интеллигентность”. <...> На макроуровне дискурс интеллигенции существует как метаязык всего человеческого сообщества, глобальный диалог мировой интеллигенции, касающийся фундаментальных, смысложизненных вопросов бытия. С этой точки зрения в дискурсе интеллигенции

преломляется всемирная история человеческой мысли, а сам дискурс выступает общим делом включенных в него субъектов ради сохранения и совершенствования жизни на Земле»¹¹.

Точка зрения Е. В. Ишимской ориентирована на «методологическую позицию Г. С. Смирнова, который, опираясь на работы В. И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена, Э. Леруа, Н. Н. Моисеева и др., видит в интеллигенции явление космопланетарного масштаба, фактор ноосферного развития»¹².

Данный пример показывает, насколько важна исходная ценностная система интеллигента при рассмотрении им процесса глобализации, для той его оценки, которая в результате будет им сформулирована.

Разномыслие в интеллигентской среде имеет свои основания. Как писал В. С. Меметов, «в случае низведения “интеллигенции” просто к “интеллектуалам” и “образованному классу” из понятия “интеллигенция” изымается, выкорчевывается та ее важнейшая нравственная суть, которая на протяжении тысячелетней истории России была для нее характерной, специфической, определяющей»¹³. Здесь же можно процитировать и С. М. Усманова, отмечающего «достаточную нравственную прочность нравственных ценностей русской интеллигенции, составляющих ее важнейший системообразующий признак»¹⁴. Именно в интеллигентской среде в наибольшей степени можно отметить попытки противостояния проблемам обезличивания человека, знания без понимания, утраты смыслов, что всё вместе определяет особое положение интеллигенции в информационном пространстве глобального мира.

Примечания

¹ Меметов В. С. Интеллигентоведение рубежа третьего тысячелетия: актуальные проблемы // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы : тез. докл. X междунар. науч.-теор. конф. Иваново, 1999. С. 46.

² Васильев Н. Н. Трансформация мировоззренческих ориентиров научно-технической интеллигенции на рубеже веков // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 143.

- ³ *Масленникова О. Н., Садина С. С.* Прагматизм в высшем образовании: pro et contra // *Интеллигенция и мир.* 2010. № 3. С. 33.
- ⁴ *Океанский В. П., Океанская Ж. Л.* Культура и кризис: сотериологические перспективы // *На пути к гражданскому обществу : науч. журн.* 2014. № 2. С. 45—46.
- ⁵ *Гвардини Р.* Конец Нового времени. URL: http://www.krotov.info/libr_min/04_g/gva/rdini.htm (дата обращения: 03.10.2013).
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Сальникова Л. Г.* Роль гуманизации и гуманитаризации в формировании будущих интеллигентов // *Интеллигенция и мир.* 2013. № 1. С. 90.
- ⁸ *Шулевский Б. Н.* «Общество знания» или «общество непонимания» // *Философия хозяйства.* 2010. № 6 (72). С. 41.
- ⁹ Там же. С. 42.
- ¹⁰ *Океанский В. П., Океанская Ж. Л.* Антикризисный потенциал православной традиции: к проблеме осмысления метафизических оснований отечественной интеллигенции в истории // *Интеллигенция и мир.* 2010. № 3. С. 140.
- ¹¹ *Ишимская Е. В.* Субстанциональные основания современного дискурса интеллигенции // *Интеллигенция и мир.* 2011. № 3. С. 150.
- ¹² Там же. С. 150—151.
- ¹³ *Меметов В. С.* О некоторых дискуссионных проблемах российского интеллигентоведения // *Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее.* Иваново, 1998. С. 11.
- ¹⁴ *Усманов С. М.* Этапы и особенности формирования интеллигенции в процессе модернизации: российский опыт в сравнительно-исторической ретроспективе // *Интеллигенция и мир.* 2004. № 1/2. С. 14.

Золотарев О. В. Украинский кризис и русская интеллигенция

Ключевые понятия: российско-украинские отношения, раскол интеллигенции, национальная интеллигенция, либеральная интеллигенция, самоидентификация интеллигенции, политическая элита.

Рассматривается влияние украинского кризиса на русскую интеллигенцию. Подчеркивается кризисное состояние российской интеллигенции как результат событий последних десятилетий.

Неустроева А. А. Украина на пути в Европу. Мнение украинской интеллигенции: pro et contra

Ключевые понятия: украинская интеллигенция, самосознание, идентичность, евроинтеграция, проблема Востока и Запада.

Изучаются позиции украинской интеллигенции по вопросам влияния Востока и Запада на Украину, выбора дальнейшего развития Украины. Рассматриваются мнения украинской интеллигенции о евроинтеграции Украины, а также конкретные действия и предложения украинских интеллектуалов.

Глазунов С. Р. Профессиональная интеллигенция и фабричная инспекция России в конце XIX века (На материалах Владимирской губернии)

Ключевые понятия: Россия, Владимирская губерния, профессиональная интеллигенция, институт фабричной инспекции, практическая деятельность, фабричное законодательство.

На материалах Владимирской губернии рассматриваются фабричные инспектора как одна из профессиональных групп интеллигенции России в конце XIX в. На базе исследовательской литературы и архивных данных анализируется практическая деятельность фабричной инспекции и роль ее сотрудников в общественной жизни.

Порозов В. А. Интеллигенция Прикамья: истоки и пути формирования

Ключевые понятия: интеллигенция, региональная интеллигенция, Прикамье, формирование интеллигенции, межэтнические и междивизиональные факторы, региональная культура.

Предпринимается попытка дать теоретический анализ процесса формирования интеллигенции одного из регионов России. Подчеркивается необходимость учета в таком анализе самых разнообразных факторов и международного аспекта проблемы. На материале одного региона показано бесспорное богатство российской интеллектуальной и художественной культуры. На основе изучения исторического прошлого сделан оптимистичный вывод о неуклонно поступательном развитии творческого процесса.

Макеев Д. А. Национальная интеллигенция в общественно-политическом движении Египта (1914—1919)

Ключевые понятия: протекторат, египетская интеллигенция, политические партии, антиколониальные выступления, восстание 1919 г., Вафд.

Отражено участие национальной интеллигенции в общественно-политической жизни Египта в годы Первой мировой войны. Отмечена причастность интеллигенции к мобилизации различных социальных слоев и классов египетского общества на выступления против английского протектората над Египтом, сопровождавшиеся организацией новых политических партий.

Рязанов П. А., Софронова Л. В. Византийский ученый Дмитрий Халкокондил в культурном пространстве ренессансной Флоренции

Ключевые понятия: эпистолярное наследие, Ренессанс, Эразм, Джон Колет, интеллектуальный и социальный контекст, патронат.

Исследуется влияние Дмитрия Халкокондила, греческого ученого-эмигранта XV в., на гуманистическую культуру ренессансной Флоренции в период ее расцвета. Анализируются контакты ученого с представителями церковной, политической и культурной элиты Италии того времени, его педагогическая деятельность. Отмечается вклад Халкокондила в распространение и углубление интереса флорентийцев к античной традиции, греко-византийской культуре, что содействовало расширению горизонта итальянской ренессансной мысли.

Кривопалова Н. Ю. Встречи с Эльвирой Борисовной Ершовой (К юбилею доктора исторических наук, профессора Э. Б. Ершовой)

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллигентоведение, гуманитарные исследования, историческая наука.

Обозначаются основные направления научных исследований Э. Б. Ершовой, дается обзор ее научно-педагогической деятельности, отмечается вклад в развитие интеллигентоведения.

Смирнов Д. Г. Интеллигенция как внутренняя форма ноосферной (глобальной) истории

Ключевые понятия: мировая интеллигенция, внутренняя форма истории, ноосферная (глобальная) история.

Исследуется феномен «внутренней формы» на пересечении интеллигентоведческого и ноосферного дискурсов. Обосновывается мысль о том, что интеллигенция как хранилище посильных для конкретного социума разумных целей и ценностей предстает в качестве внутренней формы его истории. Делается вывод о сущностной роли информационно-семиотической составляющей в контексте духовно-нравственных императивов образовательно-духовного производства мировой интеллигенции.

Рожкова А. С., Воронов Ю. М. Любители и профессионалы: новый дилетантизм в обществе знаний

Ключевые понятия: любитель, дилетант, профессионал, профессиональный любитель (Pro-Am), дилетантизм, любительство, профессионализм, новый дилетантизм, новый гуманизм.

Анализируется эволюция дилетантизма как особого социального явления: от профессионалов двадцатого столетия до современных профессиональных любителей. Описывается новый социальный гибрид — знающие, образованные, ответственные и связанные сетью любители, которые работают в соответствии с профессиональными стандартами. Показано, как новая влиятельная сила изменяет нашу экономику и культуру, потребление и производство, досуг и работу, индивидуальный стиль жизни и общество в целом. Особое внимание уделено проблемам концептуализации феномена Pro-Am революции и ее перспективам.

Григорьева Е. А. Советы ученого об управлении государством в трактате Эразма Роттердамского «Воспитание христианского государя»

Ключевые понятия: Эразм Роттердамский, «Воспитание христианского государя», политическая этика, пацифизм, идеальный государь, Карл V, Генрих VIII.

Анализируется малоизученный в отечественной историографии трактат нидерландского гуманиста Эразма Роттердамского «Воспитание христианского государя». В период острой политической и религиозной напряженности в Европе начала XVI в. ученый пишет о наилучшем способе государственного устройства, дает советы по выбору наставника для будущего правителя, предлагает способы воспитания в нем евангельских нравственных императивов. Гуманист дает рекомендации об установлении справедливых отношений между властью и обществом. Показано, что политическая этика Эразма не соответствовала властным практикам того времени.

Ракова М. С. Интеллигенция в информационном пространстве глобального мира

Ключевые понятия: интеллигенция, глобализация, информационное пространство, гуманизм, традиция, культура.

Рассматривается восприятие интеллигенцией информационного пространства глобального мира; показываются некоторые из попыток интеллигенции сформулировать ответ на вызовы новой глобальной реальности, связанной с феноменом антигуманизма.

Zolotarev O. V. Ukrainian crisis and Russian intelligentsia

Key notions: Russian-Ukrainian relations, the split of intelligentsia, national intelligentsia, liberal intelligentsia, self-identification of intelligentsia, political elite.

The article shows the influence of the Ukrainian crisis on Russian intelligentsia. Emphasized is the crisis state of Russian intelligentsia as a result of the events of the last decades.

Neustroyeva A. A. Ukraine on the way to Europe. Opinion of the Ukrainian intelligentsia: pro et contra

Key notions: Ukrainian intelligentsia, self-consciousness, identity, European integration, the problem of the East and West.

The article studies the positions of the Ukrainian intelligentsia concerning the influence of the East and the West on Ukraine, a choice of further development of Ukraine. Shown are the opinions of the Ukrainian intelligentsia concerning European integration of Ukraine, as well as specific actions and proposals of the Ukrainian intellectuals.

Glazunov S. R. Professional intelligentsia and factory inspection of Russia at the end of the 19th century (On materials of the Vladimir province)

Key notions: Russia, Vladimir province, professional intelligentsia, the institute of factory inspection, practical activities, factory legislation.

The article shows factory inspectors as one of professional groups of intelligentsia of Russia at the end of the 19th century on the materials of the Vladimir province. Basing on research literature and archive records the article analyzes practical activities of factory inspection and the role of inspectors in public life.

Porozov V. A. Intelligentsia of the Kama region: sources and ways of formation

Key notions: intelligentsia, regional intelligentsia, the Kama region, formation of the intelligentsia, interethnic and inter-civilization factors, regional culture.

The article makes an attempt to give the theoretical analysis of intelligentsia formation process in one of the Russian regions. Emphasized is the need of taking into consideration various factors as well as inter-ethnic aspect of a problem for such an analysis. Shown is the indisputable richness of the Russian intellectual and art culture on the material of one region. On the basis of studying the historical past, the author comes to the optimistic conclusion concerning the steadily progressive character of the creative process development.

Makeev D. A. National intelligentsia in the social and political movement of Egypt (1914—1919)

Key-words: protectorate, Egyptian intelligentsia, political parties, anti-colonial performances, revolt of 1919, Wafd.

The article reflects the participation of the national intelligentsia in social and political life of Egypt in the years of World War I. Noted is the participation of intelligentsia in mobilization of various social groups and classes of the Egyptian society to perform against the English protectorate over Egypt which was followed by the organization of new political parties.

Ryazanov P. A., Sofronova L. V. Byzantine scholar Dimitry Halkokondil in cultural space of the Renaissance Florence

Key notions: epistolary heritage, Renaissance, Erasmus, John Colet, intellectual and social context, patronage.

The article investigates Dimitry Halkokondil's – a Greek scholar-emigrant of the 15th century – influence on humanistic culture of the Renaissance Florence during its blossoming. Analyzed are the contacts of the scholar with representatives of church, political and cultural elite of Italy of that time as well as his pedagogical activity. Noted is Halkokondil's contribution to distribution and deepening the Florentines interest in antique tradition, in the Greek-Byzantine culture which contributed to the expansion of the Italian Renaissance thought horizon.

Krivopalova N. Y. Meetings with Elvira Borisovna Yershova
(To the anniversary of the doctor of historical sciences, professor
E. B. Yershova)

Key notions: intelligentsia, intelligentsia studies, research in humanities, historical science.

The article shows the main directions of scholarly interest of prof. Yershova, gives the review of her scientific and pedagogical activities, and notes the contribution to the development of intelligentsia studies.

Smirnov D. G. Intelligentsia as an internal form of noospheric
(global) history

Key notions: world intelligentsia, internal form of history, noospheric (global) history.

The article investigates the phenomenon of ‘an internal form’ at the crossing of the intelligentsia studies and noospheric discourses. Proved is the thought that the intelligentsia as the storage of the reasonable purposes and values, feasible for concrete society, appears as an internal form of its history. Drawn is the conclusion about an intrinsic role of an information and semiotics components in the context of spiritual and moral imperatives of educational and spiritual production of the world intelligentsia.

Rozhkova A. S., Voronov Y. M. Amateurs and professionals: a
new dilettantism in the society of knowledge

Key notions: amateur, dilettante, professional, professional amateur (Pro-Am), dilettantism, amateurism, professionalism, new dilettantism, new humanity.

The article analyzes evolution of dilettantism as a special social phenomenon: from professionals of the twentieth century to modern professional amateurs. Described is the new social hybrid — connected by a network knowing, educated and responsible amateurs who work according to professional standards. It is shown how new influential force changes our economy and culture, consumption and production, leisure and work, individual lifestyle and society in general. The special attention is paid to problems of conceptualization of a Pro-Am revolution phenomenon and its perspectives.

Grigorieva E. A. Erasmus of Rotterdam's treatise «Education of the Christian sovereign» as a piece of the scholar's advice on the state government

Key notions: Erasmus of Rotterdam, «Education of the Christian sovereign», political ethics, pacifism, ideal sovereign, Charles V, Henry VIII.

The article analyzes the treatise of the Netherlands humanist Erasmus of Rotterdam «Education of the Christian sovereign» that has not yet been thoroughly studied in the Russian historiography. In the period of sharp political and religious tension in Europe in the beginning of the XVI century the scholar writes guidance for sovereigns about the best way of a state system, gives advice on the choice of mentors for future governors, offers ways of educating future governors based on evangelical moral imperatives. The humanist makes recommendations about the establishment of fair relations between authorities and societies. It is shown that political ethics of Erasmus did not correspond to power practices of that time.

Rakova M. S. Intelligentsia in information space of the global world

Key notions: intelligentsia, globalization, information space, humanism, tradition, culture.

The article shows the perception of information space of the global world by the intelligentsia; noted are some attempts of intelligentsia to formulate answers to challenges of the new global reality connected with an anti-humanity phenomenon.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2015 № 3

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Дата выхода в свет 18.09.2015 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 7,8. Тираж 100 экз.
Заказ № 206. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

